

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLIX-й.

Январь — Февраль.

1918 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Статьи, подлежащія напечатанію въ 1918 г. и условія подписки	1—2	отбитіи отъ караула женокъ. Сообщ. <i>М. Ф. Чулицкій</i>	61—64
II. Отзвуди далекаго прошлаго. Сообщ. <i>А. Ф. Кони</i>	3—12	XI. Къ воспоминаніямъ о Т. Г. Шевченѣ. Сообщ. <i>Т. Черныгинскій</i>	65—66
III. Воспоминанія о Ф. М. Достоевскомъ. Сообщ. <i>А. П. Савельевъ</i>	13—20	XII. Пугачевская жалованная грамота изъ чинъ полковника. Сообщ. священ. <i>Н. Н. Модестовъ</i>	67—69
IV. Дневникъ академ. В. П. Безобразова. 1888 г. Сообщ. <i>М. В. Безобразова</i>	21—25	XIII. Мои встрѣчи съ германск. войсками внутри Россіи наканунѣ войны 1914—16 г.г. Сообщ. <i>Ф. Сурина</i>	70—74
V. Отрывокъ изъ неизданнаго письма Н. В. Гоголя. Сообщ. <i>С. М. Шипицѣвъ</i>	26—27	XIV. Въ чужой странѣ. Сообщ. <i>Т. Н. Бьяльковичъ</i>	75—90
VI. П. И. Вейнбергъ, И. Ф. Горбуновъ и Д. В. Аверіевъ (Встрѣчи и столкновенія). Сообщ. <i>Р. И. Семеновскій</i>	28—39	XV. Замятки Петроградск. обывателя во время русско-нѣмецкой войны. <i>В. П.</i>	91—134
VII. Петръ Великій и шведскіе послы въ 1699 г. Перевелъ со шведскаго <i>А. В. Полторацкій</i>	40—49	XVI. Алексѣй Дмитріевичъ Бутовскій. <i>П. Вороновъ</i>	135—136
VIII. Елизавета Григорьевна Темницына — дочь великолѣпн. князя Тавриды Потемкина и Высокой Особы. Сообщ. <i>В. С. Чеважевскій</i>	50—51	XVII. Императрица Елисавета Алексѣевна и князь Адамъ Чарторижскій. Сообщ. <i>Е. С. Шумигорскій</i>	137—151
IX. Мимоходомъ. Сибирская картинка. Сообщ. <i>В. И. Мерцаловъ</i>	52—60	XVIII. Обзоръ Записокъ гр. Матвѣева и вновь открытыхъ вариантовъ ихъ о стрѣлцонномъ полковникѣ Сухаревѣ. Сообщ. <i>А. В. Лонгиновъ</i>	152—160
X. Изъ старыхъ дѣлъ. Объ учебникахъ хирургическ. науки, обвиняемыхъ въ		XIX. Библиографическій листокъ (на обложкѣ).	

Приложеніе. Портретъ Алексѣя Дмитріевича Бутовскаго.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1918 года.
Подписная цѣна на 1918 годъ — 28 руб., за границу — 32 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч.
до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. 18.

I — II книжка „Русской Старины“ вышла 30 января 1918 г

Библиографическій листокъ.

Н. А. Янчукъ. Знаменитый зодчій XVIII вѣка Вас. Ив. Баженовъ и его отношеніе къ масонству (1737—1799). Съ портретомъ. Петроградъ. 1916. Стр. 72.

Живо и любовно написанный очеркъ этотъ посвященъ одному изъ тѣхъ русскихъ гениальныхъ самородковъ, которые на культурномъ Западѣ получили признаніе раньше, чѣмъ въ своемъ отечествѣ, и которые прославили русское имя въ Европѣ больше всѣхъ завоевателей и политическихъ дѣятелей. В. И. Баженовъ—сынъ разночинца—былъ первымъ ученикомъ академіи художествъ и первымъ студентомъ Московскаго университета. Провѣвъ свои художественныя дарованія еще въ отроческомъ возрастѣ, Баженовъ былъ посланъ для завершенія образованія за границу и въ Итадіи усовершенствовалъ свой талантъ. Вернувшись на родину, Баженовъ сразу занялъ видное положеніе, хотя соотечественники не умѣли цѣнить его такъ, какъ оцѣнили его за границей. Баженову принадлежатъ проекты многихъ художественныхъ зданій столицы и даже провинціи. Ему приписывается сооруженіе знаменитаго дома Пашкова въ Москвѣ—нынѣ Румянцевскій музей. Собравъ всѣ печатные матеріалы о Баженовѣ, г. Янчукъ воспользовался для своего очерка и архивными матеріалами. Любопытны его сообщенія о порученной Баженову постройкѣ Кремлевскаго дворца для Екатерины II, имѣвшего затмить своей красотой всѣ архитектурныя чудеса міра. На-ряду съ подробнымъ и очень интереснымъ очеркомъ жизни и художественной дѣятельности Баженова, авторъ далъ очеркъ его масонской дѣятельности. Къ книжкѣ (собственно оттискъ изъ „Журн. Мин-ва Нар. Просвѣщ.“) приложенъ портретъ знаменитаго русскаго зодчаго.

С. III.

Пѣсни о русской сестрѣ милосердія 1914—1916 г.г.,
собранныя Евг. Веневчинскимъ. Петр. 1917. Стр. 89.

Подвижничество русской женщины, проявившееся въ нынѣшнюю страшную войну на поляхъ кровавыхъ битвъ, заслуживаетъ, конечно, болѣе крупнаго памятника, чѣмъ настоящій сборникъ. Но нельзя не отнести съ сочувствіемъ къ замыслу редакціи „Вѣстника Краснаго Креста“, давшей этотъ сборникъ въ качествѣ бесплатнаго приложенія къ своему журналу. Многія изъ включенныхъ въ него стихотвореній нескладны по выполненію, но всѣ они проникнуты горячимъ чувствомъ любви и уваженія къ сестрѣ милосердія—самоотверженной подвижницѣ войны и утѣшительницѣ раненыхъ войною.

М. С.

Открыта подписка на историческій журналъ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
 на 1918 годъ.

Вступая въ 1918 году въ сорокъ девятый годъ своего существованія, редакция журнала „РУССКАЯ СТАРИНА“ предполагаетъ напечатать въ этомъ году слѣдующія статьи: **Воспоминанія выдающихся вождей настоящей войны.**—**А. Ф. Кони.**—Отзвуки великаго прошлаго.—Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебного дѣятеля.—„Житейскія встрѣчи“. **Дневныя записки генерала Патрика Гордона**, сподвижника царей Алексѣя Михайловича, Федора Алексѣевича и Петра Великаго. **А. И. Савельева.**—Воспоминанія о Ф. М. Достоевскомъ. **В. М. Бочкарева.**—Къ исторіи проведенія въ жизнь губернской реформы Екатерины II. **В. Евгельева.**—Неизданная статья (1863—64 г.г.). **И. А. Гончарова.**—„День Аксакова“. Письма **И. И. Чайковского** къ И. А. Мельникову. **Е. С. Шумигорскаго.**—Донсенія датскаго посланника Гакстгаузена о црствованіи Петра III и переворотѣ 1762 г.—Изъ записокъ гр. А. И. Головкина.—Разказы современниковъ объ императорѣ Павлѣ I.—Дневникъ статсъ-секретаря **Гр. И. Вилламова.** **С. В. Тагѣева.**—Курьезы старой Москвы. **Ф. И. Сурина.**—Мои встрѣчи съ германскими войсками внутри Россіи, наканунѣ настоящей войны. **С. М. Шпидера.**—Отрывокъ изъ неизданнаго письма **Н. В. Голя.**—Дневникъ академика **В. П. Безобразова.** **Н. Модестова.**—Послѣдній день жизни императора Александра и его кончина въ Таганрогѣ по письму командира Петра Панькова къ московскому коменданту **И. П. Веревкину.** **М. С. Гомеранцева.**—Гр. Растрелли старшій и его челоуитна. **Б. А. Модзалевскаго.**—Дневникъ **А. Т. Ярославова.** **Р. И. Сементковскаго.**—Встрѣчи и столкновенія (М. Н. Альбовъ, Д. И. Тихомировъ, П. И. Вейнбергъ, И. Ф. Горбуновъ, Н. К. Шильдеръ, И. К. Мердеръ. Дневникъ **И. И. Скворцова** (Импер. Александръ II, Д. А. Милютинъ, гр. А. А. Шуваловъ, Кауфманъ, Барановъ и др.). **Н. О. Лернера.**—Изъ писемъ профессора **М. П. Розберга.** **Л. И. Сазонова.**—Изъ нравовъ минувшаго. **В. И. Мерцалова.**—Михоходомъ. **Н. И. Соловьева.**—Крестьянскіе бунты въ концѣ царствованія Александра I (по архивнымъ источникамъ). **В. В. Шереметевскаго.**—Шествіе съ красными флагами въ XVII вѣкѣ. **Д. Фаворскаго.**—Освобожденіе духовенства отъ тѣлеснаго наказанія. **В. П. Зямткинъ** и **Т. Ю. Радского** съ вѣтъ въ вѣрмя русскіи-итмешкой войны.—**И. А. Бирюкова.**—Къ биографіи архимандрита Іоакима Бичурина. **А. А. Половцевой.**—Изъ дневника мирового посредника. **В. Корша.**—Петербургскій университетъ 1868—69 г.г. **А. М. Самбургскаго.**—Изъ жизни правдѣда. **С. Н. Браиловскаго.**—**А. Ф. фонъ-деръ Бринкенъ** на родинѣ (изъ жизни декабриста). Письмо **Ф. И. Визина** генераль прокурору объ исходатайствованій ему высшаго назначенія въ вѣту пргизводства его въ тайные совѣтники Чернатынскаго. Къ воспоминаніямъ **Т. Г. Шевченко.** **Н. П. Модестова.** Пугачевская жалованная грамота на чинъ полковника—**Чеважевскаго.**—**Е. Г. Темничина.** Дочь Потемкина и Высокой Особы. **Е. И. Галойченко.** Указъ имп. Елизаветы Петровны въ 1755 г. о бережномъ доставленіи въ Петербургъ свящ. Иванова, имѣющаго 144 чел. потомства. императоръ Николай I по характеристикѣ его современника, эмигранта публициста **И. Г. Головина** и др.

Кромѣ того будутъ помѣщены воспоминанія участниковъ настоящей войны и возстановлены статьи, вычеркнутыя прежноу цензуроу.

По нумѣру прежнихъ лѣтъ въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей.

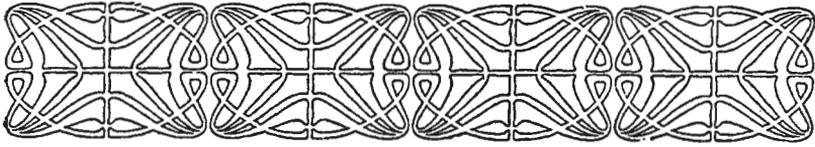
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
 за годъ 28 руб., за границу—32 руб.
 За полгода въ Россіи 14 руб., при условіи подписки
 въ контоуѣ журнала.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣляется уступка на 5% съ экземпляра.

Подписка принимается: Петроградъ, Фонтанка, 18.

АЛЕКСѢЙ ДМИТРИЕВИЧЪ
БУТОВСКІЙ.

Отзвуки далекаго прошлаго.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Я. П. Полонскому И. С. Тургеневъ преподаетъ рядъ правилъ житейской мудрости, почерпнутой имъ изъ опыта. Одно изъ нихъ гласитъ, что слѣдуетъ размышлять о прошедшемъ, удовлетворять требованіямъ настоящаго и никогда не думать о будущемъ. Трудно не согласиться съ первою и второю частью этого совѣта, но размышленіе о прошедшемъ личной или общественной жизни возможно лишь при ясной памяти о первой и при знакомствѣ со второю въ ея различныхъ проявленіяхъ. Этому послѣднему знакомству помогаютъ жить наши историческіе журналы и отдѣльные мемуары, такъ и труды, посвященные искусству въ его исторіи и отношеніи къ нему бытовыхъ явленій. Въ этомъ отношеніи нельзя не признать выдающагося интереса за изданіями В. А. Верещагина въ видѣ различныхъ сборниковъ, въ числѣ которыхъ за послѣдніе годы приходится отмѣтить: „Памяти прошлаго“, „Московскій Аполлонъ“ и „Старый Львовъ“.

Труды В. А. Верещагина посвящены напомниманіямъ о нашемъ прошломъ, какъ въ отдѣльныхъ его мелочныхъ и повседневныхъ, но тѣмъ не менѣе типичныхъ, проявленіяхъ, такъ и о нѣкоторыхъ широкихъ чертахъ и картинахъ нашего историческаго прошлаго въ его характерныхъ личностяхъ и памятникахъ. Такія воспоминанія, когда они проникнуты живымъ чувствомъ красоты и художественнымъ пониманіемъ, особенно цѣнны именно въ наше время, которое не даромъ упрекаютъ въ забвеніи „вчерашняго дня“. Въ этомъ забвеніи не безъ основанія многіе видѣли одну изъ причинъ безсодержательности нашей жизни за послѣдніа десятилѣтія и нашей нелюбви серьезно подумать о томъ „что день грядущій намъ готовить“. А между тѣмъ обстановка и условія нашего прошлаго, по богатству въ немъ „свѣтотѣни“, не только ин-

тересна, но и поучительна. Это прошлое представляло много трагичныхъ сторонъ, которымъ мѣсто не только въ обвинительномъ актѣ исторіи, но и въ дальнѣйшемъ ея приговорѣ и въ ея практическихъ предсказаніяхъ. Въ немъ были, однако, и свѣтлыя живительныя стороны. Забывать ни тѣ, ни другія не слѣдуетъ. Забвеніе первыхъ можетъ грозить ихъ повтореніемъ, лишь въ иной формѣ въ будущемъ; пренебрежительное отношеніе ко вторымъ было-бы несправедливостью. Не перечисляя отдѣльныхъ статей, входящихъ въ сборники Верещагина, и не передавая содержанія каждой изъ нихъ, надо прежде всего отмѣтить, что въ своей совокупности онѣ представляютъ въ общедоступной формѣ богатая бытовья и историческія характеристики—результатъ обширной и разносторонней начитанности автора, о которой свидѣлствуютъ богатая примѣчанія и его умѣнье рисовать свой предметъ съ правдивой яркостью. Рисуя намъ общественные нравы конца XVIII и начала XIX вѣка, авторъ предпосылаетъ этому краткую, но содержательную характеристику Александра I-го, соединявшаго въ себѣ, по словамъ Екатерины, нѣжно любившей своего внука, множество противоположностей. „Начало его царствованія—говоритъ Верещагинъ—ознаменовалось цѣлымъ рядомъ освободительныхъ реформъ. Руководясь идеальными воззрѣніями, Александръ задумалъ возстановить въ государствѣ „все то, что по сіе время противу добраго порядка вкоренилось“, выставляя при каждомъ случаѣ принципъ законности и подчиняя ему неограниченность собственной власти. Не успѣли блестящимъ метеоромъ пролетѣть эти первые свѣтлые дни, когда настало, по выраженію современника, „полное затменіе“. Вступая на путь преобразованій, Александръ, по свойственному ему обыкновенію, сейчасъ же одумывался и переходилъ къ неизбѣжнымъ колебаніямъ, приводившимъ его къ столь же неизбѣжной реакціи“.—Двуличность „новаго Агамемнона“ и „сфинкса, не разгаданнаго до гроба“ (кн. Вяземскій), приносившаго существенные интересы Россіи въ жертву своему завистливому честолюбію, плакавшаго объ участи черныхъ невольниковъ и ограничивавшагося платоническими мечтами объ улучшеніи у себя участи бѣлыхъ невольниковъ,—спрашивавшаго Меттерниха, какъ устроить въ Россіи оппозицію, но только безъ представительныхъ учреждений,—находитъ себѣ правильную оцѣнку въ слѣдующихъ словахъ автора: „слабовольный государь былъ способенъ одновременно мечтать о конституціи и дрожать за самодер-

жавіе, думать объ отмѣнѣ крѣпостного права и вводить военныя поселенія, смѣнять смѣлыхъ реформаторовъ строгими блюстителями порядка, приближать Кочубея, Новосильцева, Строганова и Чарторижскаго и дружить съ грубымъ и тусклымъ Аракчеевымъ“. „Какимъ-то страннымъ, загадочнымъ образомъ“—говоритъ онъ далѣе—эта знаменитая двойственность Александра отразилась, какъ въ зеркалѣ, во всей современной ему жизни Россіи. Едва-ли, дѣйствительно, русскіе люди переживали когда-либо столько крайнихъ „противуположностей“ и „противочувствованій“ въ разнообразнѣйшихъ отрасляхъ ихъ общественной жизни, какъ въ Александровское время. Политическіе идеалы первыхъ дней царствованія Александра скоро стали признаваться несбыточной мечтой. Рядомъ съ гуманными законами на бумагѣ—продолжалъ царить безграничный произволъ богатаго и сильнаго; въ административныхъ учрежденіяхъ—вопіющія злоупотребленія; въ судѣ—поголовное взяточничество. Въмѣстѣ съ тѣмъ новыя вѣянія и новыя вліянія зарождаютъ понятіе о политической неблагонадежности. Сановный Державинъ возстаетъ противъ французскаго конституціоннаго духа, объясняя революцію „развращеніемъ философовъ“ и „излишней царской добротой“. Карамзинъ объявляетъ всякое нововведеніе непоправимымъ зломъ. Шишковъ находитъ самого Карамзина небезопаснымъ за произведенную имъ перемѣну литературнаго слога, въ которой онъ видитъ неблагонамѣренное направленіе. Свободный цензурный уставъ 1804 года не примѣняется, уступивъ въ послѣдствіи мѣсто „чугунному“ уставу Магницкаго, который сумѣлъ бы—говоритъ современникъ—и въ „Отче нашъ“ найти якобинство. Радищевъ, послѣ напоминанія Завадовскаго объ Илимскомъ острогѣ кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Сперанскій отправляется въ ссылку.

Россія состояла въ то время изъ отдѣльныхъ сословій, не связанныхъ между собою никакими общими интересами. Умственная жизнь была сосредоточена въ дворянской средѣ, но лишь самая незначительная часть этой среды состояла изъ людей, дѣйствительно воспитанныхъ и получившихъ здравыя понятія объ обязанностяхъ гражданина и правахъ человѣка. Эти люди могли бы въ любомъ, современномъ имъ европейскомъ обществѣ занять почетное мѣсто и играть видную роль, но вращались они только между собой и не оказывали никакого вліянія на все, что находилось внѣ ихъ кружка. Остальная жизнь дворянской Россіи была „бичемъ варварскаго дес-

потизма“. Это былъ пышный расцвѣтъ крѣпостного права, царство Аракчеевыхъ и Минкиныхъ, расцвѣтъ безграничнаго самодурства и своевольства помѣщиковъ, разыгрывавшихъ владѣтельныхъ особъ. Однимъ изъ цвѣтковъ этого „расцвѣта“ является въ описаніи Верещагина жена владѣльца роскошнаго Саратовскаго имѣнія „Зубриловка“ княгиня Варвара Васильевна Голицына. Эта „Златовласая Плѣнира“ и „Улыбочка“, какъ ее звали современники, таскала за волосы своихъ пріятельницъ, сѣкла среди поля плетью засѣдателя за неисправность утомившей ее дороги и угрожала гостившему у нея Ф. Ф. Вигелю „разложить его и высѣчь“... Замашкамъ владѣтельныхъ особъ, заставлявшихъ наивныхъ иностранцевъ предполагать, что Россія раздѣляется на рядъ герцогствъ, помогали огромныя земельныя богатства и владѣніе массой „крещеной собственности“. Такъ на примѣръ князь Ѳеодоръ Сергѣевичъ Голицынъ, „избравшій цѣлью жизни наслажденіе“, женился на княжнѣ Прозоровской, принесшей ему въ приданое 14 тысячъ душъ крестьянъ, имѣлъ въ помѣстьѣ своемъ „Зубриловкѣ“ 600 человѣкъ дворни и переѣзжалъ изъ Саратовской усадьбы въ Кіевскую въ сопровожденіи цѣлаго общества друзей и приживальщиковъ и оркестра изъ сорока музыкантовъ. „Окруженные многочисленнымъ штатомъ безсловесныхъ рабовъ, шутовъ и шутихъ, дураковъ и дуръ, эти помѣщики-царьки были исключительно заняты „полеваніемъ“ (охотой), вакханаліями съ крѣпостными дѣвками и чисто животнымъ разгуломъ“—говоритъ авторъ. Къ этому присоединялась подчасъ нелѣпая подражательность. Пензенскій губернаторъ, князь Григорій Голицынъ, любя искренно жену и будучи ей всю жизнь вѣренъ, считалъ однако своимъ идеаломъ не болѣе, не менѣе, какъ Людовика XIV и завелъ себѣ, поэтому, дворъ мнимыхъ любовницъ, прозванныхъ имъ Монтеспанъ и Ла-Валльеръ, требуя отъ жены показной къ нимъ холодности. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, наука считалась дѣломъ не дворянскимъ, воспитаніе дѣтей отдавалось въ руки французскимъ эмигрантамъ, вносившимъ въ семьи развратъ, презрѣніе ко всему русскому и стремленіе къ роскоши и мотовству. Но—по словамъ автора—привлекая французовъ и стараясь подражать имъ, баре Александровскаго времени заимствовали только внѣшній ихъ лоскъ, продолжая чуждаться интересовъ культуры, особенно отечественной. Они коверкали французскій языкъ, еле умѣя подписаться по-русски, наполняли библіотеки сочиненіями французскихъ энциклопедистовъ, которыхъ никогда не

читали, и въ доморощенной грязи и неряшествѣ вѣшали картины „талбьянскія, на манеръ рыхвалеевой (Рафаэлевой) работы“. Это было время наружнаго великолѣпія при подавляющей внутренней нищетѣ и полномъ отсутствіи самаго элементарнаго образованія, духовныхъ интересовъ и твердыхъ нравственныхъ началъ. Этого поверхностнаго стремленія къ показной образованности и къ своеобразно понимаемой культурѣ не было въ средне-дворянскомъ и помѣщичьемъ сословіи. Тамъ все было откровеннѣе и проще. Вотъ какъ рисуетъ Верещагинъ домъ стараго Москвича, удалившагося отъ шумной полуевропейской жизни столицы: „большой дворъ заваленъ соромъ и дровами, позади огородъ съ овощами, а возлѣ дома подъѣздъ съ перилами. Въ прихожей толпа слугъ оборванныхъ, грубыхъ и полупьяныхъ, которые отъ нечего дѣлать съ утра до ночи играютъ въ карты. Комнаты безъ обоевъ, стулья безъ подушекъ, по стѣнамъ картины домашняго маляра. Въ столовой накрытъ столъ, на которомъ стоятъ щи, каша, грибы и бутылка съ квасомъ. Хозяинъ въ тулупѣ, хозяйка въ салопѣ; съ одной стороны сидитъ приходскій попъ, школьный учитель и шутъ, а съ другой толпа дѣтей, старуха ворожея, мадамъ и гувернеръ изъ нѣмцевъ“. Эти бытовые нравы проникнуты сословною отчужденностью, тщательно охраняемою. Описывая наряды первой четверти прошлаго вѣка, авторъ приводитъ отрывокъ изъ письма одной щеголихи, вынужденной заняться своихъ хозяйствомъ: „я принуждена была смотрѣть за курами и деревенскими бабами; разсуди, радость, сносно ли благородной дворянкѣ смотрѣть за этакою подлостью“.—Подобнымъ взглядамъ не мѣшала ничуть водворившаяся въ литературѣ сентиментальность со слащавыми описаніями нѣжныхъ „чувствованій“ людей другъ къ другу, къ пташкамъ и природѣ вообще. „Вѣстникъ Европы“ за 1802 годъ съ восхищеніемъ передаетъ, какъ трогательно назидательный случай, явку бѣдной дворянки въ крестьянскомъ платьѣ къ мѣстному губернатору съ просьбой принять въ училище двухъ ея дѣтей, при чемъ губернаторъ заплакалъ „отъ чувствительности“, а благородныя дѣти училища, окружившіе своихъ новыхъ товарищей и сначала смотрѣвшіе на нихъ дико, непремѣнно захотѣли раздѣлить съ ними все, что имѣли, услышавъ, что они, подобно имъ, дворяне.

Повѣствуя въ своихъ статьяхъ о старыхъ усадьбахъ, о русской жизни въ отечественную войну, о женскихъ модахъ Александровскаго времени, объ исторіи вѣера и т. п., давая

рядъ цѣнныхъ по содержанію замѣтокъ объ искусствѣ и заключая свою книгу „Памяти прошлаго“ живыми путевыми набросками, авторъ сопровождаетъ все это многочисленными и отлично исполненными иллюстраціями, портретами и стильными виньетками. Среди этого разнообразнаго матерьяла встрѣчаются отдѣльныя указанія и цѣлыя страницы большого интереса, бросающія свѣтъ на ту или другую сторону нашей жизни. Таково напримѣръ въ статьяхъ о вѣрѣ указаніе на роскошь, водворившуюся при русскомъ дворѣ послѣ воцаренія Анны Іоанновны. „Золото и серебро заблестали на всѣхъ придворныхъ; для удовлетворенія страсти Бирона къ лошадямъ были заведены блестящіе придворные экипажи; балы и маскарады были обычными явленіями. Но всѣ эти торжества и увеселенія носили все тотъ же грубый характеръ, не смягченнѣй ни воспитаніемъ, ни обычаями того времени,—грубый у всѣхъ, начиная отъ самой императрицы, съ ея собственноручными расправами, постояннымъ обществомъ шутовъ и „ледяными“ увеселеніями“. Какимъ-то, дѣйствительно, леденяющимъ ужасомъ и мертвеннымъ холодомъ вѣетъ отъ всей этой пышной эпохи и не случайно, нужно думать, оба относящіеся къ ней вѣра облечены въ такія мрачныя, не соответственныя изящному вѣру, оправы: одинъ въ темную полированную сталь, а другой въ кованую мѣдь.—Такова, напримѣръ, въ статьѣ о женскихъ модахъ Александровскаго времени слѣдующая справка: „приблизительно съ 1806 года, въ ущербъ общей стилиности наряда исчезли легкія, полупрозрачныя ткани, утратилась ихъ благородная простота. Платья начали носить изъ болѣе плотныхъ матерій, вышитыхъ золотомъ и серебромъ, и изъ бархата. Отказались также отъ однотоннаго бѣлаго цвѣта, замѣнивъ его разными другими цвѣтами, которые особенно къ двадцатымъ годамъ окрестили самыми странными невѣроятными названіями: упавшей въ обморокъ лягушки (*grenouille évanouie*); испуганной мыши (*sourie effrayée*); влюбленной жабы (*crapaud amoureux*); мечтательной блохи (*puce rêveuse*) и даже паука, замышляющаго преступленіе (*araignée méditant un crime*)“. Таковъ, наконецъ, опытъ объясненія блеска царствованія Екатерины II особенностями ея государственной проницательности, состоявшей не только въ знаніи людеи, но и въ пониманіи и правильной оцѣнкѣ личностей, которымъ вручаются власть и вліяніе. Екатерина „Великій“, какъ называлъ ее блестящій остроуміемъ князь де-Линь, обладала цѣннѣйшимъ и рѣдчайшимъ у монарховъ даромъ „счастливой

руки“. И, можетъ-быть, именно этой „рукѣ“ она обязана въ значительной степени величіемъ царства. Всѣ орлы ея стаи, всѣ эти сверкающіе алмазами сподвижники ея славныхъ дѣлъ были, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, совершенно неподготовлены предыдущей своей дѣятельностью или скорѣе бездѣятельностью къ ожидавшимъ ихъ прославленнымъ подвигамъ, что нисколько не помѣшало имъ обезсмертить и себя, и царство, которому они служили. „Счастливая рука“ императрицы искупала эту неподготовленность, предугадывая чудодѣйственнымъ наитіемъ, и почти всегда безошибочно, способности и качества избираемыхъ ею сподвижниковъ. Этой изумительной удачливостью Екатерины и объясняется подавляющее при ней число „настоящихъ людей на настоящихъ мѣстахъ“. „C'est un maître—roi que cette Catherine“—писалъ въ послѣдствіи Бѣлосельскому по поводу помѣтки императрицы Мармонтель—*et c'est d'elle qu'on doit apprendre à connaître les hommes, à les employer et à les faire valoir. Sa façon de régner est simple, franche, naturelle; on voit qu'elle est née pour les grandes choses; un empire à gouverner ne lui pèse pas une once; elle lui donne le branle, comme une autre femme à son rouetelle manie un sceptre avec la même aisance, qu'Hercule maniait sa massue*“.

Выдающееся значеніе, въ виду пережитыхъ нами эпизодовъ войны и своихъ вѣчныхъ красотъ искусства, представляетъ „Старый Львовъ“ и сопровождающій его Альбомъ. Польская культура восприняла въ блестящихъ образцахъ всѣ послѣдовательные періоды развитія живописи, скульптуры и архитектуры въ западной Европѣ. Въ зданіяхъ ея городовъ, въ ея церквахъ нашли себѣ отраженіе и позднѣйшая готика, и стиль возрожденія, и барокко и холодный классицизмъ первой Имперіи;—въ ея художественныхъ частныхъ и общественныхъ хранилищахъ собраны замѣчательныя произведенія кисти. Все это, какъ въ микрокозмѣ, собралось и въ Львовѣ и подало Верещагину поводъ дать цѣлую книгу, снабженную (вмѣстѣ съ Альбомомъ) 115 превосходно исполненными иллюстраціями. Книга полна данныхъ, цѣнныхъ и для любителя искусства и для интересующагося прошлымъ столь близкаго къ намъ края. Послѣднему посвящается „Очеркъ исторіи Галицкой Руси“ и „Очеркъ исторіи Львова“. Относясь со скорбью къ тѣмъ вліяніямъ и давленіямъ, которымъ подвергается съ разныхъ сторонъ коренное русское населеніе старой „Червонной Руси“, авторъ заканчиваетъ свой трудъ слѣдующими примирительными аккордами: „Судьбы народовъ

слагаются из совокупности внѣшнихъ условий, многообразныхъ и измѣнчивыхъ, среди которыхъ имъ приходится дѣйствовать, изъ ряда счастливыхъ и неудачныхъ сочетаній. Въ сочетаніяхъ и условіяхъ, вызвавшихъ многовѣковую борьбу двухъ славянскихъ народовъ, на которую были такъ безумно растрчены ихъ матерьяльныя и духовныя силы, наступаетъ великій переломъ. Мѣняются символы политическаго мышленія, озаряя отвлеченную мысль лучемъ проникновеннаго чувства; смолкаютъ соціальныя розни передъ національной опасностью; на кровавую страду шлетъ истерзанная Польша своихъ доблестныхъ витязей. Въ этой алой крови, ими самоотверженно пролитой, подъ стягомъ Россіи на старой польской землѣ, таится незримо свѣтъ грядущаго мира, братство сердца и разума, который долженъ затмить наше вѣковое „нелюбие“... Вечеромъ, бродя по улицамъ города, я зашелъ въ древній костелъ. Въ полумракѣ мечтательныхъ тѣней еле обрисовывались согбенныя фигуры молящихся; одинъ только ксендзъ, произносившій вдали задушевную проповѣдь, блисталъ особенно ярко въ своей серебряной ризѣ, залитой свѣтомъ престола. Онъ говорилъ о братской любви и терпимости. „Богъ одинъ“—повторялъ онъ въ своемъ страстномъ призывѣ—„у поляковъ и у русскихъ“. Свѣтлое знаменіе времени! Одинъ Богъ и... одна, можетъ быть, родина, связанная единою любовью“.

Внѣ нашей старины стоятъ „Путевые наброски“—результатъ наблюдательности автора въ Испаніи, Франціи, Бельгіи, въ Индіи и на Кавказѣ. Какъ образецъ содержанія многихъ страницъ этихъ набросковъ можно указать на описаніе службы въ Севильскомъ соборѣ, не уступающее нѣкоторымъ очеркамъ Амичиса въ его „La Spagna“. „Соборъ былъ слабо освѣщенъ, но этотъ слабый мерцающій свѣтъ придавалъ его колоссальнымъ размѣрамъ еще болѣе грандіозный видъ. Все громадно, но вмѣстѣ съ тѣмъ изящно, благородно; никакихъ излишнихъ украшеній; ни позолоты, ни бронзы, ни мрамора, ни всего мишурнаго богатства католическихъ церквей. Взоръ теряется въ безконечной перспективѣ громадныхъ колоннъ изъ сѣраго камня, поддерживающихъ высокіе готическіе своды. Чѣмъ-то мистическимъ отзывается ихъ классическая красота; какъ-то невольнѣ чувствуешь себя подавленнымъ, точно не мѣсто здѣсь мелкимъ людямъ, точно созданъ этотъ громадный храмъ для какихъ-то людей—гигантовъ. Служба еще не начиналась. Но вотъ бьютъ часы, раздается аккордъ, а за нимъ еле слышно,

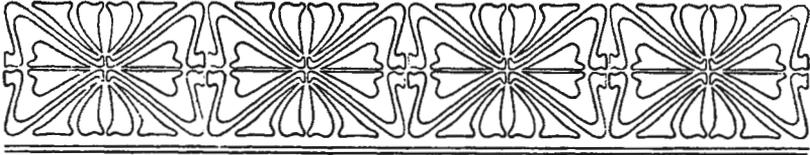
откуда-то сверху—тихая мелодія. Вся эта обстановка, эти чудные звуки переносят невольно въ какой-то заоблачный міръ: то они, постепенно усиливаясь и переходя въ могучіе аккорды, будто грозятъ муками ада тысячамъ собравшихся грѣшниковъ, то опять они замираютъ и, превращаясь снова въ пѣвучую мелодію, напоминаютъ людямъ о вѣчной любви и прощеніи. Высокій теноръ поетъ *misereere*. Его самого не видно, одинъ голосъ мягкій, симпатичный, льется по необъятнымъ сводамъ храма. Всѣ слушаютъ. Не шелохнется тысячная толпа, отходятъ отъ нея помыслы земные. Не смотрятъ альмавивы на колѣнопреклоненныхъ красавицъ, не смотрятъ и на нихъ красавицы: наклонились онѣ къ холодному полу и, скрестивъ руки съ молитвой, задумались... А голосъ раздается все вкрадчивѣе, все задушевнѣе: „crede“ поетъ онъ—„crede!“.. Такъ, казалось, и простоялъ бы въ этомъ колоссальномъ храмѣ цѣлую вѣчность, слушая и наслаждаясь чудными звуками“.

Излишне говорить, что по всѣмъ тремъ книгамъ разсыпано множество серьезныхъ замѣчаній, любопытныхъ черточекъ о личности разныхъ извѣстныхъ въ области изысканій автора—людей,—интересныхъ цитатъ и афоризмовъ и краткихъ, но мѣткихъ опредѣленій. Въ „Московскомъ Аполлонѣ“ кромѣ того приведены автографическіе снимки съ записочекъ и писемъ Екатерины II, Бомарше, Бернарденъ де Сенъ Пьера и Вольтера—и къ нему приложены тексты очень интересныхъ писемъ Гретри, Мармонтеля, Лагарпа, Тибо, Кабаниса, Ланжерона и др. и между ними письмо Екатерины II къ племяннику курфюрсту Саксонскому, въ которомъ она, отзывая своего посланника Бѣлосельскаго, увѣряетъ своего „дружелюбно любезнаго“ племянника во всегдашнемъ благоволеніи его „дружелюбно охотной тетки“ и готовности къ оказанію ему „пріятныхъ охотностей“. По отношенію къ письмамъ и дневникамъ, помѣщеннымъ въ „Аполлонѣ“ и въ „Памяти прошлаго“, В. А. очень вѣрно замѣчаетъ, что старыя письма имѣютъ свое особое обаяніе. Въ ихъ выщѣтшихъ строкахъ, набросанныхъ часто небрежной, часто проговаривающеюся рукой, искрятся, то вспыхивая, то потухая, золотистые блески искренней мысли, всегда угасающей въ придуманной были самолюбующихся дневниковъ. Въ письмахъ эта обдуманность рѣже и оттого она обыкновенно правдивѣе. Въ нихъ прозрачнѣе та маска, которую надѣваетъ на себя человѣкъ. Въ нихъ жизнь выявляется ярче и выпуклѣе.

Каждое изъ упомянутыхъ изданій В. А. Верещагина свидѣтельствуетъ объ обширномъ усидчивомъ и кропотливомъ трудѣ автора, давшемъ ему возможность изъ анализа многочисленныхъ и разнообразныхъ источниковъ вывести синтезъ ряда общественныхъ и бытовыхъ явленій. Очеркъ литературной дѣятельности его былъ бы, однако, не полонъ, если бы не упомянуть о ранѣе появившемся роскошномъ по художественному содержанію и богатомъ біографическими подробностями и цѣнными примѣчаніями,—изданіи подъ общимъ заглавіемъ „Карриатура“ въ трехъ томахъ („В. Ф. Тиммъ“, „Отечественная война — Теребеневъ, Венеціановъ, Ивановъ“ и „А. О. Орловскій“), въ которыхъ съ особой тщательностью всесторонне и впервые изслѣдована эта особенная область творчества, отражающаго въ себѣ шутивно-ироническое, а иногда и негодующее отношеніе общества и его талантливыхъ представителей въ области искусства—къ окружающей жизни и ея событіямъ.

1916 г.

Сообщилъ **А. Θ. Кони.**

Воспоминанія о Ф. М. Достоевскомъ.

Я позволяю себѣ передать въ „Русской Старинѣ“ мои воспоминанія о годахъ молодости Ф. М.; Достоевскаго времени его пребыванія кондукторомъ (воспитанникомъ) въ Главномъ Инженерномъ Училищѣ, гдѣ я служилъ въ должности дежурнаго офицера и зналъ Ф. М. близко и пользовался дружескимъ его расположеніемъ.

Ф. М. Достоевскій, по конкурсному экзамену (1838 г.), поступилъ въ Гл. Инж. Уч. при мнѣ, и съ первыхъ годовъ его пребыванія въ немъ и до выпуска изъ верхняго офицерскаго класса (1843 г.) на службу, онъ настолько былъ не похожимъ на другихъ его товарищей, во всѣхъ поступкахъ, наклонностяхъ и привычкахъ, и такъ оригинальнымъ и своеобразнымъ, что сначала все это казалось страннымъ, ненатуральнымъ и загадочнымъ, что возбуждало любопытство и недоумѣніе, но потомъ, когда это никому не вредило, то начальство и товарищи перестали обращать вниманіе на эти странности. Ф. М. вель себя скромно, строевыя обязанности и учебныя занятія исполнялъ безукоризненно, но былъ очень религіозенъ, исполняя усердно обязанности православнаго христіанина. У него можно было видѣть и Евангеліе и *Die Stunde der Andacht* Цемале и др. Послѣ лекцій изъ закона Божія о. Полуэктова Ф. М. еще долго бесѣдовалъ со своимъ законоучителемъ. Все это настолько бросалось въ глаза товарищамъ, что они его прозвали монахомъ Фотіемъ. Невозмутимый и спокойный по природѣ, Ф. М. казался равнодушнымъ къ удовольствіямъ и развлеченіямъ его товарищей; его нельзя было видѣть ни въ танцахъ, которые бывали въ училищѣ каждую недѣлю,

ни въ играхъ, въ „загонки, бары, городки“, ни въ хорѣ пѣвчихъ. Впрочемъ, онъ принималъ живое участіе во многомъ, что интересовало остальныхъ кондукторовъ, его товарищей. Его скоро полюбили и часто слѣдовали его совѣту или мнѣнію. Нельзя забыть того, что въ то время, въ замкнутомъ военно-учебномъ заведеніи, гдѣ цѣлую недѣлю жили сто слишкомъ (125) человѣкъ, не было жизни, не кипѣли страсти у молодежи. Училище тогда представляло изъ себя особенный мірокъ, въ которомъ были свои обычаи, порядки и законы. Сначала, въ немъ преобладалъ нѣмецкій элементъ, такъ какъ и начальство и воспитанники были большею частію нѣмцы; въ послѣдствіи, въ шестидесятыхъ годахъ наибольшее число воспитанниковъ Училища были уроженцы Польши. Ѳ. М. приходилось часто мирить въ его время эти два элемента. Онъ умѣлъ отклонять товарищей отъ задуманныхъ шалостей (такъ наз., отбоевъ, бенефисовъ и пр.), но были случаи, гдѣ его авторитетъ не помогалъ, такъ не рѣдко, когда проявлялось своеволие товарищей его надъ „рябцами“ (новичками) или грубое ихъ обращеніе съ служителями, Ѳ. М. былъ изъ тѣхъ кондукторовъ, которые строго сохраняли законы своей *alma mater*, поддерживали во всѣхъ видахъ честность и дружбу между товарищами, которая въ послѣдствіи между ними сохранялась цѣлую жизнь. Это былъ родъ масонства, имѣвшаго въ себѣ силу клятвы и присяги. Ѳ. М. былъ тоже врагомъ заискиванія и вниманія у высшаго начальства и не могъ равнодушно смотрѣть на льстецовъ даже и тогда, когда лестъ выручала кого-либо изъ бѣды, или составляла благополучіе. Судя по спокойному, невозмутимому его лицу, можно было догадываться объ его грустномъ, можетъ быть, наслѣдственномъ настроеніи души, и если вызывали его на откровенность, то онъ отвѣчалъ часто на это словами Монтеスキе „*Ne dites jamais la verité aux depens de votre vertu*“.

Посѣщая часто кондукторскую роту Главнаго Инженернаго училища, я могъ замѣтить всю его внутреннюю жизнь, могъ близко познакомиться съ его воспитанниками (кондукторами), а при небольшой наблюдательности и съ ихъ характеромъ, наклонностями и привычками. Припоминая давно минувшее, могу только сказать, что многое, что было тогда замѣчено мною въ бывшихъ при мнѣ воспитанникахъ ихъ душевныхъ качествахъ и недостаткахъ, сохранилось при нихъ въ послѣдствіи и на жизненномъ поприщѣ. Одно качество, которое не пропадало въ кондукторахъ съ лѣтами, это любовь къ

училищу, гдѣ они учились, уваженіе къ ихъ воспитателямъ и взаимная между товарищами дружба.

Сказать, что эти качества были между молодежью, жившею вмѣстѣ четыре года, безъ измѣненія, никакъ нельзя. Большая часть этой молодежи по свойствамъ характера, по воспитанію и образованію легко увлекались общимъ настроеніемъ, товариществомъ, мѣстными обычаями. Но было много молодежи, которыхъ душевныя свойства никогда не измѣнялись; они въ дни юности и въ преклонные года оставались безъ перемѣны. Такимъ былъ Ѳ. М. Достоевскій. Онъ и въ юности былъ по виду такимъ же старикомъ, какимъ онъ былъ въ зрѣломъ возрастѣ. И въ юности онъ не могъ мириться съ обычаями, привычками и взглядами своихъ сверстниковъ-товарищей. Онъ не могъ найти въ ихъ сотнѣ нѣсколько человѣкъ, искренно ему сочувствовавшихъ, его понятіямъ и взглядамъ, и только ограничился выборомъ одного изъ товарищей, Бережецкаго, тоже кондуктора, хотя старшаго класса. Это былъ юноша очень талантливый и скромный, то же, какъ Достоевскій, любящій уединеніе, какъ говорится человѣкъ замкнутый, особнякъ (*homme isolé*). Бывало на дежурствѣ мнѣ часто приходилось видѣть этихъ двухъ пріятелей. Они были постоянно вмѣстѣ, или читающими газету „Сѣверная пчела“ или произведеніе тогдашнихъ поэтовъ: Жуковскаго, Пушкина, Вяземскаго, или литографированныя записки лекцій, читанныхъ преподавателями. Можно было видѣть двухъ пріятелей Б. и Д., гуляющихъ по камерамъ, когда ихъ товарищи танцовали во вторникъ въ обычномъ танцклассѣ, или играли на плацу. То же можно было видѣть и лѣтомъ, когда они были въ лагерѣ, въ Петергофѣ. Кромѣ строевыхъ и спеціальныхъ занятій, въ которыхъ они обязательно участвовали, оба пріятеля избѣгали подчиненности; въ то время, когда отправляли командами при офицерѣ гулять въ саду „Александрій“ или водили купаться, они никогда не были. Точно также ихъ нельзя было видѣть въ числѣ участвовавшихъ на штурмѣ лѣстницъ Сампсоніевскаго фонтана и пр. Занятія и удовольствія лѣтомъ у двухъ пріятелей были тѣ же, что и зимою.

Не нужно было особеннаго наблюденія, чтобы замѣтить въ этихъ друзьяхъ особенно выдающихся душевныхъ качествъ, на примѣръ, ихъ состраданія къ бѣднымъ, слабымъ и беззащитнымъ, которое у Д. и Б. проявлялось чаще всего зимою, нежели лѣтомъ, когда они видѣли грубое обращеніе товари-

щей со служителями и съ рябцами (только-что поступившими въ училище кондукторами). Д. и Б. употребляли всѣ средства, чтобы прекратить эти обычныя насилія, точно также старались защищать и сторожей и всякаго рода служащихъ въ училищѣ. Д. и Б. возмущали и всякаго рода демонстраціи, продѣлки кондукторовъ съ учителями иностранныхъ языковъ, особенно нѣмцевъ. Пользуясь большимъ авторитетомъ у товарищей они, Д. и Б., или прекращали задуманныя продѣлки съ учителями или останавливали. Только то, что творилось внезапно, имъ нельзя было остановить. Какъ, напримѣръ, это случилось во время переменъ классовъ, когда изъ 4-го класса (называвшагося Сибирью) вдругъ, изъ открытыхъ дверей, выбѣжалъ кондукторъ О., сидѣвшій верхомъ на учителѣ Н. нѣмецкаго языка. Конечно, эта продѣлка не прошла даромъ. По приговору Д. и Б., виновникъ продѣлки былъ порядочно товарищами старшаго класса побить.

Состраданіе къ бѣднымъ и беззащитнымъ людямъ у Э. М. могло въ немъ родиться съ лѣтами очень рано, по крайней мѣрѣ въ дѣтствѣ, когда онъ жилъ въ домѣ своего отца, въ Москвѣ, который былъ докторомъ въ больницѣ для бѣдныхъ, при церкви Петра и Павла. Тамъ ежедневно Э. М. могъ видѣть передъ окнами отца, во дворѣ и на лѣстницѣ бѣдныхъ и нищихъ и голытьбу, которые сбирилась къ больницѣ, сидѣли и лежала, ожидая помощи. Чувства состраданія сохранились въ Э. М. и въ училищѣ. Состоя въ немъ воспитанникомъ (кондукторомъ), ему приходилось видѣть и другого рода бѣдняковъ, крестьянъ въ пригородныхъ деревняхъ, когда лѣтомъ, идя въ лагерь въ Петергофъ, кондукторская рота ночевала въ деревнѣ „Старая Кикенка“. Здѣсь представлялась картина нищеты, въ ужасающихъ размѣрахъ, отъ бѣдности, отсутствія промысловъ, дурной, глинистой почвы и безработицы. Главной причиною всего этого было сосѣдство богатаго имѣнія гр. Орлова, въ которомъ все, что требовалось для графа или для его управляющаго, все это дѣлалось подъ руками, своими людьми. Поразительная бѣдность, жалкія избы и масса дѣтей, при безкормицѣ, увеличивали состраданіе въ молодыхъ людяхъ къ крестьянамъ „Старой Кикенки“. Д., Б. и многіе ихъ товарищи устраивали денежную складку, собирали деньги и раздавали бѣднѣйшимъ крестьянамъ. Ничего нѣтъ мудренаго, что бѣдность, которую видѣлъ Э. М. въ юности, была канва, по которой искусный художникъ создавалъ своихъ „бѣдныхъ людей“. Чувства уваженія къ боевымъ заслугамъ у молодыхъ

кондукторовъ развивались при видѣ георгіевскихъ кавалеровъ, которые имъ служили и были при нихъ каждый день; въ особенности это было замѣтно 26 ноября, когда георгіевскій кавалеръ Сѣрковъ, по повелѣнію государя, обѣдалъ вмѣстѣ съ кондукторами. Были особенно интересны его рассказы о войнѣ 1828 г., когда Сѣрковъ по службѣ сапера участвовалъ на штурмахъ Браилова и Шумлы и когда, будучи раненымъ, онъ вынесъ на себѣ тяжело раненаго и лежащаго во рву крѣпости офицера.

По службѣ посѣщая каждый день кондукторскую роту инженернаго училища и будучи немногими годами старше воспитывавшихся въ немъ юношей, я пользовался ихъ расположеніемъ ко мнѣ. Нерѣдко они передавали откровенно свои минутныя впечатлѣнія, свои радости и горе. Мнѣ приходилось иногда останавливать шаловливыхъ, или лично или съ пособіемъ старшихъ кондукторовъ, отъ задуманныхъ ими шалостей (такъ наз. отбоевъ, отказовъ отвѣчать на заданный урокъ) и проч. Интереснѣе для меня на дежурствѣ были бесѣды со мною кондукторовъ Григоровича и Достоевскаго. Оба были весьма образованные юноши, съ большимъ запасомъ литературныхъ свѣдѣній изъ отечественной и иностранной литературы; и каждый изъ этихъ юношей, по свойствамъ своего характера, возбуждалъ во мнѣ живой интересъ. Трудно было отдать преимущество въ ихъ разсказахъ кому-либо болѣе, чѣмъ другому. Что-то глубоко обдуманное, спокойное, видно было въ разсказахъ Достоевскаго и, напротивъ, живое, радостное являлось въ разсказахъ Григоровича. Оба они занимались литературою болѣе, нежели наукою; Достоевскаго занимали лекціи исторіи и словесности Турунова и Плаксина, чѣмъ интегральныя исчисленія, уроки Теръ-Степанова, Черневскаго. Самъ Достоевскій былъ редакторомъ литографированной при училищѣ газеты: „Ревельскій Снятокъ“. Григоровичъ, съ первыхъ дней вступленія въ инженерное училище, не любилъ, какъ онъ говорилъ „consideration calcul“ и боялся преподавателей математики; его занимали Викторъ Гюго, М-ье Сталь, Бокаччіо, Людеванъ и гр. Владѣя отлично французскимъ языкомъ и даромъ слова и памяти, Григоровичъ часто приводилъ изустно стихи въ переводѣ изъ Байрона и др.

Будни въ инженерномъ училищѣ проходили въ извѣстномъ установленномъ порядкѣ: классныя занятія были два раза въ день, отъ 8 час. до 12 и отъ 3 час. до 6. Отъ 7 часовъ до

8 кондукторы занимались повтореніемъ уроковъ, а отъ 8 до 9 час. были или гимнастика, фехтованіе или танцы. Въ эти условные часы занятій Ф. М. или участвовалъ, а въ нѣкоторыхъ его не видно было. Въ то время, когда кондукторы, его товарищи, каждый, сидя у своего столика, занимался подготовкою къ слѣдующему дню, Ф. М. съ кѣмъ либо изъ товарищей (Бережецкимъ или Григоровичемъ) гулялъ по рекреационной залѣ или бесѣдовалъ съ дежурнымъ офицеромъ. Нерѣдко можно было видѣть его у кого-либо изъ товарищей, которому онъ объяснялъ какую-либо формулу или рисунокъ изъ начертательной геометріи, которымъ, какъ Шидловскій ¹⁾ и др., эти чертежи были что наз. китайской грамотой. Всего чаще можно было видѣть Ф. М., подготовлявшаго товарищу сочиненіе на заданную тему. До вечерней повѣстки нерѣдко собирались въ рекреационной залѣ всѣ, не исключая прислуги, послушать рассказы старшаго писаря Игумнаго.

Это былъ старшій писарь кондукторской роты, человѣкъ, прослужившій долго въ строю, въ армейскомъ полку; весьма честный, добрый, весьма любимый кондукторами, большой любитель литературы и обладавшій отличной памятью. Онъ имѣлъ большое нравственное вліяніе на молодежь. Его рассказы историческіе изъ русской старины были весьма интересны, въ особенности объ Инженерномъ Замкѣ, о жительствовавшемъ въ немъ, въ 20-хъ годахъ, секты „людей Божіихъ“, объ ихъ курьезныхъ радѣніяхъ (пляскѣ, круженіяхъ и пѣніяхъ), о кастилянѣ замка Брызгаловѣ, носившемъ красный камзолъ съ большими золотыми пуговицами, трехугольную шляпу и напудренный парикъ ²⁾). Игумновъ въ зимніе вечера, по приглашенію чаще всего Ф. М. Достоевскимъ, приходилъ въ рекреационную залу и становился посреди ея. Немедленно зала наполнялась всѣми кондукторами, являлись скамейки и табуреты, и водворялась тишина. Игумновъ, обладая хорошою памятью, изустно передавалъ цѣлыя баллады Жуковского и поэмы Пушкина, повѣсти Гоголя и др. Присутствовавшіе, приходившіе въ восторгъ отъ рассказовъ Игумнова, не ограничи-

¹⁾ Шидловскій, будучи очень тупымъ, отличался отъ товарищей только хорошою памятью. Онъ кончилъ образованіе въ двухъ учебныхъ заведеніяхъ, но своими поступками, будучи государственнымъ саявникомъ (губернаторомъ, товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ), назывался человѣкомъ съ фаршированной головой (Щедринъ) или, проще, наз. барабанщикомъ.

²⁾ Брызгаловъ еще живъ былъ въ сороковыхъ годахъ.

вались аплодисментами, но собирали ему, каждый разъ, обильное денежное вознагражденіе.

Нельзя забыть того изъ времени пребыванія Ѳ. М. въ инженерномъ училищѣ, что на Ѳ. М. имѣли нравственное вліяніе тогдашнія внѣшнія и внутреннія событія и лица, его окружающія. Сохраняющій въ сердцѣ своемъ чувства высокой честности, онъ рассказывалъ мнѣ свое глубокое негодованіе на нѣкоторыхъ начальниковъ, грабившихъ и возмущающихъ солдатъ тогдашней продолжительной службы, напр. генераловъ Батурина, Тришатнаго (впослѣдствіи разжалованнаго въ рядовые), кн. Дадьяна, зятя командовавшаго войсками барона Розена, на Кавказѣ. Кн. Дадьянъ былъ разжалованъ въ рядовые и посаженъ въ крѣпость Бобруйскъ. Ѳ. М. возмущали продѣлки русскихъ людей, братьевъ П. Одного изъ нихъ—директора Сѣверо-Американской компаніи, продавшаго Алеутскіе острова Америкѣ, и другого брата—ограбившаго инвалидный капиталъ. Ѳ. М. зналъ имена начальниковъ въ войскахъ на войнѣ и на гражданскомъ поприщѣ, которые получали награды не по заслугамъ, а благодаря родству и связямъ съ сильными міра сего. Онъ зналъ продѣлки бывшаго инспектора классовъ инженернаго училища, какъ онъ помѣщалъ и поддерживалъ тѣхъ кондукторовъ, которыхъ родители ему платили или дѣлали подарки и пр. Кромѣ всего мною упомянутаго и нескazanнаго, все было извѣстно лучше меня одному изъ преподавателей инженернаго училища, г. Толю (извѣстному энциклопедисту). Впослѣдствіи, когда ему было отказано, кондукторы откровенно рассказывали про него много любопытнаго. Онъ былъ учителемъ русскаго языка и словесности въ третьемъ кондукторскомъ классѣ. На его лекціи пробирались и кондукторы изъ старшихъ классовъ. Ни Ѳ. М., ни другіе воспитанники не могли, рассказывая объ немъ, сказать, какой философской системѣ или кому изъ ученыхъ социалистовъ онъ держался, достаточно того, что онъ говорилъ юношамъ о такихъ предметахъ (о настоящей, истинной религіи, буддизмѣ и даосизмѣ, коммунизмѣ и равенствѣ и пр.), о которыхъ имъ не приходилось ни читать, ни слышать. При немъ можно было сидѣть въ классѣ, гдѣ кому угодно и не застѣгиваясь на всѣ крючки и пуговицы и, что важнѣе всего, можно было курить. Въ предостереженіе того, чтобы неожиданно не вошелъ бы дежурный офицеръ въ третій классъ, въ замочную скважину смотрѣлъ или кто-либо изъ кондукторовъ или самъ учитель Толъ.

Теперь трудно сказать, чтобы эти лекціи производили на слышавшихъ ихъ молодыхъ людей, а въ томъ числѣ на Ѳ. М. вредное вліяніе; скорѣй всего возмущали тогдашнюю молодежь суровый старый режимъ военнаго суда и расправы. Еще съ юныхъ лѣтъ Ѳ. М. не имѣлъ расположенія къ военной службѣ, хотя очень любило его училищное начальство (нѣкто А. Ч. Фере), которое готовило его на „ординарца“. Разъ даже Достоевскій, будучи ординарцемъ, представлялся вел. князю Михаилу Павловичу, подходя къ которому и сдѣлавъ накарнулъ, онъ оробѣлъ и вмѣсто слѣдующей фразы: къ в. и. в. громко сказалъ: „къ вашему превосходительству“. Этого было довольно, чтобы за это досталось и начальству и самому ординарцу. Возмущало Ѳ. М. на службѣ многое и когда онъ былъ инженернымъ офицеромъ въ Кронштадтѣ и тѣ домашнія и судебныя расправы. Онъ не могъ видѣть крѣпостныхъ арестантовъ въ кандалахъ на работахъ его дистанціи, ни расправы, которыя происходили въ войскахъ, содержавшихъ караулы въ Кронштадтѣ. Разрушали въ чувствахъ Ѳ. М. и расположеніе къ техническимъ работамъ. Нерѣдко его чертежи (планы и фасады зданій, караульни съ ихъ платформами и пр.), составленные имъ неправильно, безъ масштаба, возвращались обратно въ инженерную команду съ выговоромъ или съ саркастической замѣткой... ихъ автору. Все это тревожило молодого инженера и охлаждало его къ военной службѣ, и какъ ни старались я и товарищи его успокоить, помирить съ испытываемыми имъ неудачами, а тутъ еще и удручающая его болѣзнь, окончательно его свалили. Ѳ. М. подалъ въ отставку.

Сообщилъ **Ал. Савельевъ.**

Дневникъ академика В. П. Безобразова.

1888 годъ.

Благослови, Господи, новый годъ!

Вчера утро было крайне утомительно: выходъ во дворцъ, завтракъ у в. к. Павла Александровича и потомъ визиты по дворцамъ. Мнѣ показалось, можетъ быть, только показалось, что всѣ, кромѣ великихъ князей, обратились со мной очень холодно. Да и не имѣю я права на сочувствіе всего этого сановнаго міра, который мнѣ крайне антипатиченъ. За завтракомъ говорилъ такъ любезно съ Побѣдоносцевымъ, какъ давно не случалось въ послѣдніе годы. Тутъ же встрѣтилъ ген. Даниловича (воспитателя наслѣдника), котораго лѣтъ 25 не видѣлъ. Умный и тонкій онъ человѣкъ. Мрачная туча университетскихъ волненій виситъ надъ всѣмъ.

4 января. Вчера по обыкновенію были у меня за завтракомъ в. к. Сергѣй и Павелъ Александровичи, Константинъ и Дмитрій Константиновичи. Они очень веселились, много пѣли, были въ восхищеніи отъ завтрака, который былъ со всѣмъ русскій (готовилъ мой Харламъ). Для меня это одно изъ самыхъ грустныхъ 3 января, которыя я помню въ моей жизни. Я чувствовалъ себя очень дурно. Рѣшительно надо свыкнуться съ тѣмъ, что я вступилъ вчера въ 7 десятокъ и что кончено съ силами.

Я всегда впрочемъ чувствовалъ себя скверно, когда дурныя нравственныя впечатлѣнія.

Сегодня обѣдалъ у Н. И. Стояновскаго. Онъ говоритъ въ моемъ направленіи, осуждаетъ новый университетскій уставъ, противъ котораго подавалъ мнѣніе въ Государственномъ Совѣтѣ.

Нельзя придумать благоразумнаго выхода изъ этого глупаго положенія.

7 января. Сегодня въ Сенатѣ много говорили о волненіяхъ, которыя всѣхъ озабочиваютъ. Со всѣхъ сторонъ слышится осужденіе правительства,—этого не могутъ знать студенты. Какъ бы изъ этого печальнаго положенія не вышло чего-либо очень сквернаго.

8 января. Давно не запомню такого сумбурнаго времени какъ въ общественной жизни, такъ и въ моей личной. Университетская смута давить всѣхъ: тутъ чувствуется, что это не университетскій только вопросъ, а общій. На университетской почвѣ разыгрывается общее неудовольствіе, гложущее Россію; этотъ вопросъ—ничтожный прыщикъ, къ которому привязалось общее нездоровье русскаго государства. Въ этомъ, то и серьезность. Каждый отъ министра (буквально) до самаго ничтожнаго сотрудника газетъ,—высказываетъ свое осужденіе правительству. Каждый правитель обвиняетъ другого за безпорядки въ университетахъ. Такъ у насъ всегда водится. Но это особенно рѣзко выходитъ въ настоящую критическую минуту. 5 университетовъ закрыты, и неизвѣстно, когда откроются. Въ Мин. Нар. Просвѣщ., да и во всемъ правительствѣ не знаютъ, что дѣлать, потеряли голову (со смертью Каткова). Конечно, виновата не крамола, а само правительство, но она работаетъ, несомнѣнно эксплуатируя неумѣніе правителей и глупость общества.

12 января. Сегодня завтракалъ у в. к. Сергѣя Александровича. Тамъ былъ Павелъ Александровичъ и гр. А. В. Адлербергъ. Было очень пріятно. Я нѣсколько успокоился отъ вчерашнихъ волненій.

15 января. 13 января провелъ у в. к. Константина Константиновича и в. к. Елизаветы Мавр. (ея рожденіе). Очень отрадныя впечатлѣнія.

13 января былъ экономическій обѣдъ.—Предсѣдательствоваль Н. И. Стояновскій. Вопросъ о хлѣбныхъ таможенныхъ пошлинахъ. Было очень серьезно и интересно.

У Н. М. П. убѣжала 15 лѣтняя дочь съ молодымъ челоувѣкомъ. Эта дѣвочка написала матери дерзкое письмо. Вотъ плоды нашихъ женскихъ гимназій. Самый грустный симптомъ нашего времени—это направленіе нашего женскаго пола.

20 января. Самая главная забота эти дни возобновеніе и сильнѣе, чѣмъ когда-либо, болей въ груди. Признаки, появившіеся весной и не появлявшіеся нѣсколько мѣсяцевъ, возобновились съ силой, какой не было никогда,—и чаще и продолжительнѣе. Ужъ не предсмертная ли эта болѣзнь?

17 января былъ академическій обѣдъ у Веселовскаго въ честь новаго академика Дубровина. Вся такъ называемая нѣмецкая партія. Было нескучно.

Скончалась М. И. Лееръ; она остается въ памяти, какъ милое и унылое явленіе.

21 января. Завтракалъ вчера у в. к. Сергѣя Александровича. Было очень пріятно.

Здоровье сегодня гораздо лучше. Былъ сегодня у Пятковскаго (для переговоровъ о вопросахъ дня). Тяжко вести разговоры съ нынѣшними редакторами—высокомѣріе неслыханное. Или уже я отжилъ свой вѣкъ, и мною больше не дорожатъ. Похоже на это.

26 января. Вчера былъ у меня свадебный обѣдъ въ честь Оли Носовичъ, вышедшей за Протопопова. Пѣла Сюницкая. Все обошлось очень благополучно.

Сегодня грянуло опубликованіе союзнаго трактата Германіи и Австріи. Это дѣло, по-моему, очень серьезное, это, кажется, начало событій. Сегодня (воскресенье) у меня всѣ такъ разсуждали.

27 января. Сегодня завтракалъ у в. к. Сергѣя Александровича. Тамъ былъ в. к. Константинъ Константиновичъ и много гостей (своихъ).

Поразительно равнодушіе и легкомысліе относительно опубликованія германо-австрійскаго союза. На концертномъ балѣ въ воскресенье государь долго и любезно говорилъ со Швейницею. Всѣ говорятъ, что ничего, русское ничего. Если подъ этой апатіей не кроется грязныхъ и обдуманыхъ плановъ, то это равнодушіе къ аффронту неслыханное дурачество.

2 февраля. Опять не успѣвалъ записывать эти дни. 29 января въ Общемъ Собраніи Сената я первый разъ говорилъ очень рѣшительно и противъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и за свободу промышленныхъ предпріятій, которую новѣйшіе государственные мужи стараются всячески и произвольно стѣснять, какъ не сочувственный господствующій въ Сенатѣ духъ, т. е. въ лучшей его средѣ, умственно господствующей, но при голосованіи масса угодливыхъ сенаторовъ получаетъ пока верхъ. Такихъ и набираютъ въ I Деп. и общее собраніе, а независимыхъ переводятъ.

Вчера завтракалъ у в. к. Сергѣя Александровича. Тутъ общее впечатлѣніе, чѣмъ выше петербургская общественная сфера, тѣмъ она равнодушнѣе къ дѣламъ и тѣмъ менѣе ихъ

понимаетъ. Безсмысленныя шовинистскія разсужденія М. П. Степанова о нынѣшнемъ нашемъ международномъ положеніи.

4 февраля. Третьяго дня былъ на литературномъ обѣдѣ (въ ресторанѣ Ропсет)—писатели, группирующіеся около „Новостей“ и либеральныхъ идей. Довольно все мизерно. Говорили рѣзко о Бисмаркѣ и войнѣ. Два теченія—мирное (Полетика) и воинственное (въ направленіи къ желанію переворота въ Россіи—Модестовъ, Градовскій-Гамма, редакторъ „Края“ полякъ). Послѣдній надѣется на возстановленіе Польши. Заставляли говорить и меня. Я говорилъ, конечно, въ ультрамиролюбивомъ духѣ, противъ всякаго военнаго вмѣшательства Россіи, но больше въ шутовомъ. Окончательно и тутъ много апатіи. Послѣ обѣда всѣ сѣли играть въ карты.

Была у меня гр. Апраксина, брошенная своимъ негодяемъ-мужемъ. Осуществилось мое предсказаніе.

5 февраля. Былъ вчера на концертномъ балѣ и остался неудовлетворенъ,—можетъ быть, потому что недоволенъ собой. Надо держать себя plus réservé. Шутокъ не понимаютъ, а я слишкомъ много шутилъ съ глупыми людьми, главнѣйше съ дипломатами. Такъ я приставалъ къ Влангали устроить дипломатическую конференцію съ гр. Игнатьевымъ, Швейницемъ, которые тутъ были. Онъ не понялъ шутки и бѣжалъ отъ меня. Швейницъ, несмотря на все свое высокомеріе, былъ любезнѣе. Общее мое впечатлѣніе—положеніе очень натянуто. Въ этомъ духѣ говорилъ мнѣ Гирсъ, тоже отъ меня убѣжавшій. Съ государемъ и императрицей не удалось говорить. Почему-то былъ очень любезенъ Побѣдоносцевъ, говорилъ о своей перепискѣ съ пасторами и хотѣлъ мнѣ ее прислать. В. князя были очень теплы.

13 февраля. На этой недѣлѣ было неприятное засѣданіе Академіи. Веселовскій и Радловъ бранились. Все то же невыносимое akademische Wirren (смута),—личные вопросы, не имѣющіе ничего общаго съ дѣломъ. В. хочетъ господствовать, а ему неумѣло и грубо дѣлаютъ оппозицію.

Третьяго дня былъ балъ у в. к. Владиміра Александровича. Ничего примѣчательнаго. Со мною были очень любезны. Я переговорилъ съ Вышнеградскимъ о моей запискѣ, касающейся фабричной инспекціи.

17 февраля. Вчера былъ балъ у в. к. Сергѣя Александровича. Мнѣ было невесело, и я уѣхалъ рано. Можетъ быть уже старѣюсь, и все это мнѣ неинтересно. Государь оставался мало, императрица не пріѣхала по случаю смерти княгини

Кочубей. Вообще эта смерть разстроила балъ. У меня было вообще только одно могущее быть здѣсь записано: я по ошибкѣ наткнулся на наслѣдника и началъ говорить съ говорившимъ съ нимъ кн. Долгорукимъ. Послѣдній обратилъ мое вниманіе на наслѣдника, и я, сконфузившись, тотчасъ убѣжалъ. Потомъ кн. Долгоруковъ говорилъ мнѣ, что наслѣдникъ упрекалъ его, что онъ меня удалилъ: „мы могли бы втроемъ, и было бы очень интересно поговорить“.—*Mais je ne lui sais pas présenté,*—сказалъ я.—*Oh, il vous connaît, dit-il, très bien.*—Можетъ быть, и съ этимъ наслѣдникомъ, третьимъ, отъ котораго меня отдалили, будетъ то же, что и съ Николаемъ Александровичемъ, который заинтересовался мною только потому, что меня отдаляли, и сблизился со мною передъ самой своей смертью.

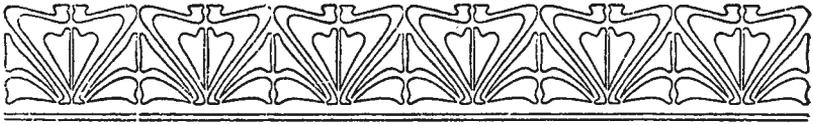
23 февраля. Третьяго дня приглашалъ меня завтракать в. к. Константинъ Константиновичъ. Онъ очень благодарилъ меня за книгу о Лотке; чрезвычайно ею доволенъ, чего я не ожидалъ и что мнѣ очень пріятно. Замѣтилъ 5 ошибокъ и даже записалъ одну въ моей книжкѣ. Никто изъ имп. фамилии не способенъ такъ внимательно читать серьезныя книги и никто такъ не образованъ, какъ онъ. Грустно видѣть, что такія силы остаются втунѣ, хотя онъ и самъ въ этомъ виновать, какъ психологическій феноменъ (по выраженію Лотке).

24 февраля. Вчера былъ балъ у в. к. Сергѣя Александровича. Мнѣ было нескучно, но очень утомительно. Съ государемъ и императрицей опять не удалось встрѣчаться. Со мной члены императорской фамилии были любезны, но ничего особеннаго.

27 февраля. Вчера скончался имп. Вильгельмъ. Событіе чреватое: при болѣзни новаго императора Фридриха и международныхъ замѣшательствахъ положеніе крайне смутное. Могутъ выйти всякія непредвидѣнныя для Европы и для насъ дѣла. Я тотчасъ поѣхалъ и къ ген. Вердеру и къ Швейницу выразить мое соболѣзнованіе. Разговоръ съ Вердеромъ былъ очень любопытенъ. Онъ смотрѣлъ очень мрачно. Говорить, что раздраженіе въ Россіи противъ Германіи очень распространено. Онъ недоволенъ, кажется, результатомъ своей поѣздки, говорить, что государь не высказывается, что онъ очень сдержанъ (*zurück-haltend*), однако рѣшительно не хочетъ войны. Ужасно интригуютъ французы. Если тронется Россія, то сейчасъ же и Франція.

Сообщила М. В. Безобразова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отрывокъ изъ неизданнаго письма Н. В. Гоголя.

Предлагаемый отрывокъ изъ письма Гоголя къ своему другу Николаю Яковлевичу Прокоповичу привожу съ оригинала, принадлежащаго въ настоящее время сыну извѣстнаго составителя учебниковъ по географіи Капитона Ивановича Смирнова—Николаю Смирнову, внуку (по матери) Н. Я. Прокоповича.

Вся первая часть письма затерялась и Смирновымъ, удалось сохранить лишь конецъ его съ инициалами Гоголя и адресомъ, написаннымъ также собственноручно Гоголемъ. Остатокъ письма представляетъ лоскутокъ совсѣмъ пожелтѣвшей отъ времени бумаги, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изорванной.

Письмо это, какъ видно по отрывку, Гоголь писалъ изъ Неаполя въ Петербургъ къ Прокоповичу въ 1847 г., и день прибытія посланія въ Петербургъ показываетъ старинный штемпель: „Полдень. 1847 года. Августа 25“.—Другія почтовые помѣтки указываютъ этапы, по которымъ слѣдовало письмо въ Россію, т. е. черезъ Бельгію-Остенде и Берлинъ (22 августа того же года).

Интересно, что за отсутствіемъ въ то время конвертовъ адресъ писался на обыкновенномъ листкѣ бумаги, который складывался на подобіе конверта.

Вотъ содержаніе конца письма (сохраняю орфографію):

„Въ Неаполѣ я пробуду еще до февраля. Въ февралѣ отправляюсь на Востокъ а оттуда въ Россію и если Богъ устроитъ все благополучно то можетъ быть будущимъ лѣтомъ увидимся въ Петербургѣ. Прощай Твой Н. Г.“

Текстъ адреса: „St. Petersburg Russie Его Высокоблагородію Николаю Яковлевичу Прокоповичу. Въ Петербургѣ. На Васильевскомъ Островѣ въ 9 линіи между Большимъ и Среднимъ проспект., въ Собственномъ домѣ“.

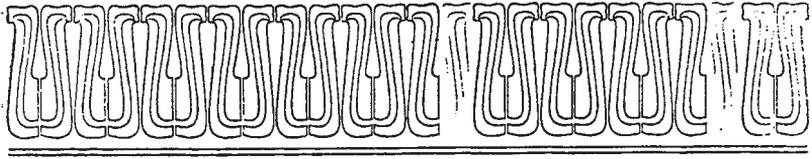
Гоголь познакомился съ Прокоповичемъ въ Нѣжинскомъ лицѣѣ, откуда и началась между ними тѣсная дружба. Впослѣдствіи Николай Прокоповичъ преподавалъ русскую словесность въ с.-петербургскихъ корпусахъ и самъ былъ поэтомъ.

Стихи и біографія Прокоповича были изданы Гербелемъ въ 1858 году.

Мнѣ сообщилъ Н. К. Смирновъ слѣдующее. Прокоповичъ передавалъ его отцу, что Гоголь часто обращался къ нему съ просьбой исправлять орфографическія и синтаксическія ошибки въ его рукописяхъ, и тотъ, какъ другъ, исполнялъ это съ большою готовностью и любовью.

Прокоповичъ умеръ въ 1857 году 47 лѣтъ отъ роду.

Сообщилъ С. Шницеръ.

П. И. Вейнбергъ, И. Ѳ. Горбуновъ и Д. В. Аверкіевъ.

(Встрѣчи и столкновения) ¹⁾.

„Лишніе“ люди не умѣютъ учиться у жизни, какъ думаетъ Гамлетъ Шигровскаго уѣзда. Совершенный профанъ въ житейскихъ дѣлахъ, повидимому, былъ и П. И. Вейнбергъ. Онъ, по крайней мѣрѣ, утверждалъ, что онъ—въ дѣлахъ малый ребенокъ. Эту фразу я отъ него постоянно слышалъ,—слышалъ и при первомъ нашемъ свиданіи въ 1892 г. Свелъ насъ тогда М. О. Меньшиковъ, фельетонистъ „Новаго Времени“, инсценировавшій юбилей П. А. Гайдебурову, издателю-редактору „Недѣли“, сотрудниками которой мы тогда съ М. О. Меньшиковымъ состояли, онъ, такъ сказать, хроническимъ, а я только спорадическимъ. Тогда уже Петръ Исаевичъ жилъ на Фонтанкѣ, № 25, въ подворотнѣ, въ квартирѣ, такъ хорошо памятной тѣмъ, кто имѣлъ отношеніе къ литературѣ. Правда, онъ тогда еще не принималъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ Литературнаго Фонда, но уже со слѣдующаго года состоялъ почти безсмѣннымъ членомъ его Комитета, а съ 1901 г. и его предсѣдателемъ, почти вплоть до кончины, послѣдовавшей въ 1908 г.

Къ вышеупомянутой фразѣ онъ нерѣдко добавлялъ: „ахъ, дайте мнѣ 3.000 въ годъ, и я брошу всѣ эти подлыя педагогическія и литературныя дѣла, всю эту подлюю Россію, переселюсь въ какой-нибудь заграничный городокъ и заживу тамъ подъ старость на славу“!

Кто о чемъ мечтаетъ! Слушая П. И. Вейнберга, я невольно вспоминалъ Д. В. Аверкіева. Тотъ мечталъ о другомъ.

¹⁾ Подъ этимъ заглавіемъ напечатанъ авторомъ въ „Русской Старинѣ“ 1911—12 г.г. рядъ очерковъ, посвященныхъ характеристикѣ разныхъ, болѣе или менѣе видныхъ, дѣятелей, встрѣченныхъ имъ на своемъ вѣку. Предлагаемая теперь характеристики составляютъ вторую серію этихъ очерковъ.

Былъ какой-то литературный обѣдъ у Понсэ на Морской. Собралось много народа. Вино лилось рѣкой, а рѣчи—потокъ. Спасовича смѣнялъ Полетика, Полетику—Вейнбергъ, Вейнберга—Градовскій, Градовскаго—Мордовцевъ и т. д. Но, не смотря на видимое одушевленіе ораторовъ, становилось скучно, и не-ораторы поглядывали на присутствующаго Ивана Федоровича, т.-е. Горбунова: когда, молъ, наконецъ, заговоритъ генераль Дитятинъ и выскажетъ свое мнѣніе о краснорѣчїи ораторовъ. Но Иванъ Федоровичъ молчалъ, и чѣмъ дольше длилось краснорѣчіе, тѣмъ становилось тоскливѣе.

Наискось отъ меня сидѣлъ сотрапезникъ, на котораго я не обратилъ особеннаго вниманія. Онъ скорѣе походилъ на объевропейшаго русскаго купца, чѣмъ на литератора. Я спросилъ у сосѣда,—кто этотъ господинъ. Тотъ мнѣ шепнулъ: „Вы его не знаете? Да вѣдь это Аверкиевъ, коверкающій въ драмахъ русскую исторію, чтобы поддѣлаться подъ охранительныя тенденціи“. Я дѣйствительно до того дня Аверкиева ни разу не видѣлъ, но хорошо его зналъ по его произведеніямъ и газетной дѣятельности, и ходячее мнѣніе о немъ либеральныхъ кружковъ не раздѣлялъ: не въ однѣхъ охранительныхъ тенденціяхъ, мнѣ казалось, тутъ было дѣло.

Наконецъ, заговорилъ и генераль Дитятинъ. Онъ выразилъ полное неодобреніе ораторамъ за ихъ рѣчи, которыя, по слову приснопамятнаго поэта Козьмы Пруткова, не дозволено, какъ нѣкоторыя другія непріятности, относить на казенный счетъ, и поэтому онѣ могутъ нарушить спокойствіе многихъ, и выразилъ свое авторитетное мнѣніе, что даже отставной коллежскій секретарь Иванъ Тургеневъ устами Петра Зудотѣшина, если бы ихъ изволилъ прослушать, „Содѣржаніе Онныхъ-бы Нѣ Одобрилъ“. Но что тутъ толковать о господинѣ Тургеневѣ и совершенно ничтожномъ Петрѣ Зудотѣшинѣ; было бы благопотребнѣе просто принять надлежащія мѣропріятія: въ бараній рогъ согнуть, пресѣчь, искоренить...

Ахъ, незабвенный Иванъ Федорычъ! Вотъ уже почти 30 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ и слушала, а все еще онъ передо мною стоитъ, какъ живой, со всей своей неподобной мимикой, интонаціями и модуляціями голоса, живостью нрава, скрытою подъ внѣшностью солиднаго, степеннаго мастерового, вкусившаго отъ плодовъ культуры и цивилизаціи... Мы приглашены въ дачное время на обѣдъ къ радушному амфитріону, В. О. Михневичу. Собирается много народу. Всѣ уже въ сборѣ, но кого-то ждутъ.

Кого? Хозяева молчатъ. Завязывается предобѣденная бесѣда, но вялая, какъ обыкновенно: всѣ проголодались—пора выпить и закусить. Но все еще ждуть. Наконецъ, разносится вѣсть, что прїѣдетъ Иванъ Ѳедоровичъ, мало того, привезетъ съ собою какіе-то удивительные грибы, которые самъ зажарить, какъ заправскій поваръ, такъ что у насъ слюньки потекутъ.

Наконецъ, вотъ и онъ, съ двумя кузовками въ рукахъ, тревожный, запыхавшійся, все-таки только взглядомъ, съ достоинствомъ извиняющійся, что опоздалъ. Онъ—свой человѣкъ въ домѣ и идетъ въ сопровожденіи хозяйки прямо на кухню. Проходятъ еще томительныхъ полчаса. Общее ожиданіе достигаетъ точки кипѣнія. Наконецъ, по приглашенію хозяина мы занимаемъ мѣста за столомъ, уставленнымъ закусками, чтобы удобнѣе было наслаждаться тою закускою, которую намъ готовить новоявленный поваръ. Наконецъ, несутъ и грибы. Несетъ самъ Иванъ Ѳедорычъ, облеченный въ поварской нарядъ, бѣлоснѣжную куртку и колпакъ, на двухъ сковородкахъ, и мы, выпивъ поспѣшно по рюмкѣ, принимаемся за диковинное блюдо, щедро накладываемое намъ на тарелочки импровизированнымъ поваромъ.

Но что же это? Я беру грибы въ ротъ. Они такъ невкусны, такъ даже гадки, что душа не принимаетъ. Робко поглядываю на сосѣдей: съ ними происходитъ то же. Но всѣ молчатъ, дѣлаютъ видъ, что кушаютъ, ковыряя усиленно вилками несъѣдобные куски не то резины, не то старой подошвы, обжигающіе ротъ чѣмъ-то рѣзкимъ, ѣдкимъ, терпкимъ, жгучимъ. Я осмѣливаюсь наконецъ взглянуть на виновника претерпѣваемой нами муки. Но повара уже нѣтъ. Предо мною стоитъ молодящаяся перезрѣлая баба, и въ тотъ же моментъ раздается ея лукаво-просительный голосъ:

— Не сердчайте, милые: маленько не досмотрѣла... Бываетъ... Отстань, лѣшій,—отмахивается она отъ какого-то слишкъомъ рьянаго ухаживателя.—Бываетъ, милые. Иногда маленько не досолишь, иной разъ маленько пересолишь... Ну, тебя, чортъ... Бываетъ, милые! Къ примѣру сказать, не доложишь сметаны... Какая я тебѣ сметана,—отмахивается она уже съ остервенѣніемъ отъ насѣдающаго ухаживателя.—Бываетъ, милые! Трудное это дѣло. Не доложишь—переложить, не досыпишь—пересыпишь... Не дольешь—перельешь, не досушишь—пересушишь, не дожаришь—пережаришь, не допрѣтеть—перепрѣтеть, перепричишь, переложить, перепричишь...

И темпъ рѣчи все ускоряется, ухаживатели тѣмъ временемъ пристають все сильнѣе, и наконецъ баба, сильно сконфуженная и ухаживателями, и неудачной стряпней, подобравъ юбку съ визгомъ: „окаянные!“—выбѣгаетъ изъ комнаты, а мы всѣ, сколько насъ тутъ было, надрываемъ животики отъ смѣха—такъ живо представлялась намъ эта лукавая бабенка, испортившая блюдо и въ то же время увѣренная, что ей все простятъ, потому что всѣ ее любятъ. Грибы исчезли, передъ нами уже стояли чистыя тарелки, и хозяинъ съ хозяйшккой радушно, а переоблачившійся Иванъ Федорычъ степенно угощали насъ другими, на этотъ разъ болѣе чѣмъ съѣдобными закусками и яствами.

Дѣло потомъ объяснилось очень просто. Въ молодости Горбуновъ великолѣпно жарилъ грибы и ублажалъ ими купцовъ. Хотѣлъ онъ угодить и намъ, но „маленечко позабылъ, маленечко не досмотрѣлъ“, и вышелъ неприятный пассажъ, однако позабавившій насъ до слезъ.

Да, мастеръ былъ своего рода Иванъ Федорычъ. Такъ онъ и на этомъ обѣдѣ, на которомъ я впервые встрѣтился съ Аверкіевымъ, всѣхъ размѣшилъ, ловко прекративъ потокъ наскучившихъ однообразныхъ до бдурѣнія рѣчей напоминаніемъ объ окрикѣ генерала Дитятинъ: „искоренить, пресѣчь“. Къ протесту противъ этого окрика вѣдь и сводились всѣ рѣчи.

Затрапезники встали. Часть ихъ удалилась въ сосѣдную комнату: пріятно послѣ либеральныхъ рѣчей и повинтить; но часть осталась еще въ залѣ, продолжая бесѣдовать, а тутъ, какъ тутъ, появился среди группъ неизмѣнный хлопотунъ М. Л. Песковскій съ своимъ столь же неизмѣннымъ предложеніемъ выпить ликерчику, чтобы не разстраивать компаніи. Ликерчикъ былъ поданъ, и мы размѣстились гдѣ попало. Я оказался у отдѣльнаго столика, около меня стоялъ Аверкіевъ. Песковскій насъ познакомилъ. Аверкіевъ подсѣлъ ко мнѣ.

— Ехидный онъ человѣкъ, этотъ Иванъ Федоровичъ,— началъ онъ, вступая въ бесѣду со мной. Всѣ его признають своимъ, а у него фізіономія-то собственная... Сынъ двороваго человѣка по плоти, духовный сынъ Островскаго, Печерскаго, Ап. Григорьева, протежэ „Москвитянина“, ну, хотя бы и молодой его редакціи, князя Одоевскаго, да что вы! Онъ — не свой человѣкъ, нѣтъ. Генералъ Дитятинъ... Таковы, молъ всѣ администраторы. А вамъ вѣдь самый этотъ генералъ Дитятинъ носъ утеръ, прекратилъ потокъ вашего краснорѣчія.

Генераль Дитятинъ, смѣется въ душѣ Иванъ Федорычъ, вамъ по вкусу приходится,—ну, и получайте его, кушайте всласть, а самъ я дружу не съ вами, дружилъ и буду дружить съ Мельниковымъ-Печерскимъ, съ Третьимъ Ивановичемъ. Вотъ мои друзья! Горбуновъ, выросшій изъ нашей родной русской почвы—вашъ! Pater jesuiticus, Данилычъ (но не съ того боку), Спасовичъ говоритъ, что Пушкинъ—лицеистикъ, полуобразованъ, что онъ аристократикъ, камеръ-юнкерчикъ, а что настоящій демократъ, получившій широкое университетское образование—Мицкевичъ (pater забываетъ только добавить, что Мицкевичъ воспитывался у доминиканцевъ)... Вотъ Спасовичъ—вашъ. Конрадъ Валленродъ—вотъ этотъ вашъ... Спасовичъ и „Пана Тадеуша“ не понимаетъ. Что ему исторія, историческія основы жизни! Ему подавай разумъ, будто-бы, а на самомъ дѣлѣ однобокую доктрину, и ради этой своей доктрины онъ готовъ всѣмъ пожертвовать, все ниспровергнуть, даже то, что для другихъ свято...

Аверкіевъ выталкивалъ изъ себя брезгливо эти фразы, точно боялся ими подавиться. Я не хотѣлъ мѣшать его изліаніямъ, которыя меня интересовали, и даже поощрилъ его.

— Островскій, будто-бы, вставилъ я:—изображалъ „темное царство“, но если это вѣрно, то надъ всей Россіей надо поставить крестъ: вѣдь она вся состоитъ изъ Титъ Титычей, Торцовыхъ, Катеринъ, Аховыхъ, Кабановыхъ, Незабудкиныхъ...

— Какъ вы это сказали, какъ вы это сказали! — вдругъ оживился Аверкіевъ.—Дайте, чокнемся. Ну, конечно, надъ Россією надо поставить крестъ, если царство, изображенное Островскимъ, — „темное царство“. Вы правы, тысячу разъ правы.

И онъ ближе подсѣлъ ко мнѣ.

— Знаете, коллега, о чемъ я иногда мечтаю,—продолжалъ онъ уже вполголоса, но съ оживленіемъ, такъ что его глаза на выкатѣ заблестѣли.—Мечтаю я о томъ, чтобы уже не обогащать дѣтской литературы, не обучать російскихъ обывателей производству парфюмернаго и косметическаго товара, словомъ, не зарабатывать хлѣбъ насущный всей этой переводной и компилятивной дрянью, а зажить настоящимъ писателемъ, такимъ, который можетъ не быть ремесленникомъ, не поддѣлываться подъ толпу и работать надъ тѣмъ, что ему дорого и свято. Для этого нуженъ достатокъ. Ну, чѣмъ, скажите, я виноватъ, что отецъ и дѣдъ внушили мнѣ любовь къ великолѣпной нашей старинѣ, къ театру,—что я говорю: любовь,

нѣтъ, страсть—держали меня въ шелку и бархатѣ, кормили, какъ сына миллионщика, возили въ коляскахъ, каретахъ, а затѣмъ взяли да обанкротились... Скажите, а вы прежде какъ жили?—прервалъ онъ себя ужъ совсѣмъ интимно.

— Да тоже въ дѣтствѣ, какъ маленькiй принцъ,—отвѣтилъ я:—и какая у насъ была пара вороныхъ лошадей. Не кони, а огонь! Запрягутъ ихъ, а они фыркаютъ, храпятъ, не даютъ сѣсть въ коляску, рвутся, пока два конюха не возьмутъ ихъ подъ уздцы...

— Вотъ, вотъ!—прервалъ меня снова Аверкiевъ.—А какъ мы сегодня отправимся домой послѣ всѣхъ этихъ несносныхъ рѣчей? Пойдемъ пѣшечкомъ... для моціона или протрусимъ на подломъ извозчикѣ. Ахъ, если бы я могъ свезти васъ домой въ собственной каретѣ, спокойный за будущее, чтобы завтра заняться не тѣмъ, какъ изготовляютъ косметическiй товаръ, а какъ жили у насъ въ старину и какъ лучше и вѣрнѣе устроить теперешнюю жизнь, зная, что дерево имѣетъ корни не въ воздухѣ, а въ той почвѣ, изъ которой оно растетъ. Ахъ, карету мнѣ, карету!

Но мы поѣхали домой на самыхъ подлыхъ извозчикахъ и долго уже не встрѣчались. Но все-таки судьба насъ свела снова на какомъ-то литературномъ обѣдѣ. Аверкiевъ и на этотъ разъ разговорился со мной по душѣ, кончивъ бесѣду опять своей мечтой о каретѣ.

Затѣмъ я жилъ какъ-то на дачѣ подъ Лугой и ежедневно совершалъ длинныя прогулки. Занесло меня и подъ Преображенку. Я спускаюсь оттуда къ мосту на Лугѣ, а кто-то идетъ мнѣ навстрѣчу въ гору медленно,—ноги должно быть слабы—не то интеллигентъ, не то купецъ въ странномъ лѣтнемъ картузѣ. Остановился, взглянулъ на меня, призналъ и, добродушно улыбаясь, въ видѣ сердечнаго привѣтствiя, протягиваетъ мнѣ какъ бы въ отчаянiи руку и съ глубокимъ вздохомъ говоритъ:

— А кареты все-таки у меня нѣтъ. Хуже: иногда на ваньку не хватаетъ. О, мечты! А вы гдѣ живете?

Онъ взялъ меня подъ руку и теперь шелъ бодрѣе, вдругъ оживившись:

— Напали на меня за то, что я потребовалъ съ Сѣрова половину проспектакльной платы за „Рогнѣду“. Композиторъ—все, либретистъ такъ себѣ, съ боку припеку. Неправда. Изъ десятковъ оперъ Верди что осталось? Ну, „Риголетто“, „Аида“, „Травиата“. А все-таки одна „Травиата“ будетъ держаться еще лѣтъ 50, какъ держится уже лѣтъ 40. Вспомните мое слово.

А развѣ въ другихъ его операхъ нѣтъ музыкальныхъ красотъ? Возьмемъ „Донъ-Жуана“ и „Волшебную флейту“, „Роберта Дьявола“ и „Гугенотовъ“, „Руслана“ и „Жизнь за царя“. „Русланъ“ по отзыву знатоковъ въ музыкальномъ отношеніи повыше „Жизни за царя“, а какая опера дается чаще? То же и съ другими операми. Либретто что-нибудь да значить. Ну, скажемъ, я написалъ бы „Каширскую Старину“ въ видѣ либретто, какой-нибудь композиторъ написалъ бы удачную, допустимъ великолѣпную музыку на нее, и она имѣла бы головокружительный успѣхъ. Что же, мнѣ не слѣдовало бы получить половину песпектакльной платы? Поймите меня, не о правилѣ конечно рѣчь. Хорошее либретто не спасетъ дурной музыки, но хорошая музыка можетъ страшно пострадать отъ дурного либретто. Но оставимъ это. Я больше съ точки зрѣнія кареты. Допустимъ, я слишкомъ тогда цѣну набилъ, но я страшно бѣдствовалъ, только-что женился, и вся моя будущность была подъ сомнѣніемъ. Ахъ, карета, карета, гдѣ ты? И теперь тебя все еще нѣтъ, когда уже смотришь—не сегодня завтра и перо выпадетъ изъ рукъ. Простите, дорогой, что надоѣдаю всѣмъ этимъ...

Мы разстались. Я уже подходилъ къ мосту, когда онъ меня окликнулъ и, махая мнѣ своимъ смѣшнымъ картузомъ, крикнулъ:

— Вы помоложе. Хоть-бы вамъ-то дожить до кареты!

Больше я Аверкіева не видалъ, но отъ души порадовался, когда ему, какъ раньше его знаменитому учителю Островскому, императоромъ Александромъ III была назначена пенсія, конечно, недостаточная, чтобы держать карету, но вполне достаточная, чтобы безбѣдно прожить остатокъ долгой многострадальной жизни русскаго писателя.

Вотъ „карету“ Аверкіева я прекрасно понималъ. „Все проходящее—только символъ“,—сказалъ поэтъ, и эта „карета“ имѣла для меня только символическое значеніе того безбѣднаго существованія, о которомъ мечталъ Аверкіевъ, какъ о необходимомъ условіи независимаго писательскаго труда. Но что хотѣлъ Вейнбергъ сказать тѣмъ, что если бы ему дали 3.000 въ годъ, онъ бросилъ бы и педагогику, и литературу, и даже родину—этого я понять не могъ или понималъ просто какъ восклицаніе человѣка, которому „les épinges du métier“ портили кровь. Но, какъ бы то ни было, эта фраза Петра Исаича оставляла непріятный осадокъ въ моей душѣ: можетъ-ли человѣкъ, любящій свое дѣло, постоянно возвращаться къ

мысли о томъ, какъ бы отъ него бѣжать? Съ другой стороны Петръ Исаичъ былъ такъ милъ, такъ ловко сглаживалъ всякую шероховатость остроумнымъ замѣчаніемъ, пріятнымъ словомъ или своею стереотипною фразою, что онъ въ дѣлахъ—малый ребенокъ, что рѣшительно нельзя было на него сердиться.

Въ сущности я однако объ этомъ „маломъ ребенкѣ“ ничего точнаго не зналъ. Зналъ я только, что онъ въ началѣ своей карьеры, когда подписывался еще „Виногоровымъ“, за что-то пострадалъ, кажется, за то, что недостаточно почтительно отозвался о какой-то очень либеральной провинціальной львицѣ, что онъ потомъ занимался обрусительной политикой въ качествѣ редактора „Варшавскаго Дневника“ и профессора варшавской Главной школы, наконецъ, что онъ переехалъ въ Петербургъ, гдѣ и подвизался въ качествѣ педагога, пользуясь въ то же время репутаціей превосходнаго переводчика, особенно Гейне, и искуснаго декламатора и чтеца. Переводовъ Вейнберга я никогда не читалъ, потому что всегда предпочиталъ оригиналъ переводу. Слуховъ же о немъ я не провѣрялъ. Мало ли что болтають о нашемъ братѣ-писателѣ, какъ вообще о всякомъ человѣкѣ, хотя немного возвышающемся надъ обычнымъ уровнемъ.

Но вотъ насталъ 100-лѣтній юбилей для рожденія Гейне. Заходитъ ко мнѣ одинъ изъ молодыхъ моихъ друзей въ редакцію и спрашиваетъ меня, что я дамъ по этому поводу.

— Гейне такой выдающійся поэтъ,—говоритъ онъ мнѣ:—Надо дать что-нибудь экстраординарное. Ахъ, какой поэтъ! Вотъ, напримѣръ, это его стихотвореніе:

(Голова говоритъ)

Ахъ, будь я скамеечкой тою,
Гдѣ милой покоятся ножки—
Топчи она сколько угодно,
Не сталъ бы роптать я ни крошки!

(Сердце говоритъ)

Ахъ, будь я подушечкой тою,
Куда она шпильки втыкаетъ—
Мнѣ каждый уколъ какъ бы радость,
Коли себѣ сколько желаетъ.

— Увольте, увольте,—воскликнулъ я.—Я тотчасъ узналъ одно изъ граціознѣйшихъ стихотвореній Гейне. Но, Боже, что это за какофонія была по-русски!

— Хотите еще? Вотъ вамъ,—продолжалъ между тѣмъ мой молодой собесѣдникъ:

Встать нельзя мнѣ, дорогая,—
Голова моя въ крови;
Я стрѣлялъ въ нее, лишившись
Наслажденія любви.

— Еще?

И люди мнѣ противны; даже мой
Другъ, сносный вообще—и тотъ волнуется;
Все оттого, мой ангелъ дорогой,
Что свѣтъ тебя „мадамъ“ ужь титулуется.

Я зажалъ уши, закричавъ:

— Не могу больше: или вы перестанете или я уйду.

— Вы же любите Гейне!

— Люблю-то люблю, но тѣмъ менѣе прощительно терзать меня такую профанаціею его стиховъ.

— Да вѣдь это переводъ лучшаго нашего переводчика, Вейнберга, а Гейне—его любимый поэтъ.

— Какъ вамъ не стыдно издѣваться такъ надъ бѣднымъ Петромъ Исаичемъ.

— Вы мнѣ не вѣрите? Придѣте домой, можете сами убѣдиться.

Дѣйствительно, дома я изъ біографіи Гейне, составленной Вейнбергомъ, узналъ, что знаменитый поэтъ „нисколько не былъ обязанъ вліянію матери“, но въ его умственномъ и нравственномъ развитіи вообще она все-таки не осталась безъ довольно видной роли“, что „на Германіи лежала реакція“, что „мальчикъ Гейне былъ окруженъ воззрѣніями“ и отличался, подобно Байрону и Лермонтову, „отсутствіемъ общительности, уходомъ въ себя даже относительно ближайшихъ друзей... стараніемъ съ упрямою гордостью скрывать чувствительность подъ рѣзкими, часто даже отталкивающими формами“ и т. д. А самые переводы! Мѣстами я даже прямо ужаснулся: мнѣ показалось, что кто-то зло подшутилъ надъ бѣднымъ Петромъ Исаичемъ и подсунулъ ему все это, чтобы жесточайшимъ образомъ его подвести.

Но не подвель.

Въ 1905 г. онъ даже былъ избранъ академикомъ по разряду изящной словесности, и вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ Исачъ сталъ для меня загадкою, но не надолго.

Въ 1907 г. я помѣстилъ въ „Вѣстникъ Европы“ повѣсть, которая показалась мнѣ подходящею для передѣлки въ пьесу.

Пьеса была озаглавлена „Безъ родины“, попала прежде всего, понятно, въ Театрально-Литературный Комитетъ при Дирекціи казенныхъ театровъ и была мнѣ возвращена. Ну, по-дѣломъ—подумаль я:—сценическихъ требованій не понимаю, хотя на своемъ вѣку не мало писалъ о театрѣ. Но все-таки меня заинтересовало, чѣмъ я собственно не угодилъ Комитету. Я отправился въ Дирекцію, чтобы познакомиться съ отзывомъ о моей пьесѣ. Мнѣ этотъ отзывъ, подписанный П. И. Вейнбергомъ, былъ тотчасъ любезно выданъ П. П. Шенкомъ для прочтенія. Я хорошо зналъ, что члены Комитета иногда по-гусарски расправляются съ пьесами, наприимѣръ, возвращаютъ пьесы даже такимъ авторамъ, какъ Чеховъ, и нисколько не церемонятся печатно заявлять, что они возвращаютъ пьесы по партійнымъ соображеніямъ, но въ одномъ я былъ увѣренъ, именно, что они пьесы читаютъ, хотя бы для того, чтобы чѣмъ-нибудь оправдать свой отрицательный судъ. Но тутъ для меня сразу выяснилось, что Комитетъ моей пьесы даже не читалъ, даже не уяснилъ себѣ ея заглавія, т. е. понялъ слово „родина“ въ патріотическомъ смыслѣ, тогда какъ я понималъ въ смыслѣ англійскаго home или нѣмецкаго Heim, принялъ дѣвушку кокеточнаго свойства, ловящую богатыхъ жениховъ, за политическаго дѣятеля, упрекалъ меня въ томъ, что цѣлое дѣйствіе построено на бесѣдѣ двухъ лицъ, не замѣтивъ тутъ же фигурирующаго главнаго дѣйствующаго лица, и т. д. Словомъ, прочитавъ эту рецензію, я залился такимъ искреннимъ смѣхомъ, что Шенкъ, какъ музыкальный критикъ, живо интересовавшійся и литературными вопросами, не утерпѣлъ и, подойдя ко мнѣ, освѣдомился о причинѣ моего смѣха, сказавъ, что онъ никогда не видѣлъ, чтобы авторъ замужней пьесы такъ отъ души хохоталъ. Я ему объяснилъ, въ чемъ дѣло, и Петръ Петровичъ посмѣялся вмѣстѣ со мною.

Что могло вызвать такое отношеніе Петра Исаича къ исполненію своихъ обязанностей? Понятно, одно только легкомысліе. И для меня уяснилось еще кое-что.

Благодаря щедрымъ пожертвованіямъ, составлявшимъ 210.000 р., возникъ при косвенномъ моемъ участіи такъ-называемый Домъ писателей, предназначенный для того, чтобы давать пріютъ и уютъ менѣе обеспеченнымъ изъ ихъ числа. Домъ этотъ находился въ ближайшемъ завѣдываніи Петра Исаича и влачилъ жалкое существованіе. Произошло это потому, что построенъ былъ каменный домъ, въ которомъ не представлялось никакой надобности, такъ какъ и существо-

вашіе деревянные были вполне пригодны для предполагаемой цѣли, и постройка доверена была архитектору, угордившему впоследствии въ крѣпость за злоупотребленія при постройкѣ набережной Крюкова канала, сыну Петра Исаича. Разъясненіе причинъ этого жалкаго положенія Дома писателей въ запискахъ, внесенныхъ въ Комитетъ, да и въ печати, ни къ чему не привело: ни одна изъ причинъ не была устранена, и прекрасная мысль двухъ щедрыхъ жертвователей, если не потерпѣла окончательнаго крушенія (рѣчь даже заходила о ликвидаціи всего предпріятія), то осуществилась болѣе чѣмъ неполно и въ формѣ, не дѣлающей чести нашему писательскому сословію.

Никогда не забуду впечатлѣнія, которое произвела на меня немощная старческая фигура Петра Исаича, когда на послѣднемъ общемъ собраніи Литературнаго Фонда, на которомъ онъ присутствовалъ, уже не въ качествѣ его предсѣдателя, а простого его члена, ему пришлось выслушать горькіе упреки въ томъ, что онъ затерялъ планъ постройки Дома, т. е. основу для провѣрки расходовъ, и онъ въ свое оправданіе могъ сослаться только на покойника, на Н. А. Меншуткина, которому онъ-де передалъ этотъ планъ. Очень жалкое впечатлѣніе произвелъ тогда на меня Петръ Исаичъ, и въ то же время мнѣ съ чрезвычайною ясностью представилась картина, какъ онъ могъ быть, не имѣя къ тому данныхъ, и профессоромъ, и редакторомъ, и академикомъ, и предсѣдателемъ Театрально-Литературнаго Комитета. И когда мнѣ эта картина представилась съ полною ясностью, мнѣ уже не столько жаль было самого Петра Исаича, сколько тѣхъ лицъ, той среды, которая возвела его на всѣ эти отвѣтственные посты,—его, человѣка, который, можетъ быть, искренно сознавался, что онъ въ дѣлахъ—малый ребенокъ. Но тутъ мы уже касаемся вопроса, чѣмъ собственно бралъ въ жизни Петръ Исаичъ, что его вознесло, что сдѣлало его ученымъ, и профессоромъ, и академикомъ, и предсѣдателемъ Литературнаго Фонда или Театрально-Литературнаго Комитета. Съ его легкой руки этотъ способъ пріобрѣтенія вліянія на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ сталъ, такъ сказать, у насъ общимъ явленіемъ, и потому не мѣшаетъ на немъ остановиться, насколько онъ связанъ съ моими воспоминаніями о Петрѣ Исаичѣ.

Принадлежалъ Петръ Исаичъ къ типу людей, которыхъ французы называютъ *charmeurs*, которые умѣютъ очаровывать другихъ, иногда до такой степени, что заставляютъ ихъ даже

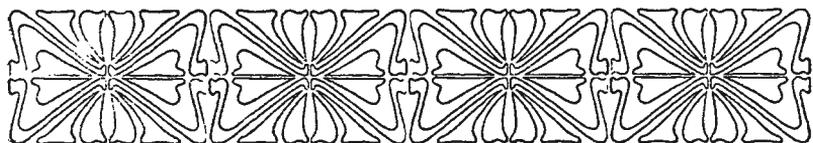
дѣлать то, что вовсе не входило въ ихъ намѣренія. Только потому они спохватываются и раскаиваются, что говорятъ себѣ: ужъ Богъ съ нимъ, онъ такой милый!

Эта способность зависитъ иногда отъ душевныхъ качествъ, столь симпатичныхъ, что вы невольно имъ подчиняетесь. Иногда же это—особенное искусство, которымъ человѣкъ обладаетъ отъ природы и которое развиваетъ постояннымъ упражненіемъ.

У Петра Исаича были наслѣдственныя актерскія способности (братъ его Павелъ Исаичъ былъ рассказчикъ сценъ изъ инородческаго быта, пользовавшійся широкою и шумною извѣстностью). Онъ ихъ тщательно культивировалъ и развилъ въ замѣчательной степени. Кромѣ того, онъ былъ человѣкъ наблюдательный, прекрасно улавливавшій слабости, индивидуальныя и коллективныя, находчивый, остроумный, начитанный. Вслѣдствіе всего этого онъ могъ ладить и съ отдѣльнымъ человѣкомъ, и съ собраніемъ людей, т. е. съ обществомъ, слабости котораго онъ подмѣчалъ великолѣпно. Въ началѣ жизни онъ два раза ошибся: первый разъ, когда отличилъ губернскую поэтессу, затѣмъ второй разъ, когда записался въ обрусители, но эти двѣ ошибки пошли ему впрокъ,— онъ больше не ошибался и прекрасно умѣлъ попадать въ тонъ, пуская въ ходъ то гражданскую скорбь, то гривуазный стишокъ, то скабресный анекдотъ, и все это въ мѣру, чтобы никому не повредить, ни себѣ, ни читателямъ, ни слушателямъ. Какъ предсѣдатель Литературнаго Фонда, Петръ Исаичъ былъ неоцѣнимъ: этотъ его духовный капиталъ приносилъ великолѣпный процентъ, которымъ пишущая братія и воспользовалась въ полной мѣрѣ. Но этимъ капиталомъ онъ пользовался и для достиженія другихъ цѣлей. Со временемъ бытописатель нашей общественности удивится, какъ люди этого рода могли попадать и въ редакторы, и въ совѣтники видныхъ дѣятелей, и въ профессора, и въ академики, и въ вершители судьбы драматическихъ произведеній, и въ управители или строители. вмѣстѣ съ тѣмъ раскроется прелюбопытнѣйшая страница нашей общественности на рубежѣ XIX и XX в.в.

Сообщилъ **Р. И. Сементковскій.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Петръ Великій и шведскіе послы въ 1699 году.

Въ шведскомъ Государственномъ Архивѣ въ отдѣлѣ Muscovitica хранится большой томъ in-folio въ 1444 страницы: „Протоколь то, что произошло съ Королев. шведскимъ Посольствомъ, отправленнымъ въ 1699 году въ Россію“. (Protokol af det, som vid den till Ryssland åhr 1699 affärdade Kongl. svänske ambassaden förelupit är).

Извлеченіе отсюда напечатано г. Т. W. въ шведск. истор. журналѣ Historisk Tidskrift 1908 г. подъ заголовкомъ: „Царь Петръ, какъ хозяинъ и какъ гость“ (Tsar Peter som värd och som gäst). Орфографія приводимыхъ подлинныхъ текстовъ нѣсколько приспособлена г. Т. W. къ современной шведской, что въ связи съ печатнымъ текстомъ очень облегчаетъ мой трудъ, какъ переводчика—чтеніе подлинныхъ шведскихъ рукописныхъ документовъ 17 и 18 столѣтій довольно таки затруднительно для непривычнаго человѣка.

Въ письмѣ къ царю отъ 16 авг. 1698 Карлъ XII сообщилъ о своемъ намѣреніи для поддержанія вѣчнаго мира съ Россіей, согласно § 27 Кардисскаго договора, послать, въ качествѣ вступающаго на престолъ правителя, посольство для подтвержденія договоровъ въ Кардисѣ 1661 года, въ Плюсѣ 1666 и конвенши въ Москвѣ 1684 г. 29-го октября 1698 г. были назначены члены этого посольства: гофканцлеръ баронъ Юганъ Бергенъельмъ, которому тогда шелъ 70-й годъ, въ качествѣ перваго посла; ландсхёфдингъ въ Выборгскомъ, Нюслотскомъ и Кюмменегордскомъ лэнахъ и комендантъ Выборгскаго замка баронъ Андерсъ Линдъельмъ, какъ второй посланникъ, и въ качествѣ третьяго—секретарь его королевскаго величества канцеляріи и ассесоръ въ шведскомъ высшемъ судѣ Самуэль Гёте.

1-го февр. 1699 г. была приготовлена инструкція имъ, и въ томъ же мѣсяцѣ Бергенъельмъ и Гёте отправились въ путь, вокругъ Ботническаго залива черезъ Улеоборгъ, Иденсальми и Куопіо въ Выборгъ, гдѣ Линдъельмъ ожидалъ своихъ коллегъ, прибывшихъ туда къ 21 марта. Отсюда поѣхали черезъ Финскій заливъ, ледъ котораго еще держалъ, въ Копорье и Нарву. По дорогѣ къ нимъ присоединился 26 марта переводчикъ Густавъ Солданъ. 26-го мая послы выѣхали изъ Нарвы и 26-го іюля торжественно въѣхали въ Москву черезъ Никольскія ворота во время ужаснаго пожара. Квартира посольству была отведена въ Ростовскомъ домѣ въ Китай-городѣ, но въ полночь пришлось среди пламени перебраться въ домъ одного купца изъ Нарвы въ Нѣмецкой Слободѣ, а свитѣ пришлось расположиться подъ открытымъ небомъ. 6 августа послы могли снова перебраться въ Ростовскій домъ, гдѣ они постарались восполнить скудную мебелировку „коврами Его Величества и небомъ“ и привезеннымъ съ собою большимъ портретомъ въ золотой рамѣ Карла XII-го, поставивъ его на почетное мѣсто въ залѣ. (Портретъ этотъ остался въ Москвѣ, т. к. царь выразилъ желаніе имѣть его, и послы при отъѣздѣ поднесли его въ подарокъ).

Посольство оказалось вынужденнымъ на продолжительное бездѣйствіе. царь находился въ Азовѣ и вернулся въ Москву лишь 27 сентября. Наконецъ, 13 октября онъ принялъ пословъ въ торжественной аудіенціи. Они пріѣхали на нее въ собственной парадной каретѣ царя, которая нѣкогда принадлежала шведскому послу Лиліенроту на Рисвикскомъ конгрессѣ, была куплена Генеральными Штатами и поднесена въ даръ царю во время посѣщенія имъ Голландіи. Подарки короля Карла несли 140 солдатъ; царь принялъ ихъ съ удовольствіемъ и не могъ удержаться, когда мимо несли серебряную группу, кружку, изображающую бога вина, поддерживаемаго амурами, и за ней лохань, чтобы не показать на это, говоря, смѣясь: „Si, Bacchus!“ Уже на слѣдующій день начались засѣданія, при чемъ графъ Фѣдоръ Алексѣевичъ Головинъ, въ это время всецѣло завѣдывавшій у Царя всѣми вопросами иностранной политики, былъ представителемъ Россіи. Во время переговоровъ наблюдалась нѣкоторая натянутость; между прочимъ, съ русской стороны жаловались на недостойное обращеніе съ царемъ въ Ригѣ, когда онъ сопровождалъ инкогнито великое русское посольство, и также на прибытіе шведскихъ пословъ въ Москву во время отсутствія царя. Положеніе пословъ стало

еще мучительнѣе, когда ихъ завѣдующій хозяйствомъ (marskalk) маіоръ Якобъ Ранкъ 16 октября тяжело ранилъ бранденбургскаго резидента Цезельскаго (Cieselski) во время встрѣчи съ нимъ у шведскаго комиссара Книпера на Шведскомъ Дворѣ, что чрезвычайно разсердило царя. Шведское посольство въ теченіе нѣсколькихъ часовъ было заперто въ его квартирѣ двумя эскадронами драгунъ, потому что думали, что тамъ спрятался Ранкъ, но послѣ его нашли въ Ямской Слободѣ, отвели въ Преображенское и держали тамъ въ тюрьмѣ, заковавъ въ желѣзо за шею, ноги и руки. Всѣ попытки освободить его остались безплодны, хотя и саксонскій резидентъ ген.-маіоръ Карловицъ предложилъ свою помощь (Ранкъ былъ освобожденъ изъ оковъ лишь 26 іюля 1700 года—и умеръ на слѣдующій день).

Въ то же время совѣщанія шли своимъ порядкомъ. Русскіе разсматривали привезенную послами королевскую конфирмацію и обсуждался проектъ подобнаго же документа (fulbordansbref) съ царской стороны. 20-го ноября послы имѣли прощальную аудіенцію, при чемъ передали царю королевскую конфирмацію и изъ его рукъ получили его „fulbordansbref“ и рекредитивъ. Прощальные подарки, соболя, переданные имъ 24-го, были не особенно цѣнны и не соотвѣтствовали тому, что получили предыдущіе послы.

На слѣдующій день послы были приглашены въ Преображенское смотрѣть ученье Преображенскаго полка, при чемъ царь исполнялъ обязанности капитана бомбардирской роты. Послѣ ученья они были приглашены въ „сержантскую квартиру“ царя и тамъ, пока Его Величество былъ на улицѣ, устраивая какія-то дѣла этого полка, они сидѣли съ множествомъ русскихъ господъ безо всякаго порядка гдѣ попало, пока Его Царское Величество пришелъ самъ черезъ 1½ часа, когда г.г. послы встали, чтобы выразить ему свое почтеніе, то Его Царское Величество тотчасъ заставилъ ихъ снова сѣсть за столъ, такъ что г.г. посланники оказались сидящими посрединѣ противъ Его Царскаго Величества, имѣя по обѣимъ сторонамъ его бояръ. Часть кавалеровъ, бывшая съ ихъ превосходительствами, стояла подлѣ съ переводчикомъ и служила. Его Царское Величество выказалъ себя въ описанномъ случаѣ очень дружелюбнымъ и веселымъ; но онъ не желалъ, чтобы переводилъ переводчикъ Солданъ, но его собственный толмачъ, по имени Петръ Павловъ Шафировъ (Petr Pauloff Saffiroff). И когда время начало клониться къ ночи, г.г. посланники

встали и простились съ Его Царскимъ Величествомъ; тогда Его Царское Величество изъ особенной милости спросилъ, сколько имъ лѣтъ, что они сказали каждый за себя, а Его Величество записалъ въ своей книжкѣ и высчиталъ, что имъ всѣмъ вмѣстѣ 200 лѣтъ безъ одного года; затѣмъ, съ ихъ позволенія снялъ съ нихъ парики, чтобы видѣть, сѣдые ли у нихъ волоса, и когда дошелъ до его превосходительства г. Бергенъельма, поцѣловалъ его въ лобъ и обнялъ его“.

27-го ноября царь объявилъ, что будетъ у комиссара Книпера на Шведскомъ Дворѣ, и выразилъ желаніе „имѣть возможность еще разъ поговорить съ г.г. послами до ихъ отъѣзда“. Объ этомъ свиданіи, бывшемъ 28 ноября, въ протоколѣ посольства записано слѣдующее:

„Около полдня г.г. послы поѣхали въ данной имъ Его Королевскимъ Величествомъ каретѣ, и оба камергера каждый на своей приступкѣ, на Шведскій Дворъ, чтобы обѣдать тамъ вмѣстѣ съ Царемъ у торговаго агента Книпера. При ихъ прибытіи никого еще не было, кромѣ племянника Лефорта, носящаго званіе полковника, и брата воеводы Новгородскаго, Петра Матвѣевича Апраксина, который былъ съ царемъ подъ Азовомъ и служилъ подполковникомъ; оба они были проворные и ловкіе молодые люди, выказывавшіе къ г.г. посламъ большую вѣжливость, особенно послѣдній, который отъ имени своего брата-воеводы высказалъ особенное удовольствіе, что г.г. послы на первой своей аудіенціи у царя хвалили распоряженія названнаго воеводы для ихъ приѣма въ Новгородѣ и незамедлительнаго отъѣзда оттуда.

Послѣ того, какъ провели около часа во всевозможныхъ разговорахъ, прибылъ также самъ царь и съ нимъ или тотчасъ послѣ него нѣкоторые бояре, какъ князь Михайло Алегуковичъ Черкасской, управлявшій Москвой во время отсутствія царя, фельдмаршалъ Шеинъ, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ и Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, князь Репнинъ, который поставилъ 200 драгунъ вокругъ квартиры пословъ, когда случилось несчастіе съ ихъ завѣдующимъ хозяйствомъ, полковникъ Блумбергъ, маіоръ, обучавшій въ теченіе нѣсколькихъ дней передъ тѣмъ Преображенскій полкъ, и любимецъ царя Александръ Даниловъ Меньшиковъ.

Какъ только прибывшіе вошли въ залъ, царь съ боярами пошелъ въ спальню г. Книпера, гдѣ ихъ угощали водкой и канарскимъ виномъ (Cannarie-Säck), но прочіе оставались въ

залѣ, получая такое же угощеніе, каковымъ воспользовались и г.г. послы при ихъ прибытіи.

Немного времени спустя царь и бояре снова вышли въ залу, гдѣ были поставлены два овальныхъ стола достаточной величины, одинъ уставленный рыбой и тѣми кушаньями, какія русскіе ѣдятъ во время ихъ постовъ, за которымъ сѣли царь съ боярами и другіе изъ его свиты; другой столъ былъ уставленъ хорошими и вкусно приготовленными кушаньями, какія обычны у нѣмцевъ и другихъ живущихъ тамъ иностранцевъ; этотъ столъ заняли г.г. послы, полковникъ Лефортъ, датскій комиссаръ Росенбускъ, камергеры изъ легации и нѣкоторые другіе друзья Книпера. Вскорѣ послѣ того, какъ сѣли за столъ, началъ царскій шутъ (который всюду сопровождалъ его, высокаго роста и одѣтый въ красное платье) рѣзкими словами и обвиненіями прохаживаться насчетъ бояръ, которые мало или совсѣмъ не заботились и не принимали къ сердцу, какіе труды и работы принимаетъ Его Царское Величество для блага и пользы ихъ и всѣхъ его подданныхъ. Они оставались дома, веселились (*giorde sig gode dagar*) и собирали большія деньги и имѣнія, въ то время какъ Его Царское Величество терпѣлъ нужду и въ ѣдѣ, и въ питъѣ, проводилъ много утомительныхъ часовъ и даже не щадилъ своей жизни. Если бы съ Его Царскимъ Величествомъ (чего однако да избавитъ Господь) черезъ это случилось какое-нибудь несчастье или постигла бы его смерть, то они по этому поводу скорѣе выражали бы радость, чѣмъ скорбь, и считали бы, что это хорошо, что имъ теперь можно дѣлать, что они сами хотятъ. Если они теперь представляются вѣрноподданными и послушными, кланяются и сгибаются, то это скорѣй происходитъ отъ страха и принужденія, чѣмъ по ихъ охотѣ и доброй волѣ. Его Царское Величество самъ можетъ достаточно замѣтить, насколько вѣрноподданныя и преданныя сердца имѣютъ они, когда они выказываютъ всяческую вялость (*trøghet*) въ поддержкѣ его въ дорогихъ военныхъ приготовленіяхъ, и еще въ другомъ, что ему приходилось дѣлать, несмотря на то, что у нихъ большія имѣнія, богатства (*härligheter*) и много денегъ. Онъ долго продолжалъ такіе и подобныя разговоры; царь слушалъ ихъ, какъ не совсѣмъ невѣроятное, бросая взгляды то на одного, то на другого боярина, которые какъ въ столбнякѣ сидѣли совершенно молча и безгласно, пока наконецъ старый князь Михайло Алегуковичъ Черкасской набрался смѣлости и сказалъ, что онъ не знаетъ за собой ничего подоб-

наго, и такимъ образомъ надѣется, что прошелъ свою жизнь до нынѣшняго преклоннаго возраста такъ, что никто не въ правѣ обвинять его, что онъ что-либо упустилъ изъ того, чѣмъ онъ обязанъ къ Его Царскому Величеству, какъ предназначенному ему Богомъ государю. Если же кто-либо думаетъ быть его обвинителемъ, то онъ докажетъ свою невинность или въ противномъ случаѣ понесетъ заслуженное наказаніе. Въ такомъ же смыслѣ сказалъ нѣсколько словъ и воевода Шеинъ. Но хозяинъ Книперъ всячески постарался прекратить эти непріятные разговоры, подавъ вина и начавъ всевозможные тосты, какіе могли послужить, чтобы развеселить гостей, при чемъ прекратились прежнія непріятныя рѣчи и начались другія веселыя. Самъ царь началъ тостъ за здоровье Его Королевскаго Величества, на что г.г. легаты начали тостъ за здоровье Его Царскаго Величества, но онъ не желалъ этого позволить, но они сначала должны были выпить за здоровье Его Королевскаго Величества, потомъ послѣдовалъ тостъ за царя и многіе тосты за королевскій и царскій дома. Въ это же время слышались литаврщики и трубачи посольства и при каждомъ тостѣ стрѣляли изъ 4-хъ орудій, поставленныхъ Книперомъ на дворѣ. Когда было подано третье блюдо, царь сказалъ: „Мы могли бы сѣсть поближе другъ къ другу“, и велѣлъ сдвинуть вмѣстѣ оба стола и сѣлъ за столъ г.г. легатовъ къ г. Бергенъельму, выказывая большую веселость и пускаясь во всевозможные веселые разговоры, пилъ за ихъ здоровье много разъ, и когда замѣтилъ, что г. Бергенъельмъ охотно бы уклонился отъ питья, онъ совершенно освободилъ его, сказавъ, чтобы онъ не пилъ больше того, сколько самъ хочетъ. Но обоихъ другихъ г.г. посланниковъ онъ положительно хотѣлъ перепить, и когда увидѣлъ, что пажъ взялъ стаканъ, который г. Линдъельмъ не допилъ до конца, онъ схватилъ со стола пшеничный хлѣбъ и бросилъ пажу въ голову, заставивъ его принести стаканъ обратно.

Когда на улицѣ стало совсѣмъ темно и наступилъ вечеръ, торговый агентъ (commerciefactoren) приказалъ жечь фейерверкъ, который въ теченіе долгаго времени готовили его сыновья съ однимъ артиллерійскимъ лейтенантомъ; онъ продолжался около часа и на него царь и всѣ присутствующіе смотрѣли съ большимъ удовольствіемъ.

Такъ какъ во время пребыванія г.г. пословъ въ Москвѣ дѣлались различныя запросы о томъ, что они думаютъ дѣлать съ большой каретой, которая имъ подарена, и пристава до-

вольню ясно давали понять, что она для царя не годится, то г. г. послы рѣшили, въ виду невозможности отвезти ее обратно въ цѣлости, и т. к. здѣсь на мѣстѣ не было никого, кто сколько-нибудь интересовался бы ею, предложить ее наслѣднику (tzagerriksen), о чемъ попросили боярина Головина доложить Его Царскому Величеству, что онъ и сдѣлалъ, и это было очень хорошо принято.

Точно также подарили они лошадей отъ кареты боярину Головину, потому, что всегда было принято дарить что-либо главному члену конференціи, и при обратномъ пути, который надо было совершать поспѣшно и въ сильный морозъ, эти лошади не могли бы слѣдовать за ними. А также и Его Королевское Величество всемилостивѣйшимъ письмомъ къ г. г. посланникомъ отъ (пропускъ) того же года далъ свое всемилостивѣйшее разрѣшеніе подарить кому-нибудь и карету, и лошадей.

Когда время протянулось до ночи, г. посланникъ Бергенъельмъ почувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо, и поэтому когда царь говорилъ разъ съ боярами, онъ воспользовался случаемъ, чтобы удалиться отъ компаніи, и отправился въ комнату, которая была рядомъ со столовой, и найдя тамъ хорошо приготовленную кровать, легъ на нее поверхъ одѣяла и заснулъ, что увидѣлъ его пажъ Пальмстраухъ, снялъ съ него парикъ и надѣлъ ему ночной колпакъ. Когда царь немного спустя хватился его и узналъ, что онъ въ комнатѣ, онъ пошелъ туда и разбудилъ его. Посланникъ, увидѣвъ царя, поторопился встать съ постели и потребовалъ отъ пажа парикъ, но царь вырвалъ его у пажа и самъ надѣлъ на посланника, выведя его такъ съ собой въ залу и сѣвъ за столъ въ томъ же порядкѣ, какъ прежде. Между тѣмъ г. посланникъ Гёте вышелъ, ища случая отправиться домой, но такъ какъ не было больше другихъ каретъ, кромѣ одного экипажа г. Бергенъельма, онъ со своими лакеями пошелъ пѣшкомъ домой въ темнотѣ. Когда переводчикъ Солданъ это узналъ, то приказалъ своему слугѣ взять сани, которыми пользовался онъ, переводчикъ, и постараться догнать г. посланника и такъ отвезти его на квартиру. Когда слуга вышелъ на дворъ, чтобы взять сани, онъ оказались стоящими въ тѣснотѣ отъ многихъ саней позади саней Александра Меншикова, царскаго фаворита, и когда слуга Солдана пожелалъ, чтобы слуга Александра пропустилъ ихъ впередъ, тотъ въ этомъ отказалъ, утверждая, что не пропуститъ впередъ никого

изъ тѣхъ, кто позади саней его господина, раньше чѣмъ онъ самъ не подастъ саней. Послѣ того другіе могутъ слѣдовать, какъ имъ угодно. Но такъ какъ слуга переводчика сильно напиралъ, чтобы заставить подать сани, то изъ-за этого возникла сначала перебранка, а потомъ драка между слугами, и русскій вмѣстѣ съ другими бывшими тутъ слугами начали бить слугу переводчика, вытасили его шпагу и пытались сломать ее. Но такъ какъ клинокъ былъ такъ крѣпокъ, что не ломался, его сломали у самой рукоятки и бросили слугѣ, который былъ весь избитъ, чѣмъ русскій еще не удовольствовался, но побѣждалъ къ своему господину и пожаловался, что на него напалъ съ обнаженной шпагой слуга переводчика, о чемъ Александръ тотчасъ доложилъ царю, сидѣвшему за столомъ, и царь былъ не мало разгнѣванъ тѣмъ, что въ его присутствіи на дворѣ обнажили шпагу, что однако было сдѣлано не ея владѣльцемъ, но его врагомъ, какъ упомянуто выше. Поэтому онъ грозно посмотрѣлъ на Солдана, стоявшаго у стола, чтобы переводить, и набросился на него съ ругательствомъ и вытасилъ свою саблю, бывшую у него сбоку, стука кулакомъ по столу, такъ что если бы переводчикъ тотчасъ не ретировался, то навѣрное произошло бы какое-нибудь несчастье.

Оба оставшихся г.г. легата пытались успокоить добрыми словами царя, который былъ чрезвычайно разгнѣванъ, предлагая тотчасъ велѣть разслѣдовать, въ чемъ виноватъ слуга, и если это окажется, то онъ будетъ за это подобающимъ образомъ наказанъ. Но сначала это не имѣло никакого значенія, но царь вышелъ вонъ и сошелъ на дворъ, чтобы узнать дальше, какъ было дѣло, куда г.г. посланники охотно также отправились бы, но, такъ какъ изъ-за этого происшествія ихъ переводчикъ сдѣлался для нихъ бесполезенъ, а они не понимали, что говорили русскіе, то они и остались наверху въ залѣ. Но пока царь былъ на дворѣ, полковникъ Блумбергъ попробовалъ смягчить его, говоря, что слуга переводчика совсѣмъ не виноватъ, а виноватъ Александровъ, что царю очень не понравилось, и онъ рѣзко сказалъ полковнику: „Ты долженъ бы быть со мной и моими, а теперь ты противъ“. Полковникъ затѣмъ вечеромъ больше не долженъ былъ показываться, но далъ знать г.г. посланникамъ, что изъ-за нихъ онъ попалъ въ немилость у царя. Когда царь снова пришелъ со двора въ залу, онъ принесъ съ собой сломанную шпагу и бросилъ ее на столъ, выражая великій гнѣвъ, что не побоя-

лись обнажить шпагу въ его присутствіи. Г.г. легаты теперь пробовали, какъ раньше, успокоить его гнѣвъ, обѣщая, что если слуга окажется виноватымъ, то онъ не останется безнаказаннымъ, но говорили также, что если вина окажется на другой сторонѣ, то Его Царское Величество точно также со-благоволитъ подобающимъ образомъ строго наказать виновныхъ. Послѣ того царь еще посидѣлъ нѣкоторое время и затѣмъ дружески простился съ г.г. посланниками, и уѣхалъ въ Преображенское. Но они отправились домой по своимъ квартирамъ и предались ночному покою, насколько позволили имъ мысли объ этомъ неприятномъ происшествіи. Потому что представлялось, какія затрудненія имъ причинило въ началѣ ихъ переговоровъ несчастіе, случившееся съ маршаломъ, изъ-за чего они еще не могли достигнуть желаемого. А теперь въ концѣ случилось еще въ добавленіе это, что доставить не малую радость врагамъ Швеціи.

Послы теперь болѣе чѣмъ когда-либо жаждали выбраться изъ опасной Москвы и все приготовили къ отѣзду, когда 1 декабря графъ Головинъ пригласилъ ихъ къ себѣ на обѣдъ на завтра: „Такъ пожелалъ Царь“. „Сатана въ послѣдній разъ вырвался на волю“, говорилъ Головинъ, и сдѣлалъ нѣсколько неприятнымъ собраніе, которое весь день было очень весело“. Онъ прибавилъ, что царю это очень неприятно и онъ желаетъ самымъ дружескимъ и веселымъ образомъ проститься съ посланниками. Объ обѣдѣ, который по случаю Рождественскаго поста состоялъ лишь изъ закуски изъ рыбы, конфектъ и фруктовъ, посланники, между прочимъ, рассказываютъ слѣдующее:

„Послѣ тостовъ за членовъ Королевскаго и Царскаго семействъ, время проходило среди прекрасной вокальной и инструментальной музыки и дружеской бесѣды, съ различными пожеланіями счастья и питьемъ тостовъ, при чемъ г.г. послы, каждый въ отдѣльности, точно также не забывались. Наконецъ, царь спросилъ, какой дорогой послы думаютъ ѣхать? Когда они сказали, что черезъ Нарву и такъ кругомъ по сѣверу, то онъ сказалъ, что это довольно длинная дорога для такихъ стариковъ. Онъ велъ вообще много (фамиллярныхъ) разговоровъ; сначала—какъ длинна дорога, послѣ того какъ мы переѣдемъ границу Его Королевскаго Величества? И когда мы на это отвѣтили, что отъ границы до Стокгольма свыше 220 или 230 шведскихъ миль, которыя длиннѣе здѣшнихъ, то Его Царское Величество спросилъ, вся ли эта страна заселена?

и былъ очень доволенъ, когда мы сказали, что тамъ, конечно, есть нѣкоторые лѣса, но остальная земля хорошо населена. Потомъ Его Царское Величество говорилъ о вооруженіи Франціи и о претензіяхъ на испанскую корону, а кромѣ того говорилъ о кораблестроеніи, при чемъ Его Царское Величество на столѣ собственноручно начертилъ чертежъ для опредѣленія мѣста корабля на морѣ. Но послѣ того, какъ Его Царское Величество не нашелъ его вполне правильнымъ, сдѣлалъ онъ другой по масштабу, напомнилъ также о своемъ прежнемъ желаніи получить чертежъ корабля Его Королевскаго Величества, и такъ многими способами выказывалъ себя очень дружелюбнымъ и ласковымъ, безъ того чтобы на этотъ разъ принуждать кого-нибудь пить болѣе, чѣмъ тотъ самъ хочетъ. И наконецъ, часовъ въ 9 или немного позже онъ окончательно простился съ нами, пожелавъ намъ счастливаго пути, сказавъ, что хотя при прощальной аудіенціи онъ, конечно, приказалъ передать Вашему Королевскому Величеству его дружеское привѣтствіе, но онъ желалъ еще разъ сдѣлать это, такъ что мы, наконецъ, разстались съ Его Царскимъ Величествомъ съ величайшимъ удовольствіемъ (*fagnad*), честью и удовлетвореніемъ (*förgnyelse*) болѣе чѣмъ испытало когда-либо прежде какое-либо посольство". (Всеподданнѣйшее письмо пословъ изъ Новгорода отъ 14 декабря 1699 г.).

На другой день, 3 декабря, послы начали свой обратный путь. Линдъельмъ остался на своемъ посту въ Выборгѣ, но Бергенъельмъ и Гёте прибыли 19 февраля въ Стокгольмъ, гдѣ на слѣдующій день во время аудіенціи передали королю рекредитивъ и отвѣтную грамоту.

Перевелъ со шведскаго **А. В. Полторацкій.**

Елизавета Григорьевна Темницына — дочь великолѣпнаго князя Тавриды Потемкина и Высокой Особы.

Въ 80-хъ годахъ въ г. Херсонѣ проживало семейство отставнаго вдоваго генерала Константина Ивановича Калагеорги, состоящее изъ него самого и сына Николая Константиновича. До переселенія въ Херсонъ, генераль Калагеорги проживалъ въ Вильнѣ, будучи начальникомъ мѣстныхъ войскъ. Въ Херсонѣ ген. Калагеорги жилъ на пенсію, полученную по прежней его военной службѣ, и, кромѣ того, имѣлъ еще добавочныхъ 2.000 р., получавшихся изъ кабинетскихъ суммъ по Высочайшему повелѣнію императора Александра II. Сынъ генерала Калагеорги, Николай Константиновичъ, по окончаніи Дерптскаго университета, работалъ сначала въ статистическомъ отдѣленіи Херсонской губернской земской управы, а затѣмъ былъ выборнымъ мировымъ судьей Херсонскаго уѣзда. Будучи знакомъ съ гг. Калагеорги и часто ихъ навѣщая въ Херсонѣ, я, между прочимъ, обратилъ вниманіе на висѣвшій въ одной изъ комнатъ квартиры среднихъ размѣровъ поясной портретъ женщины, нарисованный масляными красками, чрезвычайно красивой. Нарисованная женщина — блондинка, съ голубыми глазами, съ круглымъ оваломъ лица и съ привлекательнымъ его выраженіемъ; посадка красиво убранной головы гордая, но не надменная, полнота умѣренная; оригиналу можно было дать лѣтъ 25—30. Въ общихъ своихъ чертахъ и нѣкоторыхъ деталяхъ портретъ представлялъ собою разительное сходство съ Высокой Особой, благодѣтельницей князя Потемкина. Портретъ былъ нарисованъ извѣстнымъ художникомъ Боровиковскимъ и составлялъ семейную реликвию семьи Калагеорги, и лишь послѣ смерти Н. К. Калагеорги (умершаго въ 90-хъ годахъ въ г. Барнаулѣ въ должности мирового судьи безпотомно), вдовой его описанный выше портретъ проданъ въ Эрмитажъ, гдѣ и сейчасъ находится. На вопросъ: кто же эта красивая женщина, изображенная на портретѣ, старикъ

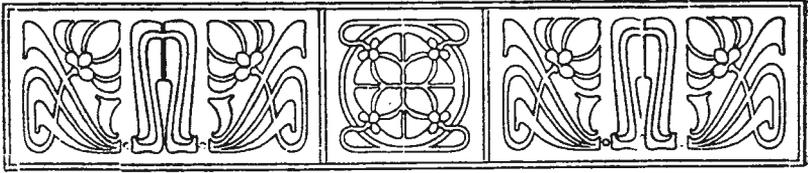
генераль Калагеорги разсказаль цѣлую исторію, которая до сихъ поръ не была извѣстна обширной литературѣ о князѣ Потемкинѣ.

„Особа,—говорилъ генераль,—которую вы сейчасъ видите на портретѣ, очень напоминающую своимъ сходствомъ Высокую Особу Потемкинскаго времени — дочь князя Таврическаго. Особыми заботами Высокой Особы она воспитывалась въ Петербургѣ; ей дали отчество отца, а фамилію Темницына. Когда г-жа Темницына достигла совершеннолѣтія, ей въ качествѣ жениховъ предоставлены два губернатора — могилевскій (фамиліи не помню) и херсонскій, г. Калагеорги. Г-жа Темницына остановила свой выборъ на послѣднемъ и стала мадамъ Калагеорги. Въ приданое г-жѣ Темницыной было назначено два имѣнія: одно въ Кіевской губ. (Межигорье), а другое близъ г. Херсона, состоящее изъ 2-хъ большихъ острововъ на рѣкѣ Днѣпрѣ, покрытыхъ лѣсомъ и съ обширными рыбными ловлями. Изъ этихъ острововъ Карантинный былъ въ послѣдствіи проданъ городу, а Потемкинскій поступилъ въ частное владѣніе. У г-дѣ Калагеоргиевъ (губернатора) было, кромѣ сына, воспитывавшагося въ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ, нѣсколько дочерей. Одна изъ нихъ состояла въ замужествѣ за херсонскимъ помѣщикомъ (Елисаветградскаго уѣзда) Ивановымъ, а другая за таврическимъ — Овсяннико-Куликовскимъ; вотъ еще потомки по женской линіи г-жи Темницыной—оригинала видѣннаго вами портрета“.

Разсказъ генерала Калагеорги мною въ свое время былъ записанъ, но не опубликованъ, а сейчасъ онъ освѣженъ воспоминаніями проживающей сейчасъ въ Херсонѣ старушки (84 лѣтъ) Ал. Иг. Ивановой, вдовы Александра Ивановича — внука г-жи Темницыной, а по мужу Калагеорги. Нынѣ, за смертью Константина Ивановича и Николая Константиновича Калагеорги (умершаго безпотомно, какъ сказано выше), прямое потомство г-жи Темницыной-Калагеорги прекратилось, а изъ боковыхъ ея родственниковъ пока живы: членъ суда Н. Л. Ивановъ, г-да Овсяннико-Куликовскіе, семьи: Сергѣя Павловича Эрдели и В. С. Чеважевскаго, женатыхъ на дочеряхъ Л. Ив. Иванова, и К. Д. Сосновскій—внукъ послѣдняго.

Освѣживъ разсказъ генерала Калагеорги о г-жѣ Темницыной, сообщаю его „Русской Старинѣ“, какъ нѣкоторый малоизвѣстный фактъ, заслуживающій, однако, съ исторической точки зрѣнія вниманія.

Сообщилъ **В. С. Чеважевскій.**

МИМОХОДОМЪ.

„Лѣсъ рубить—щепки летать“.

Сибирская картинка.

Еще не позднимъ лѣтнимъ вечеромъ двое прохожихъ осторожно пробирались лѣсною опушкою сибирской тайги, зорко поглядывая на пролежавшую невдалекъ почтовую дорогу и часто оглядываясь назадъ. Видимо, оба были въ большой тревогѣ и боялись опасной встрѣчи или погони. Одинъ изъ нихъ былъ довольно высокій стройный блондинъ, а другой молодой коренастый шатенъ, но оба были крайне истощены отъ тяжелаго пути и плохого питанія. Одѣты они были въ лохмотья, а ноги обмотаны тряпками и обвязаны бечовками; у обоихъ за плечами котомки съ хлѣбомъ, а въ рукахъ тяжелыя листовичныя дубинки. Безошибочно можно было опредѣлить, что это были бѣглецы изъ какой-либо каторжной тюрьмы каторжники.

Отъ времени до времени, чтобъ не быть застигнутыми врасплохъ, прохожіе останавливались, и высокій изъ нихъ припадалъ ухомъ къ землѣ, прислушиваясь—не раздастся ли топотъ лошадиныхъ копытъ или глухіе удары экипажныхъ колесъ. Наконецъ онъ услышалъ, что навстрѣчу ѣдетъ тяжелая телѣга, и поторопился отойти съ товарищемъ нѣсколько глубже въ тайгу и занять тамъ наблюдательное положеніе.

Дѣйствительно вскорѣ показалась грузная телѣга, запряженная парой лошадей, и на ней два человѣка. Высокій сразу опредѣлилъ—„офеня съ товаромъ“, и къ величайшему удивленію замѣтилъ, что телѣга свернула съ дороги и остановилась у ручья, протекавшаго близъ лѣсной опушки.—„Должно быть, кони притомились, а до деревни далеко, тутъ заню-

чують“, сказалъ онъ товарищу.—„Нужно глядѣть въ оба“, и затѣмъ многозначительно прибавилъ:—„и собаки-то у нихъ нѣтъ“. Зорко наблюдая съ своего поста, они видѣли, какъ проѣзжіе, отпрягши лошадей, развели костеръ, надъ которымъ на треножникѣ повѣсили чайникъ съ водой, достали потомъ ящикъ съ провизіей, выпили по рюмкѣ водки и стали ужинать; выпивъ наконецъ по нѣсколько чашекъ чая, улеглись спать.

Выждавъ, пока совсѣмъ стемнѣло, и вѣрно рассчитавъ, что проѣзжіе уснули уже крѣпкимъ сномъ, бродяги подкрались къ нимъ и страшными ударами своихъ дубинокъ размозжили имъ головы. Затѣмъ, дочиста ограбивъ, переодѣлись въ ихъ платье и обувь, обративъ особое вниманіе на нагрудные кожаные мѣшочки, въ которыхъ находились паспорта, письма и деньги. Покончивъ съ этимъ, устроили себѣ вкусный ужинъ изъ провизіи, которой довольно оставалось въ ящикѣ, водки выпили по одной рюмкѣ, больше не было. Подкрѣпивъ силы, занялись уборкой труповъ, которые привязали веревками къ хомутамъ лошадей и увезли подальше въ тайгу, заваливъ валежникомъ, въ добычу волкамъ и лисицамъ.

Немало предприимчивыхъ офеней вязниковцевъ и иныхъ погибло такъ въ Сибири отъ руки бродягъ.

Въ остальную часть ночи каторжники торопились отѣхать на ограбленной телѣгѣ подальше отъ мѣста преступленія, направляясь въ дальніе бурятскіе улусы.

Когда стало разсвѣтать, они снова поворотили въ тайгу, отпрягли лошадей и занялись разборкой документовъ. Паспортъ, принадлежавшій хозяину-коробейнику, удостовѣрялъ, что предъявитель—цеховой гор. Иркутска Капитонъ Андреевичъ Алексѣевъ, 30 л., холостъ, роста 2 арш. 6 вершк., волосы свѣтлорусые, ротъ, носъ обыкновенные, особыхъ примѣтъ не имѣеть. А въ паспортѣ работника сказано, что онъ мѣщанинъ гор. Балаганска изъ ссыльныхъ Мартынъ Пенто, 18 л., холостъ, роста 2 арш. 3 вершк., волосы темнорусые, особыхъ примѣтъ не имѣеть.

Оба паспорта чрезвычайно удачно подходили къ физическимъ даннымъ бродягъ, и они согласились твердо помнить, что одного зовутъ Алексѣевъ, а другого—Пенто; деньги, какія оказались въ бумажникѣ и мѣшкѣ, подѣлили поровну, а такъ же дѣлили впослѣдствіи и тѣ, какія выручали отъ продажи товаровъ. Когда же совсѣмъ расторговались и приближались уже къ Читѣ, то продали телѣгу и лошадей, наняли

извозчика и ночью добрались до постоялаго дома, въ которомъ расположились на нѣкоторое время и немедленно занялись пріисканіемъ работы, при чемъ на глазахъ хозяевъ дома вели себя крайне скромно, не употребляли ни водки, ни пива, а довольствовались только чаемъ.

Пенто скоро пристроился къ почтсодержателю въ ящики; Алексѣевъ же, прежде чѣмъ приступить къ розыскамъ, занялся нѣкоторой подготовкой, задумавъ изобразить изъ себя обѣднѣвшаго интеллигента. Съ этою цѣлью онъ пріобрѣлъ у еврея-портного поношенную черную пару, а въ универсальномъ магазинѣ извѣстнаго Бадмаева хорошіе сапоги и нѣсколько манишекъ. Затѣмъ написалъ прошеніе о предоставленіи ему письменныхъ занятій, при чемъ помѣстилъ два образца своихъ почерковъ:

первый—подъ названіемъ „англійскій круглый“—
 „Истинная добродѣтель скромна“;
 второй—„готическій почеркъ“
 „Вознагражденіе по Вашему благоусмотрѣнію“.

Въ заключеніе прибавилъ:

„Могу и по щетной части“.

Капитонъ Алексѣевъ ¹⁾.

Превратившись изъ коробейника въ довольно приличнаго, хотя бѣднаго интеллигента, Алексѣевъ отправился въ самую значительную золотопромышленную контору потомственнаго почетнаго гражданина Сабашникова и К^о.

Управляющій этою конторою, къ которому обратился Алексѣевъ, разсмотрѣвъ его прошеніе и паспортъ, предложилъ ему нѣсколько вопросовъ о его семейномъ положеніи и о прежней его дѣятельности. Алексѣевъ отвѣтилъ, что въ раннемъ дѣтствѣ онъ лишился родителей и былъ взятъ въ домъ дяди-слесаря, у котораго и учился этому мастерству и вмѣстѣ съ тѣмъ ходилъ въ народную школу. Затѣмъ по смерти дяди онъ переѣхалъ въ Красноярскъ работникомъ къ печнику, съ которымъ нѣсколько лѣтъ занимался починкой печей и устройствомъ новыхъ. Но такъ какъ ремесло это и малоприбыльно и непостоянно, то онъ по вольному найму работалъ въ разныхъ волостныхъ правленіяхъ по веденію счетныхъ книгъ. Жалованья платили вообще недостаточно, а когда въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ случился голодъ (1868—

¹⁾ Судя по красотѣ и разнообразію почерковъ, можно подуматъ, что Алексѣевъ до ссылки въ каторжн. работы былъ профессиональнымъ граверомъ

1869 г.г.), то чуть ли не всѣмъ помощникамъ волостныхъ писарей, и мнѣ въ томъ числѣ, было отказано отъ службы. При такой крайности я и рѣшился искать счастья въ Забайкальѣ.

Выслушавъ Алексѣева и удовлетворившись его отвѣтомъ, управляющій сказалъ, что на первое время онъ принимаетъ его на должность помощника бухгалтера, а послѣ—тамъ видно будетъ; при этомъ онъ преподаль ему нѣкоторыя указанія относительно порядка занятій и проч., предупредивъ, что при обширномъ хозяйствѣ могутъ встрѣтиться случаи, когда будетъ необходимость оказать помощь, напр., по матеріальнымъ складамъ или по пріемкѣ большихъ партій прискоковыхъ товаровъ и проч. Алексѣевъ отвѣтилъ, что онъ безпрекословно исполнить всякое приказаніе.

Съ необычайнымъ усердіемъ и вдумчивостію принялся онъ за исполненіе своихъ обязанностей и чрезъ какихъ-нибудь три-четыре мѣсяца въ совершенствѣ овладѣлъ двойною итальянскою бухгалтеріей со всѣми ея „кредитъ, дебетъ, grosбухъ“ и проч. Это давало ему возможность ежедневно быстро заканчивать его бухгалтерскую работу и затѣмъ остальные дневные часы употреблять или на прогулки по городу, при чемъ онъ изрѣдка заходилъ къ своему сподвижнику Мартыну Пенту, чтобъ поддержать его деньгами и совѣтами,—или же такъ или иначе сближаться съ своими сослуживцами. Когда же эти послѣдніе узнали, что Алексѣевъ знаетъ разное ремесло, то стали осаждать просьбами, кто—починить замокъ, кто—поправить шкафъ, кто—привести въ порядокъ швейную машину и проч. Никому Алексѣевъ не отказывалъ, всѣмъ старался услужить, при томъ, какъ говорится, не откладывая въ долгій ящикъ. Вообще со всѣми сослуживцами, благодаря его веселому, общительному характеру, установились самыя хорошія пріятельскія отношенія.

Въ свою очередь и управляющій конторою все болѣе и болѣе цѣнилъ энергичную, преданную службу Алексѣева, почти постоянно исполнявшаго двѣ обязанности—бухгалтера и матеріальнаго (т. е. главнаго ключника); и когда, по приказанію хозяевъ, представилась необходимость снарядить и отправить въ тайгу партію на поиски золота, то это важное порученіе, сопряженное съ крупными затратами, было возложено на Алексѣева.

Два года кряду искалъ онъ золото въ верховьяхъ рѣки Ингоды, но безъ особенной удачи, такъ какъ хотя изслѣдо-

ванныя имъ площади и оказались золотоносными, но не признаны „промышленно-благонадежными“.

По возвращеніи изъ тайги и по представленіи отчета съ остаточными деньгами, инструментами и матеріалами, онъ былъ назначенъ „матеріальнымъ“. Въ это же время онъ женился на зажиточной вдовѣ поселенца Павлова, купилъ домъ и, приписавшись въ читинское мѣщанское общество, окончательно поселился въ Читѣ.

Затѣмъ вскорѣ онъ получилъ еще болѣе важное назначеніе „комиссіонеромъ промысловъ Сабашникова“, что дало ему возможность сблизиться съ купечествомъ всего Забайкалья и со многими князьями Монголіи, у которыхъ онъ закупалъ для приисковъ скотъ. На многія сотни тысячъ ежегодно совершались эти комиссіонерскія операціи и приносили, конечно, Алексѣеву значительныя выгоды, но въ то же время и хозяева были довольны и дорожили имъ, такъ какъ все необходимое для приисковъ было своевременно заготовлено и сполна доставлено на мѣста.

Черезъ три года, оставивъ службу у К^о Сабашниковыхъ, Алексѣевъ занялся самостоятельнымъ промысломъ „доставщика“. Сначала онъ перевозилъ чай изъ Кяхты въ разные пункты Сибири, а въ непродолжительномъ времени достигъ того, что перевозка не только чаевъ, но и всѣхъ грузовъ, направлявшихся гужомъ отъ Иркутска на востокъ и обратно, сосредоточилась въ его рукахъ. Записавшись въ гильдію по II разряду, Алексѣевъ помимо перевозки никакой иною торговлей не занимался; иногда только случайно покупалъ и перепродавалъ партію муки, чая, масла и проч. Главнымъ же образомъ, зная многихъ хищниковъ золота, скупалъ у нихъ таковое. Послѣднія операціи, какъ преслѣдуемая закономъ, сопряжены обыкновенно съ извѣстнымъ рискомъ, но крупная нажива, которую давалъ этотъ промыселъ, побуждала пренебрегать сопряженную съ нимъ опасность. Постоянная удача и ловкость, съ какою онъ избѣгалъ эту опасность, создали ему среди купечества репутацію оборотливаго дѣльца.

Въ частной жизни Алексѣевъ былъ весьма радушнымъ хозяиномъ, славился хлѣбосольствомъ, домъ держалъ открытымъ; любилъ охоту, лошадей, имѣлъ въ городѣ лучшихъ бѣгунцовъ, бравшихъ скаковые призы; устраивалъ облавы, пикники и проч. Такимъ образомъ располагалъ къ себѣ не только купеческое сословіе, къ которому теперь принадлежалъ, а оно, кстати сказать, управляло городскими дѣлами, но и

чиновничью сферу. Лучшимъ доказательствомъ всеобщаго къ нему расположенія можетъ служить тотъ фактъ, что губернаторъ Б., человекъ умный, честный и въ высшей степени порядочный, былъ крестнымъ отцомъ одного изъ его сыновей.

Въ результатъ такихъ отношеній Алексѣевъ въ скоромъ времени оказался: членомъ городской управы, директоромъ тюремнаго комитета, попечителемъ пріюта арестантскихъ дѣтей и даже получилъ медаль за усердіе. Въ періодъ же съ 1877 по 1887 г., при смѣтѣ городскихъ головъ: Замошникова, Шульгина и Мишина, ему всякій разъ предлагали занять эту должность, но онъ постоянно отъ нея отказывался подъ предлогомъ недостатка времени.

Но на ряду съ этимъ въ жизни Алексѣева, какъ замѣчали его ближайшіе сосѣди, проглядывали нѣкоторыя странности, несоотвѣтственныя его общественному положенію. Больше всего давали поводъ къ толкамъ очень частыя отлучки его изъ города налегкѣ, неизвѣстно куда, и то обстоятельство, что къ нему постоянно съ чернаго крыльца являлись какіе-то неизвѣстные люди изъ того сорта, на которыхъ особое вниманіе обращаетъ полиція. При обыкновенныхъ условіяхъ провинціального города эти явленія могли бы пройти и незамѣченными, но именно въ этотъ періодъ времени въ Читѣ и ея окрестностяхъ стали проявляться грабежи и убійства, по которымъ виновные не были обнаружены; а между тѣмъ преступленія эти совершались надъ лицами, съ которыми Алексѣевъ былъ въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ, такъ напримѣръ:

а) Потерялся и остался нерозысканнымъ проживавшій въ Читѣ крестьянинъ Саранчинъ, а было извѣстно, что онъ спеціально и успѣшно занимался хищничествомъ золота на промыслахъ и затѣмъ сбывалъ его Алексѣеву. Естественно подозрѣвалось, что Саранчинъ былъ убитъ, и подозрѣвался въ томъ Алексѣевъ, но подозрѣніе не вышло за предѣлы народной молвы;

б) Не въ дальнемъ разстояніи отъ Читы найденъ былъ трупъ ограбленнаго купца Янкеля Шмуйловича, специалиста по скупкѣ золота, какъ и Алексѣевъ, и часто мѣшавшаго ему въ его операціяхъ;

в) Золотопромышленникъ Полутовъ, на котораго вблизи Читы сдѣлано было нападеніе, заявлялъ даже, что въ стрѣльвшемъ по немъ онъ призналъ Алексѣева, но оформить дѣла не могъ за отсутствіемъ уликъ. По рассказамъ Полу-

това, Алексѣевъ гнался за нимъ на бѣговыхъ дрожкахъ, спасеніемъ же своимъ онъ обязанъ только своей верховой лошади и тому, что ему удалось свернуть съ трактовой дороги въ лѣсъ, который защитилъ его отъ пуль нападавшаго;

г) Войсковой старшина Наливкинъ, человѣкъ одинокій, имѣвшій по его рассказамъ около 20 тыс. р., нанялъ квартиру въ домъ Алексѣева. Живя вмѣстѣ, они сдружились и устраивали часто попойки; но въ одно утро Наливкинъ былъ найденъ мертвымъ, денегъ же у него никакихъ не оказалось. Возникли слухи, что Наливкинъ отравленъ; подозрѣвался въ этомъ Алексѣевъ, но медицинское вскрытіе трупа не подтвердило слуховъ, а вопроса о пропажѣ денегъ никто не возбуждалъ. Вскрытіе производилъ городской врачъ еврей Пророковъ, большой другъ Алексѣева; но это послѣднее обстоятельство не было принято во вниманіе. Черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ же врачъ Пророковъ былъ уличенъ въ сокрытіи другого убійства, былъ преданъ суду, лишенъ правъ состоянія и сосланъ на поселеніе. Но въ то время о смерти Наливкина уже забыли, и дѣло кануло въ вѣчность;

д) Та же народная молва относилась къ дѣлу рукъ Алексѣева загадочныхъ убійства и ограбленія: экономки ксендза Юревича и какой-то купчихи, убитой и ограбленной въ Читѣ днемъ подъ мостомъ; но установить связь этихъ преступленій съ Алексѣевымъ власть своею временною не озаботилась.

Всѣ эти преступленія, къ которымъ примѣшивалось имя Алексѣева, не были раскрыты, а онъ самъ пользовался уваженіемъ высшаго общества и, вѣроятно, могъ бы еще долго играть видную роль въ этомъ обществѣ, если бы не одно обстоятельство, доказавшее, что народная молва не ошибалась въ своихъ подозрѣніяхъ.

Обстоятельство это слѣдующее:

5-го января 1887 г. на почту, отправленную изъ Читы въ Иркутскъ, въ 16 верстахъ отъ города и въ 4-хъ в. отъ станціи Черновской было сдѣлано вооруженное нападеніе. Убитъ ящикъ и 2 лошади и раненъ сопровождавшій почту фейерверкеръ Власовъ, спасшійся отъ смерти тѣмъ, что притворился мертвымъ; чемоданы разрѣзаны и денежные сумки ограблены.

Преступленіе это возбудило въ городѣ много толковъ и подозрѣній, тѣмъ болѣе, что похищенная сумма оказалась весьма значительной; но въ первый день удалось установить только, что преступники скрылись въ Читѣ, произведено было нѣсколько обысковъ, оставшихся безъ результата. Къ рас-

крытію преступленія привело совершенно неожиданное для властей случайное обстоятельство.

6-го января (въ день Богоявленія), у Алексѣева, по обыкновенію, собралось значительное общество, среди котораго находился также сосѣдъ Алексѣева по дому купецъ Алексѣй Павловичъ Кульминъ. Этотъ Кульминъ видѣлъ, что насвѣту того же дня Алексѣевъ вернулся откуда-то на взмыленной лошади съ какимъ-то другимъ человѣкомъ, а въ виду распространившихся толковъ о разграбленіи почты, заподозрилъ его въ этомъ преступленіи и сталъ за нимъ наблюдать. Кульмину показалось, что хозяинъ дома почему-то не въ духѣ, какой-то усталый, нервный, что не вязалось съ его крѣпкою натурою и обычнымъ веселымъ нравомъ. Когда разговоръ зашелъ объ ограбленіи почты, то Алексѣевъ страшно смутился, вопросъ же, предложенный ему Кульминимъ за ужиномъ:—откуда и съ кѣмъ онъ вернулся сегодня насвѣту на взмыленной лошади?—привелъ Алексѣева въ полное замѣшательство, онъ сталъ объяснять что-то растерянно, невпопадъ, а затѣмъ лишился чувствъ.

Это обстоятельство сейчасъ же было доложено губернатору, который приказалъ произвести у Алексѣева немедленно обыскъ, результатомъ котораго было обнаруженіе явныхъ уликъ, затѣмъ послѣдовалъ арестъ и полное раскрытіе преступленія.

Алексѣевъ былъ преданъ полевому военно-уголовному суду, изъ рѣшенія котораго видно, что Алексѣевъ въ преступленіи сознался, при чемъ объяснилъ, что нападеніе на почту сдѣлано имъ ночью съ 5-го на 6-е января 1887 г., въ соучастіи съ мѣщаниномъ Пенто, почтосодержателемъ Читинской станціи и съ почтальономъ читинской почтовой конторы Маньковскимъ. Участіе послѣдняго состояло въ томъ, что онъ сообщилъ Алексѣеву о суммѣ, отправленной съ почтою, и подпилил курокъ у револьвера системы Лефюше, предназначавшагося для выдачи сопровождавшему почту фейерверкеру Власову. Убивъ выстрѣлами сначала двухъ лошадей, а затѣмъ ямщика и конвоира (Алексѣевъ былъ убѣжденъ, что Власовъ убитъ), онъ при содѣйствіи Пенты разрѣзалъ чемоданы и, погрузивъ всю денежную корреспонденцію въ свой мѣшокъ, ускакалъ вмѣстѣ съ товарищемъ въ Читу. Приѣхавъ домой, онъ переложилъ корреспонденцію въ свой несгораемый сундукъ и предложилъ Пентѣ придти днемъ для дѣлежа денегъ и, по уходѣ послѣдняго, занялся разборкой ограбленнаго. Днемъ.

онъ успѣшилъ отдать по личнымъ расчетамъ купцу Павлову—10.000 р., Костину—3.150 р., Красикову—3.030 р., Колешу—2.830 р. и Геллеру—450 р. При обыскѣ было найдено лишь нѣсколько вскрытыхъ пакетовъ, но денегъ не оказалось, и Алексѣевъ объяснилъ, что кромѣ розданныхъ имъ Павлову, Колешу и др., всего 19.460 руб., болѣе денегъ не было; во вскрытыхъ же пакетахъ заключались еще цѣнные документы на 106.000 руб. и ветхіе кредитные билеты (заштемпелеванные) на 13.850 р. Какъ тѣ, такъ и другія цѣнности не представляли для него никакого значенія и были сожжены въ печкѣ.

Приговоръ полевого суда былъ утвержденъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири барономъ Корфомъ 21 мая 1887 г., по коему купецъ Алексѣевъ 45 лѣтъ и мѣщанинъ Пенто 36 л. были приговорены къ повѣшенію, а Маньковскій 19 л.—къ ссылкѣ въ каторжныя работы.

Сообщилъ **В. Мерцаловъ.**

Изъ старыхъ дѣлъ.

Объ ученикахъ хирургической науки, обвиняемыхъ въ отбитіи
отъ караула женокъ.

(Дѣла архива Св. Синода 1735 года № 277).

Дѣло это представляетъ собою страничку изъ быта студентовъ медиковъ въ 1735 году. Обучались они тогда при госпиталяхъ и назывались учениками хирургической науки. Получая самое ничтожное содержаніе, они оставались при госпиталяхъ до полученія званія лекаря по 10, 15 и болѣе лѣтъ. За проступки по усмотрѣнію госпитальнаго начальства наказывались арестомъ, закованіемъ въ кандалы и битьемъ плетью. Наука преподавалась очень слабо. При полученіи званія лекаря, въ виду недостатка въ нихъ, принималось во вниманіе не столько знаніе, сколько количество проведенныхъ въ ученіи лѣтъ.

Вечеръ 1 іюля 1735 г. въ г. Москвѣ былъ прекрасный. Передъ закатомъ солнца на берегу рѣки Яузы было много народа. Одни гуляли, другіе удили рыбу. Подъ ракидами и тополями и среди кустовъ лозняка виднѣлись парочки. Слышался веселый смѣхъ и визгъ, изрѣдка прерываемый вскриками сбитенщиковъ и продавцовъ баранокъ, орѣховъ и сладстей.

Пользуясь хорошей погодой, смотритель Московскаго госпиталя докторъ Анатолій Детельсъ тоже отправился на прогулку къ р. Яузѣ. Проходя среди гуляющихъ, онъ замѣтилъ, что въ сторонѣ на самомъ берегу рѣки сидитъ на травѣ, обнявшись съ какою-то женщиной, ученикъ хирургической науки Михайль Золотаревъ. Тогда Детельсъ сталъ внимательно вглядываться въ лица и узналъ еще нѣсколькихъ учениковъ въ обществѣ съ женщинами, повидимому легкаго поведенія. Строго слѣдившій за нравственностью учениковъ, возмущенный. Детельсъ быстрыми шагами направился къ госпиталю.

Черезъ часъ, когда уже наступала темнота, нѣсколько госпитальныхъ солдатъ вмѣстѣ съ будочниками оцѣпили небольшую рожицу и арестовали семь учениковъ хирургической науки, а именно: Михаила Золотарева, Дмитрія Буйнакова, Ивана Безсонова, Дмитрія Шабанова, Федора Второва, Константина Мѣдникова и Ивана Кортаева. Арестованы были также и бывшія съ ними женщины (женки).

Въ сопровожденіи толпы зѣвакъ, при хохотѣ и свистѣ мальчишекъ, арестованные двинулись въ Московскую полицейскую канцелярію.

Когда вышли на Нѣмецкую слободу и проходили мимо дворца (бывшаго Лефортова дома), Золотаревъ вырвался отъ конвоя, вбѣжалъ во дворъ и обратился за помощью къ находившимся въ караульной солдатамъ Преображенскаго полка.

— Братцы! закричалъ онъ. Ни въ чемъ неповинныхъ женокъ ведутъ въ полицію! Помогите, братцы, отбить ихъ.

Нѣсколько солдатъ тотчасъ выбѣжали на улицу. Произошла короткая схватка. Будочники и госпитальные солдаты обратились въ бѣгство, а ученики и женки очутились на свободѣ.

Въ то время госпитали находились въ непосредственномъ вѣдѣніи Коллегіи Экономіи, состоявшей въ вѣдомствѣ Св. Синода

3 іюля 1735 г. Детелсъ препроводилъ упомянутыхъ семь учениковъ въ Коллегію Экономіи съ просьбою въ госпиталь ихъ больше не возвращать, такъ какъ они къ ученію неспособны, безчинствуютъ, пьянствуютъ и могутъ лишь навлечь „поношеніе и бездѣльную славу на домъ Государевъ“.

На допросѣ въ Коллегіи Экономіи ученики виновными себя въ пьянствѣ, безчинствѣ и непотребствѣ не признали, при чемъ Золотаревъ объяснилъ, что при задержаніи его на берегу рѣки Яузы онъ лишь разговаривалъ съ женою нѣмца Шмидта объ отданномъ имъ ей въ стирку бѣльѣ.

Что же касается до заявленія Детелса о неспособности ихъ къ наукамъ, всѣ семеро объяснили, что при покойномъ докторѣ Бидло они занимались и учились теоріи и практикѣ. Детелсъ же никогда ихъ ничему не учить. Поэтому они дѣйствительно забываютъ то, что знали, и поневолѣ бездѣлничаютъ. Въ виду полного отсутствія знаній у Детелса, они просятъ или отослать ихъ для экзамена въ Петербургъ, или проэкзаменовать ихъ другими докторами помимо Детелса.

Донося о происшедшемъ Св. Синоду, Коллегія Экономіи высказывала мнѣніе, что всѣхъ учениковъ надлежитъ „свидѣтельствовать въ ихъ ученіи искуснѣйшими докторами“, ока-

завшихся способными оставить въ госпиталѣ доканчивать ученіе, а неспособныхъ отослать въ солдатскую службу. Къ этому Коллегія Экономіи добавляла, что она считаетъ необходимымъ предоставить Детелсу право, которое было предоставлено доктору Бидло,—наказывать учениковъ за проступки, не влекущіе изгнаніе изъ госпиталя, взятіемъ подъ карауль, закованіемъ въ желѣзо и битьемъ плетьюми.

По поводу этихъ событій 13 сентября 1735 года состоялось засѣданіе Св. Синода. Оберъ-Секретарь Дудинъ доложилъ, что архіепископъ Теофанъ нашель необходимымъ сначала посовѣщаться по этому дѣлу съ архіатеромъ, по просьбѣ послѣдняго послалъ ему копію донесенія Детелса и что теперъ необходимо выждать отвѣтъ. По выслушаніи же доклада по поступившей въ Св. Синодъ жалобѣ уволенныхъ изъ госпиталя учениковъ о томъ, что они въ настоящее время остались безъ всякихъ средствъ къ существованію, такъ какъ Детелсъ прекратилъ имъ выдачу жалованья, Св. Синодъ опредѣлилъ выдавать имъ впредь до окончанія дѣла половинное жалованье.

Изъ имѣющейсѣ въ дѣлѣ справки видно, что ученики получали крайне незначительное содержаніе, такъ, напримѣръ, старшій изъ нихъ, Буйнаковъ, получилъ жалованья съ 1720 по 1727 годъ 84 р. 38 к. и съ 1727 г. по 1735 годъ, 179 р. 82 к., а всего за 18 лѣтъ, 264 р. 20 к.

24 октября 1735 года Ея Императорскаго Величества архіатеръ, лейбъ-медикусъ и президентъ Медицинской канцеляріи и факультета Ягонъ Бернгардъ Фишеръ сообщилъ Св. Синоду, что ученикъ Буйнаковъ, какъ „весьма застарѣлый“, будетъ освидѣтельствованъ въ наукахъ вновь назначенными въ Московскій госпиталь учителями и затѣмъ, въ виду недостатка лекарей, получить назначеніе. О проступкахъ же учениковъ и непригодности ихъ къ лекарской службѣ имъ потребованы отъ доктора Детелса доказательства. Если окажется, что вмѣстѣ съ другими провинился и Буйнаковъ, то и онъ будетъ наказанъ. Въ заключеніе Фишеръ полагалъ, что дѣло о нанесеніи побоевъ госпитальнымъ солдатамъ, какъ большое разбойничество, слѣдуетъ рассмотретьъ отдѣльно. Констатируя фактъ существованія непорядковъ въ Московскомъ госпиталѣ, Фишеръ высказывалъ мнѣніе, что происходятъ они или отъ ненадлежащаго преподаванія науки или потому, что неспособные ученики содержатся при госпиталѣ по 15 лѣтъ и наказаніямъ подвергаются очень рѣдко.

Въ ноябрѣ 1735 г. Медицинская канцелярія, препровождая затребованныя отъ доктора Детенса объясненія, сообщила Св. Синоду, что, въ виду того, что въ Московскомъ госпиталѣ, дѣйствительно, никѣмъ никакой науки не преподается, ею сдѣлано распоряженіе о возвращеніи вновь въ госпиталь лекаря Матвѣя Кланка для преподаванія теоретическихъ наукъ, для обученія же операціямъ, анатоміи и хирургіи она считаетъ необходимымъ назначить доктора Траутгома Гербера съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ.

Св. Синодъ не торопился навести порядки въ Московскомъ госпиталѣ. Только 9 апрѣля 1736 года онъ сообщилъ Коллегіи Экономіи, что о назначеніи доктора Траутгома Гербера имъ предложено Сенату. Вмѣстѣ съ этимъ Св. Синодъ предписывалъ произвести строжайшее разслѣдованіе о продерзости учениковъ и затѣмъ тѣхъ изъ нихъ, которые не будутъ подлежать публичному наказанію, освидѣтельствовать въ искусствѣ наукъ.

Только тогда началось подробное разслѣдованіе дѣла и административный судъ надъ виновными.

Несмотря на заявленіе доктора Детелса, что ученикъ Буйнаковъ часто напивался и однажды „слабо болящаго толкалъ въ брюхо рукою, отчего больной всю ночь въ безпокойствѣ пребывалъ“, онъ былъ оправданъ. Остальные же 6 человекъ были признаны виновными въ блудодѣяніи и биты батогами.

Послѣ наказанія всѣ ученики были проэкзаменованы особою комиссіей подъ предсѣдательствомъ штабъ-физика Московской главной аптеки доктора Демьяна Синопія.

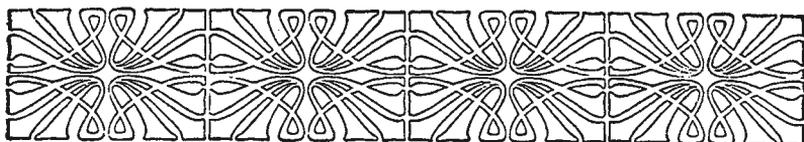
Всѣ семь учениковъ, обучавшіеся раньше въ славяно-греко-латинской академіи и затѣмъ поступившіе въ ученіе въ госпиталь въ 1720 году, въ познаніяхъ оказались очень слабыми, такъ какъ „въ практическихъ и хирургическихъ провлематахъ“ давали посредственные отвѣты и „въ теоретическихъ квестіонахъ весьма мало отвѣтствовали“.

По мнѣнію комиссіи, они могли находиться въ „подлекарскомъ состояніи“ только въ виду недостатка во врачахъ.

Въ результатѣ всѣ ученики были отосланы въ Медицинскую канцелярію для опредѣленія къ мѣстамъ, кромѣ Мѣдникова, который, какъ проявившій самую слабую познанія въ наукахъ, былъ возвращенъ въ госпиталь для дальнѣйшаго обученія.

Сколько еще лѣтъ онъ продолжалъ свое дальнѣйшее обученіе, осталось неизвѣстнымъ.

Сообщилъ **М. Ф. Чулицкій.**

Къ воспоминаніямъ о Т. Г. Шевченкѣ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1908 года мнѣ по служебнымъ обстоятельствамъ пришлось быть въ г. Прилукахъ Полтавской губерніи. Здѣсь я случайно встрѣтился съ присяжнымъ повѣреннымъ Николаемъ Ивановичемъ Мокрицкимъ, бывшимъ мировымъ судьей въ г. Кагулѣ Бессарабской губерніи, гдѣ я съ нимъ и познакомился. Наша случайная встрѣча носила самый сердечный характеръ. За пріятной бесѣдой г. Мокрицкій показаль мнѣ собственноручное письмо пѣвца Украины Т. Г. Шевченка, датированное 24 февраля 1861 года, написанное поэтомъ на имя отца г. Мокрицкаго, Ивана Николаевича Мокрицкаго по случаю его именинъ. Это письмо, написанное довольно четкимъ почеркомъ на листѣ почтовой голубого цвѣта бумаги, начиналось такъ: „глубокоуважаемый Иванъ Николаевичъ, поздравляю васъ съ вожделеннымъ днемъ вашего святого ангела“. Дальнѣйшее содержаніе письма не сохранилось въ моей памяти. Принимая во вниманіе, что Т. Г. Шевченко скончался въ 5 часовъ утра 26 февраля 1861 года, можно думать, что это письмо было послѣднимъ въ жизни поэта. По словамъ г. Мокрицкаго, это письмо было показано Костомарову и Мордовцеву, которые единогласно допускали правдивость сего предположенія. Съ любезнаго разрѣшенія г. Мокрицкаго мною была снята копія этого письма и передана Л. С. Мацѣвичу¹⁾, дальнѣйшая судьба которой мнѣ не извѣстна. У г. Мокрицкаго я видѣлъ „Кобзарь“, поднесенный лично поэтомъ матери Ивана Николаевича, Маріи Львовнѣ Мокрицкой, урожденной Свичка, съ слѣдующей собственноручной на первой его страницѣ надписью поэта:

¹⁾ Левъ Степаковичъ Мацѣвичъ, преподаватель латинскаго языка Кишиневско¹⁾, а затѣмъ Одесской семинаріи, извѣстный на югѣ Россіи собиратель церковной, народно¹⁾ и литературной старины. Скончался въ отдѣленіи нервнубольныхъ Одесской городской больницы 24 ноября 1915 года.

„Маріи Львовнѣ Мокрицкой на память. Тарасъ Шевченко“. Крімъ сего г. Мокрицкій показавъ мнѣ печатное меню обѣда, составленое Мордовцевымъ, устроеннаго въ Петроградѣ въ память Т. Шевченка.

Остроумное названіе блюду обѣда, къ сожалѣнію, не сохранилось въ памяти, но помню, что оно заканчивалось слѣдующимъ обращеніемъ къ гостямъ: „рѣчей не говорить, а молчать, бо благоденствуемъ“.

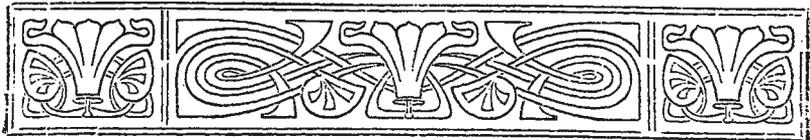
Объ Иванѣ Николаевичѣ и Маріи Львовнѣ Мокрицкихъ Т. Г. Шевченко упоминаетъ въ своихъ „Запискахъ або журналѣ“¹⁾ въ слѣдующихъ словахъ: 29 марта 1858 г.... „О годині 10-ій вранці-явив ся я Казанською сиротою до начальника канцеляріи обер-полицейместера²⁾, до землека, до мого Ів. Мик. Мокрицкаго. Він привітав мене“... (189 стр.). 6 апрѣля 1858 г. „От за сієї зручної нагоди познаемив ся з жінкою начальника обер-поліцейместерської канцелярі — Ів. Мик. Мокрицкаго. Вона з роду Сьвічок, дійсне моя землячка. Ми з нею зустріли ся-наче давні знаемі. Попрошавшись з любою землячкою“. (192 стр.). 22 апрѣля 1858 г. „знов так само-безжадної мети вештав ся до обѣду по місту, та вже не самъ, а з Семеномъ³⁾. У вечері пішли з ними до землячки М. Л. Мокрицкой, та до 2-ої години втішали ся переливками з пугстого в порожне“.... (197 стр.).

Сообщилъ Т. Чернятынскій.

¹⁾ Кобзарь Тараса Шевченка, частина трета, видане товариства імені Шевченка у Львові, 1895, під зарядомъ К. Бернарского.

²⁾ Петроградъ.

³⁾ Задушевный другъ поэта Артемьевскій.

Пугачевская жалованная грамота на чинъ полковника.

(Къ исторіи пугачевского бунта).

Въ музеѣ Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи хранится грамота самозванца Пугачева, данная имъ Дуванскому старшинѣ Медету Миндіарову при пожалованіи его чиномъ полковника. Грамота эта написана на полулистѣ бѣлой бумаги, достаточно уже теперь пожелтѣвшей. Вверху грамоты—въ лѣвомъ ея углу—приложена красная сургучная печать величиною почти ровно въ екатерининскій серебряный рубль. Въ центрѣ печати помѣщенъ бюстъ какой-то безбородой фигуры, похожей болѣе на женщину, чѣмъ на мужчину, и менѣе всего на самого Пугачева. Бюстъ окруженъ надписью: „В. Г. П. П. Т. ІМП. І. САМОДЕРЖ. ВСЕРОС. 1774“. Въ общемъ вся печать представляетъ собою какъ бы копію екатерининскаго рубля. Разница между ними замѣчается главнымъ образомъ въ томъ, что на печати вмѣсто слова „Екатерина“ помѣщены слѣдующія буквы: „В. Г. П. П. Т.“ Буквы эти, кажется, можно прочесть такъ: „Въ городѣ Петербургѣ Петръ III“. Соответственно такой надписи измѣненъ нѣсколько и костюмъ императрицы Екатерины II, которая на печати оказалась въ какой-то кольчугѣ вмѣсто платья и шапочкѣ вмѣсто пышной прически ¹⁾. Въ задачу рѣзчика печати входило, очевидно, и то, чтобы затушевать, насколько возможно, сходство портрета съ императрицей Екатериной II и приблизить его къ портрету Петра III.

Грамота, къ которой приложена только-что описанная нами печать, имѣетъ точную дату: „іюня 5 дня 1774 года“. Эта дата

¹⁾ Въ снимкѣ пугачевской печати, помѣщенномъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1905 года (май, стр. 623), прическа императрицы Екатерины II оставлена безъ всякихъ измѣненій. Изъ этого можно заключить, что у Пугачева имѣлась не одна печать для его манифестовъ и грамотъ. — Н. М.

свидѣтельствуеть о томъ, что грамота дана Пугачевымъ тогда, когда онъ, спасаясь отъ преслѣдованія Михельсона, очень сильно нуждался въ помощи башкиръ и особенно старался привлечь ихъ на свою сторону. Къ этому именно острому моменту относится пожалованіе Пугачевымъ одного старшины генераломъ, другого бригадиромъ и 10 человекъ полковниками ¹⁾. Однимъ изъ такихъ новопожалованныхъ полковниковъ и былъ, очевидно, Дуванскій башкирскій старшина Медеть Миндіаровъ, хотя исторія и ничего не говоритъ объ его участіи въ пугачевскомъ бунтѣ. Село Дуванъ находится нынѣ въ Уфимской губерніи и уѣздѣ.

Судя по той же датѣ грамоты, нужно думать, что она составлена и написана послѣднимъ секретаремъ Пугачева, бѣглымъ мценскимъ купцомъ Иваномъ Трифоновымъ, который былъ выбранъ Пугачевымъ въ секретари именно во время бѣгства на рѣку Міась, гдѣ самозванецъ соединился съ толпою башкиръ, бродившихъ между Челябиною и Чебаркулемъ ²⁾. Служа въ войскѣ Пугачева, Иванъ Трифоновъ принялъ на себя имя Алексѣя Дубровскаго ³⁾. Этому, то Дубровскому и принадлежитъ подпись „Петръ“, сдѣланная на грамотѣ. „Какому государю мы служимъ? Я подлинно васъ увѣряю, говорилъ одинъ изъ сообщниковъ Пугачева —Твороговъ, что когда, по приказанію его, былъ написанъ къ казакамъ именной указъ, то онъ его не подписалъ, а велѣлъ подписать его именемъ секретарю Дубровскому ⁴⁾“. „Пошли ты ко мнѣ Алексѣя (Дубровскаго), приказывалъ обычно неграмотный Пугачевъ Творогову, пускай онъ теперъ за меня подписываетъ ⁵⁾“. Дубровскій такъ всегда и дѣлалъ... Прямымъ подтвержденіемъ этого можетъ служить, между прочимъ, и та жалованная грамота, которую выдалъ Пугачевъ Дуванскому старшинѣ Медету Миндіарову. Она не только написана, но и подписана одною и тою же рукою и одинаковыми черпилами. Для ознакомленія съ ея содержаніемъ мы приведемъ ее здѣсь полностью. Вотъ точная копія этой грамоты со всѣми характерными особенностями ея правописанія и пунктуаціи.

¹⁾ Н. Дубровинъ: „Пугачевъ и его сообщники“, СПб. 1884 года, т. III, стр. 52.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 260.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 216.

„БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ МЫ ПЕТРЪ ТРЕТИИ ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИИСКИИ

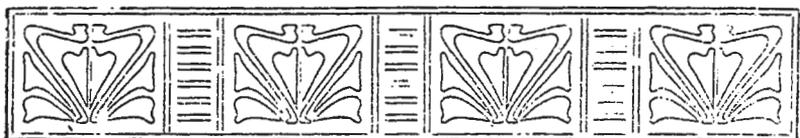
и прочая и прочая и прочая.

Известно и ведомо да будетъ каждому что Дуванской волости Медеть Миндиаровъ старшиною а тысяща семь сотъ семьдесятъ четвертаго года июня пятаго дня за оказанную ево въ службе ревность и прилежность ¹⁾ Полковникомъ пожалованъ Того ради МЫ симъ жалуемъ и учреждаемъ всемъ нашимъ верноподданнымъ онаго Миндиарова нашимъ Полковникомъ надлежащимъ образомъ признавать и почитать напротивъ чего и МЫ надеѣмся что онъ въ томъ ему ВСЕМИЛОСТИВѢИШЕ пожалованномъ чине какъ то верному и доброму рабу надлежитъ Во свидѣтельство того МЫ собственною рукою подписалъ и г'дрственною НАШЕЮ печатью скрепить соизволили Данъ июня 5 дня 1774 года.

ПЕТРЪ“.

Сообщилъ священникъ Н. Н. Модестовъ.

¹⁾ „Въ началѣ іюня (1774 года) они (башкирцы), пишетъ Н. Дубровинъ, разорили въ Уфимскомъ уѣздѣ заводы: Воскресенскій и Верхотурскій, Богоявленскій (въ 10 верстахъ отъ Табынска), Архангельскій (въ 50 верстахъ отъ Табынска), Катавскій и другіе“. (Н. Дубровинъ: „Пугачевъ и его сообщники“, СПб. 1834 года, т. III, стр. 53). При этомъ-то разореніи и проявилъ, вѣроятно, особенную „ревность и прилежность“ сообщникъ Пугачева—Дуванскій старшина Медеть Миндиаровъ. За таксе предположеніе говоритъ дата пугачевской грамоты: 5 іюня 1774 года.—Н. М.

Мои встрѣчи съ германскими войсками внутри Россіи наканунъ войны 1914 — 1916 г.г.

До отхода нашего поѣзда изъ Воейкова, въ г. Пензу, — оставалось около четырехъ часовъ свободнаго времени.

Публики въ залахъ 2 и 3 класса — сначала было очень мало.

Съ трудомъ, около буфета третьяго класса я добился кипятку — изъ парового котла. Буфетъ былъ запертъ. Самоваровъ еще не ставили. Умывшись, напившись чаю и закусивши своими дорожными запасами, я сталъ бродить вокругъ вокзала. — Осматривалъ село Воейково и сосѣдную рощицу — у вокзала. Изъ этой рощицы съ сѣверной стороны вокзала — со стороны городовъ Керенска, Верхняго и Нижняго Ломова — сѣзжались пассажиры, страннымъ видомъ привлекшіе мое вниманіе.

Нѣкоторые шли пѣшкомъ. Другіе ѣхали въ помѣщичьихъ коляскахъ, запряженныхъ четвѣркою, или тройкою лошадей. Вглядываясь въ лица этихъ, болѣе богатыхъ пассажировъ, я замѣтилъ, что — это нерусскаго типа, съ интеллигентными чертами лица, повидимому, знатные иностранцы, съ огромною свитою.

Повидимому, умышленно, пассажиры иностраннаго вида подъѣзжали къ станціи, не сразу, а группами, по три, по пяти повозокъ въ каждой. Прислуга, сидѣвшая на кучерскихъ козлахъ — была русская. Когда я, потомъ, бродилъ по платформѣ вокзала, то увидѣлъ, что вещи этихъ пріѣзжихъ вносили многіе пассажиры, давно ожидавшіе этого же поѣзда въ комнатѣ для пассажировъ третьяго класса.

Видно было ихъ общее знакомство — всей сотни, одновременно ѣдущихъ пассажировъ. Многіе были выбриты, какъ актеры.

— Не труппа ли артистовъ ѣдетъ въ Пензу? спросилъ я служащаго въ буфетѣ.

— Это люди изъ имѣнія нѣмецкаго князя! — ѣдутъ въ Пензу — отвѣчали мнѣ на разспросы.

— Зачѣмъ? столько сразу?

— Тамъ, въ Пензѣ, долго стоитъ нѣмецкій, берлинскій, секретный поѣздъ съ нѣмецкими войсками! Встрѣчать ѣдутъ!

— Съ войсками? нѣмецкими—внутри Россіи!?

— Изъ нѣмецкой крѣпости, изъ Китая ежегодно возятъ по двадцати тысячъ смѣнвившихся солдатъ, офицеровъ, оружія!

— Ожидавшій того же поѣзда, пензенскій, пожилой помѣщикъ мнѣ объяснилъ остальное.

Съ 1898 г., изъ Берлина въ Циндао,—столицу германской колоніи Кіао-Чао на Тихомъ океанѣ, ежегодно ходятъ германскіе воинскіе, секретные поѣзда. Туда изъ Берлина везутъ, будто-бы смѣну солдатъ, ружей, пушекъ, а оттуда провозятъ, смѣняющіеся роты и полки—въ Германію, со всѣхъ колоній Тихаго океана.

— Неужели не боятся внезапнаго нападенія этихъ двадцати тысячъ нѣмцевъ? Безконтрольнаго провоза динамита, прокламацій, боевыхъ, революціонныхъ дружинъ? въ Россію!?

— Должно быть, не боятся! Въ Петербургѣ у нихъ много тайныхъ союзниковъ!—Оглядѣвшись кругомъ, я замѣтилъ, что съ нескрываемымъ интересомъ, насъ подслушиваетъ группа молодыхъ евреевъ, сидѣвшая на другомъ концѣ общаго обѣденнаго стола. Мы замолкли. Евреи переглянулись, принялись за свой чай.

Первоклассные пассажиры, похожіе на иностранцевъ, усѣлись особою группою, за угловымъ маленькимъ столомъ. Молча осматривали всѣхъ бывшихъ въ вокзалѣ. Изрѣдка перекидывались едва слышными фразами, повидимому на нѣмецкомъ языкѣ.

Одинъ изъ нихъ, средняго роста, широкоплечій, грудастый брюнетъ привлекъ мое вниманіе красивымъ лицомъ, военною выправкою, повелительнымъ выраженіемъ лица. Поверхъ сюртука иностранной, изящной работы, было темно-синее пальто. На ногахъ желтоватые ботфорты-гетры. Сѣроватые глаза глядѣли смѣло, гордо, съ сознаниемъ своего превосходства надъ всѣми окружающими.

Свѣжія румяныя губы, свѣжій румянецъ на щекахъ, выхоленное тѣло, чистые ногти,—словомъ вся внѣшность свидѣтельствовала о хорошей породѣ и жизненной обстановкѣ этого господина.

Почти съ горькой улыбкой онъ отвѣчалъ на шутки и улыбки маленькаго, худенькаго иностранца лѣтъ тридцати, съ рубцомъ на лѣвой щекѣ.

Этотъ блондинъ, повидимому, занималъ въ кружкѣ болѣе высокое положеніе.

Ему спутники подавали стулья, предлагали сигару. Зажигали спички для раскуриванія сигары.

Этотъ остроносый, съ лукавою, лисьею мордочкой, блондинъ казался честнѣе, добродушнѣе всѣхъ его спутниковъ.

Изрѣдка бросалъ на меня и двухъ моихъ подчиненныхъ—чиновниковъ, ласковые взоры—человѣка желавшаго поболтать и со мною.

Черты его миловиднаго, женственнаго лица мнѣ напоминали одну германскую принцессу, портретъ которой, по случаю ея свадьбы, былъ и на страницахъ моихъ дорожныхъ газетъ и еженедѣльныхъ журналовъ.

Именно это сходство привлекало мои взоры къ этому иностранцу.

Когда я подходилъ къ другимъ группамъ пассажировъ, только-что прибывшихъ на вокзалъ, я снова замѣтилъ нѣчто общее у этой сотни русскихъ, нѣмцевъ и евреевъ.

Среди русскихъ услышалъ часто повторяемое слово „Мелекесь“; такъ называется, центръ мѣстной хлѣбной торговли и рынковъ съ элеваторами, близъ р. р. Волги, Утки и города Симбирска.

Поэтому я подумалъ, что это ѣдутъ „хлѣбныя мартышки“.

Такъ зовутъ бѣдняковъ, продававшихся жидамъ и нѣмцамъ, для скупки хлѣба, и для всякихъ сводническихъ и темныхъ дѣлъ. Очевидно, нѣмцы заготовляли хлѣбъ для 1914—1915 г. г.

Лицо одной изъ этихъ „мартышекъ“, съ волосами желторыжаго цвѣта, съ мертвеннымъ, сифилитическимъ цвѣтомъ кожи—напоминало мнѣ видѣннаго въ судѣ, извѣстнаго каторжника и убійцу.

И онъ, взглянувъ на меня, вѣроятно вспомнилъ про эту же встрѣчу, злобно взглянулъ на меня. Потомъ избѣгалъ моего пристальнаго взора. Быстро ушелъ куда-то.

Въ числѣ его слушателей: евреевъ и русскихъ—тоже сидѣли нѣсколько человѣкъ, имѣвшихъ такой же отпечатокъ тюрьмы, преступленій и злодѣйскихъ замысловъ. Позднѣе читая про звѣрства нѣмцевъ, я думалъ: эти и такіе, питающіеся въ Россіи, нѣмцы,—въ войну 1914—1915 г., плѣннымъ русскимъ выкалывали глаза, вырѣзывали языки,—чтобы опять жить въ Россіи—имѣть поменьше русскихъ свидѣтелей и уличающихъ доказательствъ нѣмецкой жестокости и безчестности.

— Не знаете ли, что это за партія—вотъ тамъ, только что приѣхавшая, изъ лѣсу, на вокзалъ?—сказаль я буфетчику.

— Это зъ Веденяпи, — Нижнеломовскаго уѣзда, рабочіе и господа изъ нѣмецкаго имѣнія...

Тогда я вспомнилъ, что при проѣздѣ черезъ эту Веденяпъ—изъ Нижняго-Ломова мнѣ не дали лошадей, для смѣны и перепряжки моихъ, изнуренныхъ крестьянскихъ клячъ.

Вспомнилъ краснаго цвѣта, квадратную, нелѣпаго стиля, высокую башню, въ другомъ селѣ, на пути изъ г. Керенска.

— Что это за башня? Зачѣмъ она въ селѣ? спрашиваль я у жителей.

— Нѣмецъ-баронъ, — строилъ для макаронной фабрики. Разорился, такъ живетъ безъ дѣла въ этой башнѣ.

Теперь, въ 1915 г., я думаль, что это была одна изъ тѣхъ секретныхъ радіотелеграфныхъ станцій, одну изъ которыхъ въ газетахъ описывали близъ Кіева. Въ фабричныхъ трубахъ шпіоны устраивали радіотелеграфы и сигнализацию

Учредитель и той станціи благополучно оправдался научными цѣлями,—какъ всѣ, прибалтійскіе, строители фундаментовъ подъ осадныя германскія пушки, и для спуска германскихъ летчиковъ.

Въ 1915 г. во многихъ газетахъ я прочель, что для покупки у фельдмаршала Гинденбурга, и его жены—Нижнеломовскаго села Веденяпи (около 1.300 десятинъ земли)—тайный совѣтникъ П. получилъ 130 тыс. руб. даровой ссуды. Внесъ въ казну 30 тыс. за переходъ имѣнія въ его руки. Въ январѣ 1915 г. у пензенскаго нотаріуса—фамилія Гинденбургъ была замѣнена другою, менѣе извѣстною, его же фамиліей—графа Цу-Мюнстеръ и его жены, урожденной Бенкендорфъ. Въ Алтаѣ—и на Уралѣ—нѣмцы владѣли такими же шпіонскими очагами.

Такіе факты давали прочный фундаментъ и для моихъ дальнѣйшихъ подозрѣній и выводовъ.

Когда пришелъ поѣздъ изъ Москвы я поспѣшилъ, съ вещами, въ купе перваго класса.

Но тамъ было тѣсно! Сидѣли иностранцы—бывшіе со мною на вокзалѣ. Я перешель въ сосѣдній вагонъ, второго класса.

Увидѣлъ свободное мѣсто около казачьяго полковника и помѣстился около него. Этотъ вагонъ, второго класса, оказался наполовину пустымъ.

Когда я былъ въ Пензѣ, по дѣламъ службы, знакомые офицеры сказали мнѣ:—мы въ 10 час. вечера на вокзалѣ,

будемъ съ музыкой, ужиномъ и шампанскимъ встрѣчать германскій гарнизонъ, ѣдущій изъ крѣпости Циндау, Kia-Чао и другихъ тихоокеанскихъ гарнизоновъ.

— А на чей счетъ ужинъ? Шампанское?

— На счетъ хозяйственныхъ суммъ полковъ! Форма одежды съ орденами! праздничная!

Въ назначенный для встрѣчи день и часъ, на вокзалѣ собралось около 70 офицеровъ, чиновниковъ и множество простонародья.

Музыка готовилась заиграть германскій государственный гимнъ.

Безшумно, съ потушенными въ вагонахъ огнями, подошелъ поѣздъ изъ Циндао, съ германскими войсками.

Русскому офицеру, посланному сказать, что мы просимъ нѣмцевъ въ вокзалъ, — для угощенія, — какой-то германскій нижній чинъ смущенно объявилъ:

— Благодарятъ! Не могутъ воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ, — потому что уставъ запрещаетъ выходить изъ вагоновъ послѣ 9 часовъ вечера!

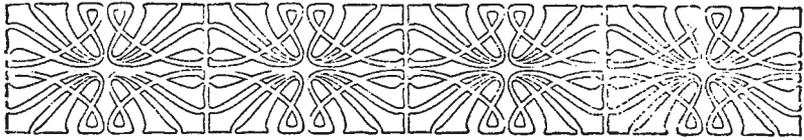
Мы, русскіе, отлично знали, что германскіе офицеры и унтеръ-офицеры въ своихъ клубахъ веселятся, всю ночь, до утра.

Поняли, что этотъ предлогъ для отказа маскируетъ нѣчто враждебное намъ или что-либо мошенническое, преступное.

Всѣ мы, ожидавшіе встрѣчи, поужинавши, одни безъ германцевъ—толковали о недалъновидности тѣхъ лицъ, которыя пригласили насъ на встрѣчу, и тѣхъ кто допускалъ переноску таинственныхъ германскихъ грузовъ изъ германскихъ вагоновъ, неосмотрѣнныхъ таможенными чинами, — допускалъ и проѣздъ, въ этихъ вагонахъ, неизвѣстно какихъ людей—подъ видомъ войска, австро-германскаго союза, черезъ Россію, — союзницу антигерманской Франціи!

— „Высшія соображенія такъ, того, требуютъ!“ Объясняли намъ, съ таинственнымъ видомъ, мѣстные любители газетной политики.

Сообщилъ **Ф. Суринъ.**

Въ чужой странѣ.

Авторъ этой статьи Л. Н. Бѣльковичъ былъ командированъ, годъ-и-два осенью, въ годъ японско-китайской войны въ Гиринъ. Начало описанія этой командировки сыло напечатано: въ октябрь, ноябрь и декабрь Р. С. 1914 г.

Изложеніе описанія этой книги начинается изложеніемъ взаимнаго обученія языкамъ китайцевъ и казаксъ.

Р. д.

Китайскій солдатикъ, смотришь, уже сидитъ рядо́мъ съ казакомъ и, продолжая держать его одной рукой за шею, тычетъ пальцемъ въ казачій носъ и спрашиваетъ: „кака?“ стараясь очевидно узнать, какъ называется по-русски та часть тѣла, на которой теперь сосредоточено его вниманіе и въ которую уперся его указательный палець.

Казакъ сразу понимаетъ въ чемъ дѣло и, улыбаясь, говоритъ: — „носъ“. Кака? — снова спрашиваетъ китаецъ, внимательно прислушиваясь. Носъ, — произноситъ казакъ, стараясь выговорить это слово съ особенной ясностью и понятливостью. Но-о-съ, но-о-съ, повторяетъ онъ, раздѣляя каждый звукъ. Э-ге-ге, тунда, тунда (понимаю) шанго, шанго, — но-о-за, повторяетъ китаецъ. — Да не ноза, зачѣмъ твоя говори ноза — твоя скажи: — носъ, но-съ, но-съ; тунда твоя? — старается вразумить казакъ своего собесѣдника, вѣроятно, для большей вразумительности коверкая и русскую разговорную рѣчь.

— Тунда, тунда: — но-за, стоитъ на своемъ китаецъ, который положительно не можетъ справиться съ русскимъ произношеніемъ.

— Эхъ чудака, — парень, — тебѣ русскимъ языкомъ говорить — носъ, а ты свое задолбилъ. Зачѣмъ твоя скажи ноза? — твоя: носъ, говори.

Шанго, шанго: — но-за, ноза.

Казакъ безнадежно уже смотритъ на своего собесѣдника и видимо жалѣеть его за то, что онъ не можетъ даже выговорить такого простого слова, какъ носъ.

— Ну ладно, говоритъ онъ:—русски носъ—китайски кака? и его указательный палецъ упирается теперь уже въ китайскій носъ.

Но китаецъ почему-то не хочетъ понять, что у него спрашиваютъ, и теперь уже смотритъ на казака и растерянно бормочетъ:—ноза, ноза.

— Да ты мнѣ скажи по-вашему: русски—носъ зови; твоя скажи кака китайски зови?

Снова непониманіе и тотъ же растерянный лепетъ.

Тогда казакъ, продолжая тыкать въ носъ, уже спрашиваетъ коротко: „какъ фамилія“?

Китаецъ сразу послѣ этого начинаетъ почему-то понимать и съ готовностью отвѣчаетъ, названіе носа на китайскомъ языкѣ.

— Пиза, пиза,—говоритъ онъ, весело улыбаясь.

— Ну и народъ! Чисто бѣда съ ними,—умозаключаетъ казакъ. А китайскій палецъ уже тычетъ ему въ ротъ, и слышится снова все то же самое „кака“.

Снова происходитъ борьба, въ которой обѣ стороны изо всѣхъ силъ стараются и все-таки у китайца вмѣсто слова ротъ выходитъ „рота“.

— Ну ладно рота, такъ рота, а теперь твоя скажи кака?

Снова непониманіе.

Слышится неоднократное переименованіе въ построеніи фразы отъ желающаго узнать названіе рта по-китайски. И въ концѣ концовъ снова вопросъ: „какъ фамилія“ и тогда тол. ко китаецъ, какъ бы спохватившись, говоритъ названіе рта на своемъ языкѣ.

Для меня сначала казалось непонятнымъ, почему китайцы не могли справиться съ произношеніемъ такихъ короткихъ словъ, какъ ротъ, носъ и т. п.; но потомъ оказалось, что въ китайскомъ языкѣ совершенно почти отсутствуютъ твердые окончанія и эти твердые и обрывистые звуки какъ бы совершенно для нихъ чужды, потому быть можетъ и не улавливаются ихъ слуховыми органами. Китаецъ, на примѣръ, низачто не произнесетъ правильно нашихъ фамилій въ родѣ такихъ, какъ Ивановъ, Петровъ, Сидоровъ, а онъ скажетъ Ифановы, Петилѣфы, Сидалѣфы и т. п.

Но вотъ что я не могъ понять—это того, что казаки, при обученіи у китайцевъ ихъ языку, непременно употребляли слово „фамилія“ и какъ это ни странно, но китаецъ, обыкновенно не понимавшій того, объ чемъ его спрашиваютъ, какъ-то сразу начиналъ понимать, слышавъ это магическое слово. А казаки всегда и ко всему его примѣняли: укажетъ на дрова и спроситъ:—какъ фамилія, на дорогу—фамилія, на лапшу—фамилія, на навозъ — также фамилія. Въ концѣ концовъ и китайцамъ это слово пришлось по вкусу, и они, указывая на самые разнообразныя предметы, всегда спрашивали: „кака фамилія“, воображая, конечно, что совершенно правильно справляются съ русскимъ оборотомъ рѣчи и съ русскимъ произношеніемъ. Помню, однажды китайскій солдатъ указалъ казаку на небо и спросилъ: „кака фамилія“. Небо, отвѣчалъ казакъ, съ полнымъ сознаниемъ правоты вопрошающаго.

Этотъ жизнерадостный китайскій солдатикъ очень быстро научился считать по-русски и хотя произношеніе его при этомъ было ужасное и слова имъ выговариваемыя очень мало напоминали собою русскій счетъ,—но, тѣмъ не менѣе, онъ умѣлъ скоро считать до десяти и въ дорогѣ безпрестанно старался усовершенствоваться въ произношеніи, то и дѣло повторяя: Одини, дыва, тили, четилимо (зачѣмъ на концѣ это „мо“ не знаю), пити, шисити, сими, осими, ивити; десять же онъ, при всемъ своемъ напряженномъ стараніи, не могъ уже выговорить и вмѣсто этого у него получился какой-то неопредѣленный, ни на что не похожій звукъ.

И такъ въ этой фанзѣ произошло сближеніе русской и китайской національностей.

Началось дѣло съ того, что „русская національность“ рѣшила послать китайской полѣ - бутылки спирту, въ которой было налито столько же почти воды. Получилась, такимъ образомъ, довольно крѣпкая водка. „Китайская національность“, выпивъ все содержимое въ бутылкѣ, отблагодарила насъ небольшимъ глинянымъ кувшинчикомъ сули и эта послѣдняя въ свою очередь была уничтожена нами.

Изъ всего этого въ концѣ концовъ получилось очень благодушное настроеніе обѣихъ сторонъ, и это-то настроеніе и привело къ концѣ концовъ къ сближенію. Суровый унтеръ, хвативъ нашей водки, какъ-то не много размякъ и сталъ благодушнѣе.

Казаки запѣли хорovou пѣсню. Китайцы слушали и одобряли, но на просьбу спѣть также что-нибудь хоромъ—отка-

зались, говоря, что у нихъ поютъ только въ одиночку. Въ замѣнъ же пѣнія, унтеръ рѣшилъ показать намъ нѣкоторыя воинскія упражненія, которымъ обучаютъ китайскихъ солдатъ. Я убѣжденъ, что онъ выразилъ это желаніе исключительно въ силу своей національной гордости;—ему просто хотѣлось сказать намъ—смотрите-ка, молъ, вы заморскіе люди, какъ и чему насъ учать! Вамъ вѣдь это и во снѣ никогда не снилось. Конечно, всѣмъ намъ было очень любопытно посмотрѣть на китайскія воинскія упражненія, а потому всѣ мы съ охотой согласились на предложеніе унтера, который прежде, чѣмъ начать показывать свое искусство, снялъ съ себя свою „ливрею“ и находящуюся подъ нею одежду и остался почти въ одномъ нижнемъ бѣльѣ.

Въ такомъ довольно оригинальномъ и упрощенномъ костюмѣ онъ началъ выдѣлывать передъ нами замысловатые военные фортели.

По-моему, все то, что онъ продѣлывалъ, очень смахивало на какую-то пантомиму, смыслъ которой какъ будто бы заключался въ слѣдующемъ: китайскій воинъ, котораго въ данномъ случаѣ изображалъ собою тотъ, оставшійся въ одномъ бѣльѣ, человѣкъ, находится на полѣ сраженія; товарищи его, очевидное дѣло, пали въ честномъ бою, и остался только онъ одинъ—этотъ храбрый и отважный воинъ, котораго со всѣхъ сторонъ окружили враги и напирая хотятъ положить его тутъ же на полѣ—рядомъ съ лежащими уже товарищами.

Конечно, ни товарищей, ни враговъ въ данномъ случаѣ не было, и всѣ эти лица должны были существовать только лишь въ воображеніи каждаго зрителя.

Въ наличности остался только онъ—храбрый и отважный воинъ, у котораго насѣдающіе на него враги, надо полагать, успѣли отнять не только его оружіе, но даже и всю почти одежду, такъ что воинъ принужденъ сражаться съ ними чуть ли не въ томъ „въ чемъ его мать родила“. У храбреца, впрочемъ, осталось еще послѣднее оружіе, которое они не въ правѣ отнять у него безъ того, чтобы не отнять вмѣстѣ съ нимъ и его жизни. Это его кулаки и та сила и ловкость, которую онъ пускалъ въ послѣдній оборотъ и которую онъ приобрѣлъ путемъ долгихъ упражненій. И вотъ примѣненіе-то этихъ данныхъ на практикѣ и было намъ показано въ этой пантомимѣ.

Прежде всего онъ засучилъ по локоть рукава своей рубахи и сдѣлалъ очень высокій и граціозный прыжокъ, выбросивъ обѣ ноги впередъ и громко пришлепнувъ себя обѣими руками

по тому мѣсту, которое находится пониже спины. Надо полагать, что этотъ громкій шлепокъ долженъ былъ служить для подбадриванія воинскаго духа и отваги. Ставъ послѣ этого на ноги, воинъ началъ кидаться и метаться въ разныя стороны; дѣлалъ очень граціозные выпады—по всѣмъ прагиламъ фехтовальнаго искусства; показывалъ, что хватаетъ невидимаго врага, притягиваетъ его одной рукой, а другой отсыпаетъ ему опредѣленное число крѣпкихъ тумаконъ, ведя счетъ отпущенныхъ имъ ударовъ и направляя таковые черезъ разъ, то сверху—то снизу (предполагается, очевидно, что притянутый врагъ находится въ особенномъ положеніи, терпѣливо подставляя свою спину подъ кулаки, и чтобы этому самому терпѣнію не насталъ конецъ, то китайскій уставъ, предусматривая эту возможность, предписываетъ бить и въ спину и „въ морду“ черезъ разъ, чтобы не было слишкомъ однообразно). Глядя на все это, я невольно вспоминалъ про Расплюева и подумалъ, что и его навѣрно такъ же били. Покончивъ съ однимъ врагомъ и отпустивъ ему опредѣленное количество ударовъ (счетъ про себя), воинъ бросился на другого, такъ же притягивалъ его къ себѣ и такъ же начиналъ отсчитывать число тумаконъ, положенныхъ ему по уставу. Въ промежутокъ между этими „избіеніями“ воинъ каждый разъ подпрыгивалъ также высоко и граціозно, какъ онъ это сдѣлалъ въ первый разъ—такъ же выбрасывалъ ноги впередъ и такъ же громко шлепалъ себя все по тѣмъ же мѣстамъ, поддерживая въ себѣ такимъ образомъ храбрость, воинскій пылъ и отвагу. Надо правду сказать, что въ этой отрасли воинскаго образованія онъ былъ положительный артистъ. Невольно какъ-то приходило на мысль, что не дурно бы было научить всему этому нашихъ городовыхъ, дворниковъ и прочихъ блюстителей порядка, а то они дѣйствуютъ уже очень неуклюже во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда „честью призываютъ“ какого-нибудь обывателя къ порядку. Стоитъ только подумать: сколько оживленія внесла бы собою подобная „пляска“ въ нашу монотонную уличную жизнь, да и для обывателя это было бы и чувствительнѣе, и внушительнѣе. Строго разсуждая и всесторонне обдумывая этотъ „глубокій“ вопросъ, невольно приходишь къ тому заключенію, что подобная программа обученія только и была бы полезна именно городовымъ, дворникамъ, ну, пожалуй еще урядникамъ, но для воина внѣ всякаго сомнѣнія она вздорна и на дѣлѣ не примѣнима, было какъ-то даже жалко смотрѣть на все это ни къ чему не ведущее

кривлянье, на обученіе которому потрачено вѣроятно не мало времени. А впрочемъ едва-ли въ данномъ случаѣ слѣдуетъ уже черезчуръ сожалѣть объ этомъ потраченномъ времени, большая часть котораго въ жизни cadaго изъ насъ тратится совершенно непроизводительно; и, почему знать, быть можетъ, эти самыя записки служатъ самымъ разительнымъ доказательствомъ, что авторъ ихъ и самъ виноватъ въ томъ, что потратилъ такъ непроизводительно имѣющееся въ его распоряженіи время.

Бой съ невидимыми врагами продолжался не болѣе 10 минутъ, но и этого времени было достаточно для того, чтобы боецъ совершенно обезсилѣлъ. Онъ тяжело вздохнулъ и, въ изнеможеніи опустившись на нары, сталъ обтирать потъ, обильно смочившій его худое лицо. Мы всѣ его похвалили за его ловкость, и вмѣстѣ съ симъ мнѣ стало какъ-то особенно жаль этого человѣка. Жаль за то, что онъ вѣрилъ въ цѣлесообразность своей „науки“,—которая въ основаніи своемъ конечно ложна и не имѣетъ на практикѣ никакого примѣненія. Онъ вѣрилъ, хотя очевидно заблуждался, и по тому-то онъ и былъ жалокъ и въ этомъ отношеніи онъ ничѣмъ не отличался отъ всѣхъ насъ, живущихъ среди своихъ заблужденій. А человечество, какъ извѣстно, только и живетъ благодаря тому, что оно вѣчно заблуждается, и въ этомъ отношеніи оно достойно сожалѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ же его величіе, потому что, только заблуждаясь, оно можетъ стремиться къ истинѣ.

Такъ, въ этихъ взаимныхъ общеніяхъ, мы провели весь вечеръ и, передневавъ весь слѣдующій день, мы тронулись дальше, рѣшивъ двигаться безъ дневокъ до Нингуты, до которой оставалось еще болѣе ста верстъ. Дорога на всемъ этомъ протяженіи была не легка: разработана она очень плохо и въ особенности трудна черезъ горный хребетъ Лоэ-Линъ. Здѣсь дорога мѣстами и совсѣмъ не была разработана и пролегла то среди громадныхъ каменныхъ глыбъ, то по дну образовавшейся отъ стока воды промоины. Въ такихъ мѣстахъ она была настолько узка, что повозка съ широкимъ ходомъ неминуемо цѣплялась бы своими осями за бока промоины. Была къ тому же гололедица, и наши лошади, которыхъ мы, переваливая этотъ хребетъ, вели въ поводу, безпрестанно скользили, спотыкались и падали. На вершинѣ перевала работало человѣкъ 50 надъ расширеніемъ и улучшеніемъ дороги. Вѣроятно, правительство создало, что скорое сообщеніе по

такимъ дорогамъ немислимо, а потому и признало необходимымъ приступить къ ремонту пути, тѣмъ болѣе, что потребности военнаго времени въ хорошихъ и удобныхъ путяхъ сообщенія сказывались конечно и въ этой, хотя и значительно отдаленной отъ театра военныхъ дѣйствій, мѣстности.

Хребетъ Лоэ-Линъ покрытъ густымъ, почти исключительно лиственнымъ лѣсомъ, хвойныя породы деревьевъ замѣчаются только близъ самой вершины хребта, но здѣсь они какія-то чахлыя и на половину сухія. Въ общемъ весь этотъ хребетъ, который имѣетъ въ поперечномъ разрѣзѣ до 20 верстъ, представляетъ собою въ полнсмъ смыслѣ слова самая глухія непривѣтливая и дикія дебри, служащая какимъ то пугаломъ для всего окрестнаго населенія. Еще когда мы были въ Хунчунѣ, то всегда, когда разговоръ начинался про дорогу, про этотъ Лоэ-Линъ говорилось съ какимъ-то какъ бы мистическимъ страхомъ. Говорили, что лѣса этого хребта скрываютъ въ своихъ глухихъ дебряхъ большія шайки хунхузовъ, которыя и предпринимаютъ отсюда свои звѣрскіе набѣги на окрестныя деревни, при чемъ они во время этихъ набѣговъ жгутъ дома, насилуютъ женщинъ, убиваютъ стариковъ и дѣтей и вообще чинятъ всѣ звѣрскія, ужасныя безчинства, до которыхъ можетъ додуматься человѣческая распущенность. Говорили также, что якобы эти разбойничьи шайки настолько велики, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ считается по нѣсколько сотъ человѣкъ и есть даже свои пушки. Чѣмъ ближе мы подходили къ эт му Лоэ-Лину, тѣмъ рассказы про всѣ эти ужасы становились все мрачнѣе и мрачнѣе, и по всему былъ видно, что тѣ, кто рассказывалъ про всѣ эти страхи, вѣрили имъ такъ же, какъ вѣритъ человѣкъ, рассказывающій о томъ, что онъ видѣлъ привидѣніе. Чанъ-фу безусловно вѣрилъ всему тому, что ему рассказывали поселяне, и, прислушиваясь къ интонаціи этихъ рассказовъ, я и самъ убѣждался, что всѣ они говорятъ объ этихъ страхахъ и ужасахъ совершенно искренно, говорятъ съ такой же вѣрой и наивностью, съ какой говорятъ дѣти, рассказывая про похождения какой-нибудь „красной шапочки“, описанныя въ извѣстной сказкѣ. Конечно, нельзя отрицать того, что во всѣхъ этихъ рассказахъ не было бы одной крупинцы правды, очень можетъ быть, что въ лѣсахъ Лоэ-Лина и находили себѣ пріютъ небольшія разбойничьи шайки, но безусловно вѣрно и то, что всѣ эти рассказы были страшно преувеличены и прикрашены народною фантазіей. Изысканія, которыя призв дились впоследствии по прсве-

денію Манчжурской желѣзной дороги показали, что дѣйствительно въ окрестностяхъ Нингуты приходилось наткаться на хунгузскіе притоны, но между ними не было конечно такихъ, въ которыхъ жило бы по нѣсколько сотъ разбойниковъ и при которыхъ имѣлись бы пушки. Казаки мои всегда подсмѣивались надъ всѣми этими страхами, говоря, что „всѣ мандзы, однако, трусы и что у всѣхъ у нихъ глаза отъ страха, однако, велики“; обращаясь же къ Чанъ-фу, они добавляли, еще, стараясь окончательно его напугать: „а вотъ ты, парень, погоди; хунгузы нападутъ, у насъ-то винтовки, да шашки есть,—мы то отобьемся, а у тебя что?—коса только и всего-то. Вотъ они тебя, парень, за косу-то твою и стаскаютъ“. Чанъ-фу трусилъ не на шутку. Надо было видѣть его, когда мы подходили къ Лоз-Лину. Онъ тряся отъ страха, какъ въ лихорадкѣ, былъ блѣденъ и его растерянный взглядъ выражалъ полнѣйшее отчаяніе. Нѣсколько разъ онъ подѣзжалъ ко мнѣ и съ дрожью въ голосѣ просилъ приказать казакамъ сѣсть на лошадей, такъ какъ при нападеніи хунгузовъ удобнѣе можно будетъ удрать верхомъ, нежели пѣшкомъ. Словомъ, въ данномъ случаѣ онъ высказалъ передъ нами всю китайскую доблесть и храбрость въ полномъ ея цвѣтѣ. Мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ Чанъ-фу явился типичнымъ представителемъ всей китайской расы, которая въ общемъ труслива и не способна къ самооборонѣ и вообще къ какимъ бы то ни было активнымъ дѣйствіямъ. Въ всякаго сомнѣнія, масса эта пассивна и для того, чтобы поработить ее и заставить во всемъ себѣ подчиняться, повидимому, нѣтъ надобности тратить слишкомъ много усилій. Какое же въ самомъ дѣлѣ сопротивление можетъ оказать хотя бы даже миллионная толпа, если каждый человѣкъ, ее составляющій, будетъ помышлять о томъ, чтобы ему какъ можно скорѣе скрыться отъ опасности. Конечно, вопросъ о борьбѣ въ данномъ случаѣ сведется къ нулю. Будутъ конечно и въ этой толпѣ такіе доблестные и энергичные люди, къ категоріи которыхъ принадлежалъ сопровождающій насъ унтеръ-офицеръ, но толпа ихъ ни за что не послушаетъ потому, что ей будетъ просто противно ихъ слушать, какъ противно слушать тѣхъ людей, которые проповѣдуютъ какой-нибудь абсурдъ, а вѣдь понятіе о воинской доблести и объ активности дѣйствій для китайцевъ стало теперь ни больше ни меньше какъ только абсурдомъ. Они либо слишкомъ далеко ушли впередъ отъ этихъ понятій, либо слишкомъ отъ нихъ отстали. Справедливость всего этого под-

тверждаютъ вполнѣ событія 1900 года. Мало проявили доблести и стойкости даже самыя отборныя китайскія войска.

Благополучно, безъ всякихъ приключеній мы перевалили черезъ этотъ Лоз-Линъ и вышли снова въ узкую долину, стѣсненную со: ровождающими ее высокими горами. Былъ уже вечеръ, когда мы остановились на ночлегъ, но не суждено намъ было спокойно провести эту ночь—и причиной безпокойства была все также излишняя китайская осторожность, близко граничащая съ трусливостью.

Было часа два ночи, когда я проснулся отъ легкихъ толчковъ въ бокъ. Открывъ глаза, я увидѣлъ надъ собою испуганное лицо Чанъ-фу, освѣщенное тусклымъ свѣтомъ китайскаго свѣтильника. „Вставай, барыня, шептали его дрожащія губы: хунхуза ходи“. Онъ весь дрожалъ отъ страха и нервно вздыхалъ, повторяя безпрестанно: „О Господи, О Господи“. Осмотрѣвшись, я увидѣлъ, что въ углу, занятомъ китайскими солдатами, тревога была уже въ полномъ ходу; они торопливо одѣвались, разбирали свои винтовки и заряжали ихъ магазины патронами. Всѣ они говорили едва слышнымъ шепотомъ, боясь вѣроятно обнаружить себя передъ хунхузами, которые, въ ихъ воображеніи, окружили уже нашу фанзу плотнымъ кольцомъ и сейчасъ начнутъ стрѣлять въ окна, въ надеждѣ перебить насъ какъ дикихъ звѣрей въ клѣткѣ и потомъ воспользоваться нашимъ имуществомъ и серебромъ. О всемъ этомъ успѣлъ мнѣ сообщить Чанъ-фу въ то время, когда я постѣнно началъ одѣваться, допуская въ мысляхъ полную возможность подобной комбинаціи. Казаки мои также повскакивали, и не прошло и трехъ минутъ, какъ всѣ мы уже изготовились къ бою, намѣреваясь встрѣтить врага въ честномъ бою. Прочіе ночлежники также просыпались, вскакивали съ наръ и начинали волноваться и суетиться. Въ это время скрипнула входная дверь, и на порогъ фанзы показались какія-то двѣ человѣческія фигуры въ огромныхъ мѣховыхъ шапкахъ съ торчащими по сторонамъ отвороченными наушниками. Начинается,—подумалъ я. Нѣсколько китайскихъ солдатъ быстро подскочили къ этимъ двумъ фигурамъ, которыя уже успѣли переступить черезъ порогъ фанзы и войти и молча приставили къ нимъ дула своихъ заряженныхъ винтовокъ. Вошедшіе сразу остолбенѣли. Это для нихъ было полною неожиданностью, и ихъ испугъ, я думаю, былъ ничуть не меньшимъ, нежели испугъ тѣхъ людей, которые стояли передъ ними съ упертыми въ ихъ животы винтовками. Мнѣ почему-то при

этомъ припомнилась извѣстная картина, на которой изображена смерть маіора Горталова. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ обѣ стороны стояли молча и недвижимо, потомъ мало-по-малу между ними начался разговоръ, сначала говорили шопотомъ, а потомъ постепенно перешли къ голосу. Долго велись эти „дипломатическія пренія“, къ которымъ мой Чанъ-фу прислушивался все время съ напряженнымъ вниманіемъ. Потомъ я видѣлъ, какъ этихъ двухъ людей китайцы повели въ самый отдаленный уголъ фанзы, гдѣ и приказали имъ лечь, на что они повидимому охотно согласились. Когда они проходили мимо меня, то я замѣтилъ, что это были два довольно древнихъ старичка, сгорбленныхъ и слабыхъ. Ихъ сморщенные и худыя фізіономіи не имѣли ничего ужаснаго, и полагаю, что они даже при всемъ своемъ желаніи сдѣлаться хунхузами—все-таки не могли бы это исполнить въ силу своей старческой немочи. Снявъ съ плечъ свои котомки, они положили ихъ подъ головы, кряхтя и охая забрались на нары и легли, намѣреваясь предаться сладкому отдыху, но они долго не засыпали,—все кряхтѣли, охали и кашляли.

Въ концѣ концовъ вся эта исторія оказалась довольно забавной комедіей. Дѣло въ томъ, что ночью стоящій на дворѣ фанзы около лошадей китайскій очередной солдатъ услышалъ довольно сильный стукъ въ ворота. Слыша за воротами голоса, этотъ воинъ вообразилъ, что къ воротамъ подошла цѣлая толпа хунхузовъ, а потому онъ счелъ за лучшее воротъ не отворять, пойти въ фанзу и разбудить товарищей. Такимъ образомъ и началась тревога. Въ это же время стучащіяся въ ворота люди, видя, что имъ не желаютъ отворить, проникли во дворъ черезъ калитку, которая къ ихъ счастью и по недосмотру была не заперта, и такимъ образомъ они съ самымъ спокойнымъ чувствомъ и съ самыми мирными намѣреніями проникли во внутренность фанзы съ тѣмъ, чтобы отдохнуть, но вмѣсто этого неожиданно для себя наткнулись на ружейныя дула.

Старикамъ долго не хотѣли вѣрить:—все считали ихъ за развѣдчиковъ, посланныхъ отъ шайки, чтобы высмотрѣли хорошенько наше расположеніе, а они клялись и увѣряли, что даже и не думаютъ принадлежать къ хунхузскимъ шайкамъ, что они мирные поселяне, идутъ въ Нингуту, что по дорогѣ ихъ застала ночь и, не найдя нигдѣ пріюта, потому что ихъ никуда не хотѣли пускать, они рѣшились наконецъ добиться такого на этомъ постояломъ дворѣ, входъ въ который, на

ихъ счастье, оказался открытымъ. Только къ утру кончилось возбужденіе отъ причиненнаго безпокойства, и никто не могъ заснуть, передавая другъ другу свои впечатлѣнія, и почти всюду слышался добродушный смѣхъ. Всѣ были рады, что дѣло кончилось такъ благополучно. Намъ также не удалось заснуть, и съ разсвѣтомъ мы тронулись въ дальнѣйшій путь.

До Нингуты оставалось уже версть 50—60, и мы рассчитывали быть тамъ на слѣдующій день.

Отъѣхавъ версты 2—3 отъ этой фанзы, мы увидѣли группу всадниковъ, рысью ѣхавшихъ къ намъ навстрѣчу. Всѣхъ ихъ было 8 человѣкъ, и впереди нихъ ѣхалъ какой-то человѣкъ на бѣлой лошади, при чемъ издали можно было рассмотреть длинный хвостъ, болтающійся позади его шапки. Всадники были вооружены ружьями, которыя и висѣли у нихъ за плечами. Замѣтивъ насъ, всадники остановились, построились вдоль дороги, при чемъ ѣхавшій впереди ихъ человѣкъ слѣзъ съ лошади и, ставъ впереди построившихся людей, повидимому, ожидалъ нашего приближенія.

Оказалось, что это былъ конвой, высланный къ намъ навстрѣчу Нингутинскимъ фудутуномъ; всадникъ же, ѣхавшій впереди и имѣвшій на своей шапкѣ хвостъ—былъ начальникомъ этого конвоя. На шапкѣ его, кромѣ хвоста, красовался мѣдный шарикъ, и Чанъ-фу объяснилъ мнѣ, что у его обладателя еще нѣтъ офицерскаго чина, что онъ еще находится, такъ сказать, на переходной ступени между нижнимъ и офицерскимъ званіемъ „Она малъ-мало Подыпырапорыщика“ (подпрапорщикъ), пояснилъ мнѣ Чанъ-фу, чѣмъ, по правдѣ говоря, удивилъ меня не мало. И когда я выразилъ ему свое удивленіе по поводу того, что ему знакомо значеніе этого трудновыговариваемаго слова, то онъ, сіяя отъ восторга, сказалъ: „О, барыня, моя усе знай;—моя знай ваша Пууковника, Пуупууповника и Капитана, моя усе знай“. Такъ названіе подпрапорщика и утвердилось за начальникомъ этого конвоя, который проводилъ насъ до Нингуты и оттуда пошелъ съ нами и далѣе—до самаго Гирина.

Нѣсколько словъ объ отличіяхъ въ китайской чиновной іерархіи:

Всѣ китайскіе чиновники, какъ военные, такъ гражданскіе, начиная съ самыхъ высшихъ и кончая самыми низшими (маленькими), подраздѣляются на 9 классовъ, при чемъ отличіями одного класса отъ другого служатъ шарики на шапкахъ, пряжки на поясахъ и вышивные гербы на груди верхней

одежды. Какъ шарики, такъ и пряжки у военныхъ и гражданскихъ чиновъ одинаковы по классамъ, но гербы различные, и обыкновенно у военныхъ на гербѣ изображается подобіе какого-нибудь четвероногого животнаго, а у гражданскихъ птицы. Чиновники самаго высшаго класса имѣютъ на шапкѣ красный прозрачный шарикъ (рубинъ), на гербѣ же—у военныхъ изображенъ единорогъ, а у гражданскихъ журавль. Чины 2-го класса имѣютъ коралловые шарики, на гербѣ же у военныхъ красуется левъ, а у гражданскихъ фазанъ.—3-й классъ имѣетъ сапфировые шарики и павлинье перо въ шляпѣ, а гербъ: у военныхъ леопардъ, а у гражданскихъ—павлинь. 4-му классу присвоенъ синій матовый шарикъ, а гербъ—у военныхъ тигръ, а у гражданскихъ что-то похожее на гуся. 5-й классъ имѣетъ хрустальный шарикъ и гербъ—у военныхъ медвѣдь, а у гражданскихъ что-то напоминающее собою индюка. 6-й классъ—бѣлый не прозрачный шарикъ, перо въ шляпѣ и изображеніе на гербѣ: у военныхъ напоминаетъ тигра, а у гражданскихъ цаплю. 7-й классъ—золотой, гладкій шарикъ; гербъ же у военныхъ что-то похожее на медвѣдя, а у гражданскихъ что-то имѣющее отдаленное подобіе съ уткой. 8-й классъ—золотой же рѣзной шарикъ; на гербѣ у военныхъ—тюлень, а у гражданскихъ перепелъ и наконецъ 9-й классъ имѣетъ серебряный шарикъ и гербъ—у военныхъ носорогъ, а у гражданскихъ—сойка. Нельзя назвать конечно подобную систему подраздѣленія чиновничества довольно упрощенной, хотя и у насъ на упрощенность не отличается.

„Подпрапорщикъ“, со своими семью солдатами, присоединился къ намъ. Его солдаты были одѣты похуже, нежели солдаты ихъ Хунчуна. Вооруженіе ихъ было разнообразное:—одни имѣли Винчестера, другіе—ружья Гочкиса, а двое были вооружены старинными пистонными ружьями. Самъ подпрапорщикъ имѣлъ маленькую винтовку системы Винчестера, заключенную въ разшитомъ, синемъ чехлѣ, а сбоку его сѣдла была прикрѣплена къ нему на ремняхъ широкая и кривая шашка. Люди конвоя въ общемъ глядѣли не весело; они были и блѣдны и желты и худы, и все это показывало, что каждый изъ нихъ страстный курильщикъ опиума, въ чемъ я имѣлъ возможность убѣдиться впоследствии. Что касается до ихъ начальника—подпрапорщика, то онъ былъ еще очень молодой человѣкъ—лѣтъ 18—20, но его молодое лицо имѣло какое-то недоброе выраженіе. Глаза смотрѣли нагло, а губы всегда были сложены наподобіе ижицы, обращенной книзу,

что придавало его смуглому и лоснящемуся лицу выраженіе надменности. На разговоры онъ былъ скупъ и на предлагаемые вопросы отвѣчалъ какъ-то нехотя, какъ бы цѣдилъ слова и въ концѣ концовъ я, видя его полнѣйшее нежеланіе говорить, и самъ пересталъ домогаться съ нимъ мысленнаго общенія.

Такъ съ этимъ конвоемъ мы вступили въ Нингуту, куда прибыли 14 ноября уже послѣ полудня, переночевавъ верстахъ въ 25 отъ города, гдѣ, то въ сторонѣ отъ дороги—на водочномъ заводѣ. Сюда насъ привелъ подпрапорщикъ; онъ очевидно имѣлъ на этомъ заводѣ хорошихъ знакомыхъ и для того, чтобы повидаться съ ними, свернулъ съ дороги верстахъ въ трехъ отъ большой деревни Си-чунинъ-ди и привелъ насъ на этотъ заводъ. Положимъ, я и не раскаялся, что пришлось сдѣлать быть можетъ нѣсколько лишнихъ верстъ. Зато посмотрѣлъ заводъ и познакомился съ работавшими на немъ людьми. Заводъ былъ большой и, вѣроятно, перегонялъ въ своихъ чанахъ не малое количество ханшина. Состоялъ онъ изъ двухъ очень большихъ фанзъ, изъ коихъ въ одной помѣщались рабочіе завода въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, а въ другой стояли перегонные чаны. Собственно способъ перегонки ханшина ничѣмъ почти не отличается отъ способа перегонки водки. Конечно на этомъ заводѣ не было ни паровыхъ машинъ, ни усовершенствованныхъ перегонныхъ кубовъ, а были только деревянные огромные чаны, въ которыхъ и проходили различные химическіе процессы съ тѣмъ матеріаломъ, изъ котораго гонится ханшинъ. Мы прибыли на заводъ поздно вечеромъ и помѣстились въ одной изъ надворныхъ построекъ. Работы на заводѣ были уже окончены, а потому рабочіе отдыхали въ своемъ помѣщеніи и, узнавъ о нашемъ приѣздѣ, конечно, не замедлили явиться поглазѣть на насъ и завязать съ нами общеніе. На сей разъ, какъ это ни странно, но мнѣ пришлось выступить передъ ними въ роли доктора. Началъ съ того, что изъ толпы, уже достаточно къ намъ приглядѣвшейся и ознакомившейся съ нашими одеждами, свѣчами, книгами и всѣмъ прочимъ,—выступилъ какой-то худой и изможенный человѣкъ и просить помочь ему въ его болѣзни. „Она говори, что заморски люди усе знай; его живота шипко боли; говори: заморски люди помогай минѣ“ (заморскіе люди все знаютъ, у него очень болитъ животъ, такъ онъ просить, чтобы заморскіе люди помогли бы ему). Больной былъ жалокъ и беспомощно съ мольбой и съ надеждой въ

глазахъ смотрѣлъ на меня, думая, что стоитъ мнѣ только пальцемъ пошевелить, какъ онъ будетъ здоровъ и избавится отъ страданій. Изъ разпросовъ оказалось, что онъ вотъ уже 5 лѣтъ боленъ животомъ; не можетъ ни ѣсть, ни пить, чувствуетъ постоянныя боли внутри и такъ ослабъ, что едва таскаетъ ноги. Очевидно, у него былъ или застарѣлый катаръ, а можетъ быть и еще что-либо посерьезнѣе. Что мнѣ было дѣлать съ этимъ несчастнымъ человѣкомъ? Хотѣлось ему помочь, да чѣмъ же помочь? У насъ были взяты только лишь самые необходимыя медикаменты: хина, касторка, разныя капли, и неужели же эти гофманскія и валеріановы снадобья могли бы излѣчить его застарѣлый недугъ. Тѣмъ не менѣе пришлось ихъ ему дать. Накапавъ на кусокъ сахара капель 20, я далъ его больному, и онъ, съ полной вѣрой въ цѣлебное свойство этого снадобья, положилъ его въ ротъ. Пройдетъ, пройдетъ, успокаивалъ я его, хлопая дружески по плечу:—дастъ Богъ—все пройдетъ, и больной ласково мнѣ улыбался, лепеча свое „тау-си, тау-си“ (спасибѣ). За этимъ больнымъ сейчасъ же появились другіе: человѣка три жаловались на глаза. Отвернувъ имъ вѣки, я увидѣлъ подъ ними зернистое трахоматозное образованіе и сразу почувствовалъ полнѣйшее свое безсиліе помочь имъ хоть чѣмъ-нибудь, а они просили хоть чѣмъ-нибудь пособить имъ и облегчить имъ болѣзнь, потому что она мѣшаетъ имъ работать, и пришлось въ концѣ концовъ ограничиться только лишь совѣтомъ, каковой больные выслушали съ большимъ вниманіемъ, стараясь не проронить ни одного слова, хотя совѣтъ этотъ совсѣмъ и не заслуживалъ подобнаго вниманія, такъ какъ, не выходя изъ рамокъ ихъ собственныхъ практическихъ свѣдѣній, онъ шелъ совершенно въ разрѣзъ съ условіями ихъ быта. Въ сущности говоря—безбожно человѣку, поставленному въ необходимость жить среди дыма, грязи и колоти, работая при этихъ условіяхъ, ради куска насущнаго хлѣба, совѣтывать, чтобы онъ всячески избѣгалъ бы этихъ вредныхъ для его здоровья вліяній. Подобный совѣтъ, конечно, равносильнъ глумленію надъ нищетою человѣческой, равносильнъ по своей пошлости совѣту какому-нибудь умирающему бѣдняку—перемѣнить квартиру, измѣнить условія жизни, отправиться на воды и принимать ванны. Но даже за подобный безмысленный совѣтъ, который въ данномъ случаѣ имѣлъ не мало общаго съ вышеприведеннымъ—эти добрые люди лепетали свое „тау-си“ и оно не звучало у нихъ озлобленіемъ, какъ нерѣдко звучитъ благодарность въ устахъ больного

выслушавшаго несообразный съ его имущественнымъ состояніемъ совѣтъ; нѣтъ, въ этомъ „тау-си“ слышалась искренняя благодарность. Казалось, что эти люди своимъ безпрестанно повторяемымъ „тау-си“ хотѣли выразить: мы вѣримъ, что у тебя нѣтъ лекарства для насъ, но спасибо тебѣ и за то, что ты не прогналъ насъ и сочувствуешь нашему несчастью.

Пришелъ еще одинъ больной, у котораго рука была обмотана грязнымъ тряпьемъ, подъ которымъ оказалась большая гноящаяся рана, съ распространившимся вокругъ воспалительнымъ процессомъ. Оказалось, что человѣкъ этотъ обжегъ себѣ руку и потомъ помазалъ мѣсто ожога какой-то дрянью, и вотъ съ тѣхъ поръ рука начала пухнуть и сильная боль не давала ему покоя. Снова пришлось ограничиться подачею „совѣта“, по смыслу своему не менѣе пошлаго, чѣмъ предыдущій: „необходимо чаще промывать руку и стараться держать ее въ чистотѣ“—и снова искреннее „тау-си“ въ отвѣтъ.

Такъ цѣлый вечеръ и прошелъ въ подачѣ этихъ совѣтовъ, а утромъ, когда мы приготовлялись къ выѣзду, всѣ эти больные снова пришли съ благодарностью, и больной желудкомъ сказалъ, что онъ совершенно спокойно проспалъ эту ночь и уже чувствуетъ себя лучше. Не знаю—помогло ли ему лѣкарство, котораго пришлось ему удѣлить при прощаньи? Едва-ли, а впрочемъ—Богъ знаетъ.

Я спрашивалъ, почему эти люди не обратятся за совѣтомъ къ доктору; вѣдь, вѣроятно, есть же и у нихъ свѣдущіе по этой части люди, которые умѣютъ лѣчить разныя болѣзни, и оказалось, что такіе люди есть и что лѣчатъ они хорошо, но для того, чтобы у нихъ лѣчилось—нужно имѣть деньги, каковыхъ не можетъ быть у бѣднаго рабочаго люда, зарабатывающаго только на собственное пропитаніе. Докторъ сюда никогда и не заглядываетъ; живетъ онъ въ городѣ и ѣздитъ къ бѣднякамъ не имѣетъ ни охоты, ни обыкновенія.

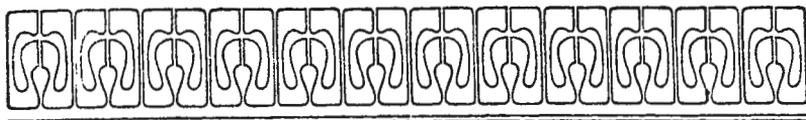
Всѣ эти больные и то вниманіе и довѣріе, съ которымъ они выслушивали совѣты и принимали лѣкарства, невольно показывали, что эти простолюдины относятся нѣсколько иначе къ врачебной помощи, нежели относятся къ ней наши простолюдины, которые въ данномъ отношеніи все еще продолжаютъ быть закоренѣлыми скептиками, со страхомъ сторонящимися отъ больницы и отъ докторовъ.

Китайскій простолюдинъ, повидимому, болѣе расположенъ вѣрить въ пользу, приносимую наукой, и въ данномъ случаѣ онъ высказываетъ какъ бы большую подвижность ума въ

сравненіи съ нашимъ простолюдиномъ, хотя, съ другой стороны, еще неизвѣстно, чѣмъ объяснить кажущуюся въ этомъ отношеніи неподвижность послѣдняго. Несовершенство и беспомощность самой науки, которая еще во многихъ случаяхъ пасуетъ передъ человѣческими немочами, — вотъ основная причина.

Сообщилъ Л. Н. Бѣльковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны ¹⁾).

1 декабря 1916 г. Мнѣ приходилось слышать отъ одного высокопоставленнаго дипломата, что германцы неоднократно предлагали условія мира. Теперь они сдѣлали предложеніе мира при болѣе торжественной обстановкѣ, при полномъ собраніи рейхстага черезъ посредство папы, Вильсона и испанскаго короля, при успѣхахъ своего оружія въ Румыніи конечно на условіяхъ, прекрасно приемлемыхъ для Германіи и ея союзниковъ и совершенно неприемлемыхъ для Россіи и ея союзниковъ.

Въ мирныхъ предложеніяхъ нашихъ враговъ надлежитъ отмѣтить два основныхъ положенія.

Первое—предложить мирныя условія, при значительномъ бахвальствѣ и самонѣнии нѣмцевъ—значитъ сознаться, что продолженіе борьбы Германіи крайне тяжело.

И второе предложеніе мирныхъ условій должно показать всѣмъ германцамъ и ихъ правовѣрнымъ и неправовѣрнымъ союзникамъ, что державы согласія, не принявъ мирныхъ германскихъ предложеній, вынудили Германію продолжать войну во что бы то ни стало и потребовать отъ своихъ подданныхъ невозможнаго напряженія силъ.

Наше движеніе въ долинахъ р.р. Тротуша, Сульты и Чебеніаша продолжается. Румынская армія отступила на фронтъ Буэсо, Саринга.

Нашимъ войскамъ, на ея лѣвомъ флангѣ, пришлось очутиться въ неособенно выгодной обстановкѣ.

Въ обзорѣ дѣйствій за недѣлю нашихъ союзниковъ сказано, что на французскомъ фронтѣ ничего существеннаго не

¹⁾ См. „Русскую Старину“ Октябрь—Декабрь 1917 г.

произошло, и дурная погода препятствовала развитію операций англичанъ. Въ то же время въ обзорѣ за недѣлю нашихъ дѣйствій отмѣчено: въ Лѣсистыхъ Карпатахъ сначала густой туманъ, а потомъ глубокой снѣгъ и морозъ затрудняли наше продвиженіе. Здѣсь противникъ, временами, переходитъ въ яростныя контръ-атаки; борьба за высоты проходитъ съ переменнымъ успѣхомъ. Отсюда выводъ ясенъ. Главный фронтъ борьбы есть фронтъ русскій, на немъ рѣшится участь войны; о чемъ мы неоднократно утверждали и къ веснѣ надо формировать громадное количество новыхъ частей. Очевидно, что съ весной 1917 года, прикончивъ съ Румыніей и на Балканскомъ полуостровѣ и разивъ энергичное наступленіе на западѣ Европы, австро-германцы, болгары и турки всѣ свои вождедѣнія и интриги устремятъ на Россію.

Пора прекратить благожелательный нейтралитетъ Японіи, какъ снабдительницы боевыми запасами, и заставить ее какъ честную союзницу сражаться въ рядахъ армій на Салоникскомъ фронтѣ. Ихъ отговорки о нежеланіи сражаться на чужой землѣ отпадаютъ отъ рыцарскихъ поступковъ Россіи, Франціи и Англіи, сражающихся на томъ же Салоникскомъ фронтѣ, и той же Россіи, проливающей кровь своихъ воиновъ на поляхъ Франціи. Видимо, Японія сыграетъ роковую, преступно бездѣятельную роль въ этой войнѣ.

Государственный контролеръ Покровский назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. вмѣсто адмирала Фурнье въ греческія воды назначенъ вице-адмиралъ Гоше, а генераль Нивель сталъ во главѣ сѣверной и сѣверо-восточной армій Франціи. Генераль Гуро, поставленъ французскимъ генеральнымъ резидентомъ въ Марокко. Генераль Жоффри назначенъ „техническимъ совѣтникомъ правительства“. Скатерью ему дорога. По его узкому пониманію боевой обстановки, Россія понесла тяжкія потери областей весной и лѣтомъ 1915 года.

„Berlinske Tidende“ получило изъ Рима извѣстіе, что въ главной германской квартирѣ произошелъ военный совѣтъ при участіи обоихъ императоровъ, Фердинанда Кобургскаго, королей Вюртембергскаго, Баварскаго и Саксонскаго, фельдмаршала Гинденбурга и Гетцендорфа, а также герцога Фридриха. На этомъ совѣтѣ вынесены весьма важныя рѣшенія, касающіяся продолженія наступленія въ Румыніи и приостановки

военныхъ дѣйствій на другихъ фронтахъ. Весной ожидается съѣздъ всѣхъ вышеупомянутыхъ лицъ въ Букарестъ.

2 декабря. На румынскомъ фронтѣ наша конница и пѣхотныя части подошли къ западу и юго-западу отъ Бузео; все 29 ноября наша конница, выдвинувшаяся къ западу, вела упорный бой съ противникомъ въ пѣшемъ и конномъ строю.

Въ занятыхъ нѣмцами нашихъ областяхъ они вырубали всѣ лѣса, на многое количество миллиардовъ. Это уже одно составить громадную контрибуцію съ Россіи въ пользу Германіи.

Намъ пришлось слышать рассказы одного россиянина, недавно возвратившагося изъ Америки. Онъ утверждаетъ, что въ Америкѣ крайне не любятъ нѣмцевъ, считая ихъ своими конкурентами по торговымъ дѣламъ. Въ торговыхъ сношеніяхъ Германія совершенно отрѣзана отъ Америки.

Какъ въ Америкѣ, такъ и въ нейтральныхъ странахъ, которыя онъ проѣзжалъ, цѣны на припасы страшно возвысились. Въ Швеціи, Даніи, уже введена карточная система на припасы.

„Русское Слово“ ¹⁾ сообщаетъ новый способъ излѣченія чахотки:

Врачебный міръ во Франціи живо заинтересовался новымъ способомъ лѣченія туберкулеза, открытымъ японскимъ врачомъ Кога.

Способъ этотъ основанъ на наблюдении, доказавшемъ, что туберкулезная бацилла крайне чувствительна къ дѣйствию ціанокупрола, т.-е. двуціанистой мѣди. Растворъ этой соли впрыскивается въ вены съ промежутками въ двѣ недѣли. Впрыскиваніе обычно производитъ нѣкоторую реакцію, исчезающую черезъ два дня. Реакція эта выражается въ повышении температуры на одинъ градусъ, головной боли, боли въ поясницѣ, усилении кашля. Больной теряетъ вѣсъ въ началѣ лѣченія, но затѣмъ вѣсъ быстро увеличивается. Въ мокротѣ исчезаютъ бациллы на третій день, реакція Пиркэ (кожная реакція) черезъ два-три мѣсяца даетъ отрицательные результаты.

Доза ціанокупрола колеблется отъ 8 до 16 миллиграммовъ на впрыскиваніе, смотря по случаю. При каждомъ новомъ

¹⁾ „Русское Слово“ 1916 г. № 276.

впрыскиваніи нужно уменьшать дозу на одинъ миллиграмъ. Во время лѣченія ціанокупроломъ нельзя примѣнять нѣкоторыхъ лѣкарствъ, какъ напримѣръ, іодистаго калия, фенола, креозота, лизола.

Докторъ Кога лѣчилъ 45 больныхъ въ первой, второй и третьей степени туберкулеза. И вотъ каковы результаты: 27 больныхъ совершенно выздоровѣли, у 15 наступило улучшение, и трое, безнадежные—умерли. Тѣ же результаты были получены при примѣненіи этого средства японскимъ врачомъ Отани, который лѣчилъ сто больныхъ по способу доктора Кога. Такимъ образомъ, химіотерапія туберкулеза человѣка встала на новый путь.

3 декабря. На румынскомъ фронтѣ наши и румынскія войска, прикрываясь аріергардами, отходятъ назадъ.

„Пермская Земская Недѣля“ отмѣчаетъ цѣлый рядъ простыхъ, несложныхъ изобрѣтеній, вызванныхъ недостатчей и недохваткой разныхъ продуктовъ.

Такъ, въ Таврической губерніи какой-то крестьянинъ изобрѣлъ, по случаю неимѣнія керосина, составъ, въ которомъ обмакиваютъ лучину, чтобы лучше горѣла; въ Костромской губерніи мальчикъ-школяръ выучилъ своихъ товарищей, за неимѣніемъ чернилъ, употреблять въ качествѣ таковыхъ сокъ свеклы.

— Прекрасныя чернила вышли!—радуются и учительница, и прибывшій въ школу инспекторъ.

Въ Пензенской губ. научились съ какой-то травой отпаривать солодковый корень...

— Сладко страсть!

— А какъ насчетъ сахара?

— Сахара нѣтъ! Наѣхалъ на медни одинъ скупщикъ, давай, говоритъ, за каждый кусокъ сахара по яйцу!.. Ну и мѣняли! Да еще какъ!

— Почему же это вамъ обходился фунтъ сахара.

— Кто его знаетъ! Рубля въ два съ половиной!..

Въ Рыбинскомъ уѣздѣ крестьянинъ Сѣровъ изобрѣлъ суконныя подошвы, которыя вырабатываются изъ всякихъ шерстяныхъ тряпокъ, пропитываются какимъ-то составомъ и, по словамъ очевидцевъ,—отличаются прочностью.

Дворянскія организаціи въ своемъ постановленіи присоединились къ Г. Думѣ и Г. Совѣту о крайней необходимости имѣть кабинетъ твердый, пользующійся общимъ довѣріемъ и безъ вліянія темныхъ силъ.

Въ Г. Думѣ произносили пламенные рѣчи о темномъ засильѣ въ Синодѣ.

Новый министръ иностранныхъ дѣлъ выступилъ въ Г. Думѣ съ деклараціей по поводу мирныхъ предложеній нашихъ враговъ.

Греческій король въ приказѣ по арміи объявилъ благодарность солдатамъ и офицерамъ дворцоваго корпуса, а также подонкамъ аѣинской черни, принимавшей участіе въ нападеніи на союзныя войска и греческихъ патріотовъ въ кровавые ноябрьскіе дни.

Убийцы удостоились высокой признательности и ободренія къ дальнѣйшей кровавой работѣ.

Дипломатическій корпусъ въ Аѣинахъ принимаетъ въ это время дѣятельное участіе въ дворцовыхъ фестиваляхъ, а послѣ нихъ отправляетъ во дворецъ представленіе и даже требованіе. Подумайте только: даже требованіе.

Все идетъ такимъ образомъ своимъ чередомъ. Придворныя войска занимаютъ стратегическія позиціи; нашъ десантъ и греческіе патріоты подвергаются избіенію; сочиняются и посылаются, куда слѣдуетъ, ноты, представленія, протесты; Аѣины, залитыя кровью, обращаются въ дипломатическую Аркадію¹⁾.

Лордъ Нортклифъ напечаталъ въ „Times“ статью о новомъ англійскомъ премьеръ - министрѣ. Вотъ выдержки изъ этой статьи: „Это голова геніальнаго человѣка, въ которомъ объединились кельтская энергія и напряженная трудоспособность. Большую часть этой недѣли Ллойдъ-Джорджъ провелъ въ военномъ министерствѣ, сидѣлъ тамъ до трехъ часовъ утра и возвращался вновь черезъ шесть часовъ къ своему тяжелому труду, составляя многосложное національное правительство. Я не думаю, чтобы я его видѣлъ 12 разъ за время моего знакомства, но я видѣлъ его незадолго передъ тѣмъ, какъ онъ высказалъ свое рѣшеніе, и онъ казался усталымъ чело-
вѣкомъ, выглядѣвшимъ много старше своихъ 53 лѣтъ. Нѣ-

¹⁾ „Нов. Вр.“ 3 декабря 1916 г.

сколько часовъ спустя, когда онъ заявилъ Асквиту, тогда премьеръ-министру, что онъ не въ состояніи долѣе оставаться членомъ его кабинета, онъ выглядѣлъ на 10 лѣтъ моложе. Я видѣлъ Ллойдъ-Джорджа въ два другихъ критическихъ момента войны. Въ первый разъ, когда онъ заканчивалъ запасы снарядовъ, во второй разъ, когда онъ почти что заканчивалъ объединеніе Ирландіи. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ, такъ же, какъ и въ послѣднюю недѣлю, онъ представлялъ собой человѣческую динамо-машину. Каждая унція энергіи сосредоточивалась на предстоявшей ему работѣ. Онъ объединяетъ убѣдительность ирландца съ средоточенностью американца и точностью англичанина. Его критики говорятъ, что онъ слишкомъ скоро утомляется своей задачей. Этому я не вѣрю. Онъ отдаетъ все свое вниманіе усовершенствованію даннаго предмета, затѣмъ переходитъ къ слѣдующей значительной задачѣ. Нѣкоторыя изъ его привычекъ сосредоточенности бываютъ иногда непріятны его товарищамъ. Когда онъ занятъ какой-нибудь задачей, онъ плохо держитъ свои обѣщанія и не отвѣчаетъ на письма, кромѣ какъ на абсолютно необходимыя сообщенія даннаго момента. У него, повидимому, нѣтъ определенныхъ часовъ для ѣды въ это время. Онъ имѣетъ обычную способность заставлять другихъ дѣлать для него, работать часто, но не всегда, избираетъ подходящихъ людей. Ему удалось образовать правительство, которое не можетъ не радовать всю имперію, въ особенности нашихъ солдатъ, встрѣчающихъ третью зиму въ траншеяхъ. Его политическіе противники, которые полагали, что онъ будетъ неспособенъ организовать правительство, теперь увѣряютъ, что его правительство не будетъ долговѣчнымъ. Я другого мнѣнія. Я полагаю, что онъ будетъ во главѣ правительства, которое выиграетъ войну, разрѣшитъ ирландскій вопросъ и поддержитъ въ главныхъ чертахъ добрыя отношенія между народами, говорящими по-англійски въ Британской Имперіи, съ союзниками и населеніемъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ“.

Нѣмцы начали топить суда подводными лодками. Для тѣхъ нейтральныхъ судовъ, которыя везутъ имъ довольствіе, тевтоны даютъ имъ особые пропуски.

4 декабря. Съ фронта извѣстія благоприятныя: на молдавской границѣ наступленіе въ долину р. Ойгузъ отбито. Черноморскій флотъ успѣшно обстрѣлялъ портъ Бальчикъ и его мельницы, снабжавшія болгарскую армію мукой.

Послѣдствія замѣны ген. Жоффра талантливымъ ген. Нивелемъ сказались: сразу французы четырьмя дивизіями прорвали германское расположеніе изъ 5 дивизій между Маасомъ и Вевромъ на 10 километровъ по фронту и на 3 въ глубину, взяли въ плѣнъ 7.500 германцевъ, 200 офицеровъ и 80 орудій. Англичане на фронтѣ Тигра въ Месопотаміи успѣшно перешли въ наступленіе.

На румынскомъ фронтѣ будетъ легче, изъ Франціи нѣмцы будутъ остерегаться свозить войска.

На французскій фронтъ прибыли 2 португальскія дивизіи. Невольно является вопросъ, почему Японія изъ совершенно бездѣйствующаго союзника не превратится въ дѣйствующаго и не перевезетъ свои корпуса на салоникскій фронтъ.

Государственная Дума посвятила уже нѣсколько засѣданій продовольственному вопросу. Давно пора.

Пора бросить маниловщину съ австро-германскими военно-плѣнными въ то время, когда наши военноплѣнные буквально вымираютъ отъ истощенія, пытокъ и непосильныхъ работъ. Пора прекратить инспектированія для изслѣдованія положенія плѣнныхъ на работахъ по желѣзнымъ дорогамъ и на болѣзни въ ихъ лагеряхъ. Необходимо сразу уменьшить имъ паекъ, посылать ихъ на тяжелыя работы.

Недавно скончался протоіерей 3-й гимназіи Павелъ Васильевичъ Любославскій, дивный христіанинъ прекрасный педагогъ и выдающійся духовный писатель. Миръ праху его.

Г. Тупинъ въ „Новомъ Времени“¹⁾ сообщаетъ о дѣянiяхъ г.г. прибалтійцевъ:

При выборахъ новаго директора Политехникума выбраннымъ оказался профессоръ химіи П. Вальденъ. Выбирали слѣдующіе господа: фонъ-Шубертъ, фонъ-Бюнгнеръ, фонъ-Рененкампфъ, баронъ Нольде, баронъ Эдмундъ Зассъ, баронъ Эвальдъ Заосъ, баронъ Браунъ, Менцендорфъ, Фокротъ, Витлихъ, Браунъ, Керковиусъ.

Былъ еще одинъ кандидатъ на постъ директора, это профессоръ Бергманъ, но онъ получилъ только 4 голоса. Читатель, конечно, подумаетъ, что выборы происходили въ одномъ изъ германскихъ высшихъ учебныхъ заведеній!

¹⁾ „Нов. Вр.“ 4 декабря 1916 г.

„Gott sei dank“—скажетъ на это русскій нѣмецъ, эта „Hochschule“—Рижскій политехническій институтъ, а выборы состоялись только на дняхъ.

Недавно подали въ отставку юрьевскіе профессора нѣмцы, не пожелавшіе читать свои лекціи по-русски, а министерство не принимаетъ отставки. Бѣдная Россія, не можетъ обойтись безъ нѣмца.

5 декабря. Войска въ Румыніи отступаютъ. Французы во время послѣдней побѣды взяли 9.000 плѣнныхъ.

Передаютъ¹⁾, что въ Таврической губерніи мельницы русскіихъ нѣмцевъ завалены мукой.

Странныя явленія здѣсь приходилось наблюдать уполномоченному города Харькова. Въ то время, какъ главный губернский продовольственный уполномоченный запретилъ мельницамъ отпускъ муки безъ его разрѣшенія,—десятки его районныхъ уполномоченныхъ, при станціяхъ, мѣстечкахъ, свободно, оказывается, разрѣшаютъ мельницамъ отпускъ муки,—и мука со всѣхъ почти мельницъ все время спѣшно вывозится.... но куда? Главнымъ образомъ, оказывается, все въ ту же Финляндію, на имя финляндскаго сената!..

Это уже второе авторитетное свидѣтельствованіе объ этомъ странномъ, загадочномъ явленіи. Не такъ давно, какъ извѣстно, объ этомъ свидѣтельствовалъ уполномоченный харьковскаго района г. Неклюдовъ. И вотъ теперь мы имѣемъ новое свидѣтельствованіе объ этомъ, показывающее, что недоумѣнію этому конца не предвидится...

Замѣчательно еще, что въ то время, какъ таврическая мука такъ спѣшно огромными партіями вывозится въ Финляндію, губернской городъ Тавріи, Симферополь и всѣ остальные таврическіе города остаются также безъ муки...

Что же, наконецъ, все это значить? И почему это крошечной Финляндіи требуется такъ много хлѣба? Откуда такая прожорливость?

Землевладѣлец Орловской губерніи, у котораго работаютъ военноплѣнные, передавалъ, что къ нему являлся офицеръ по порученію начальства и спрашивалъ поодиночкѣ, глазъ на глазъ, плѣнныхъ и передалъ помѣщику неотложное исполненіе для военноплѣнныхъ слѣдующихъ требованій: устройство въ помѣщеніи, вмѣсто глинобитнаго пола, деревяннаго, изгото-

¹⁾ „Нов. Вр.“ 5 дек. 1916 г.

вленія для каждаго отдѣльной кровати и постельнаго бѣлья и довольствія мясомъ.

• По словамъ помѣщика, плѣнные зачастую отказываются отъ работъ, а по Николаевской дорогѣ выстроены недавно прекрасныя помѣщенія для военноплѣнныхъ съ большимъ ассигнованіемъ для сего.

Сороки. Арханг. губ., 4 декабря. По всѣмъ участкамъ Мурманской жел. дороги получено распоряженіе выдавать работающимъ плѣннымъ мясную пищу и на зиму выдать теплую одежду.¹⁾

6 декабря. На румынскомъ фронтѣ отступленія не было.

Число плѣнныхъ нѣмцевъ на верденскомъ фронтѣ уже подсчитывается въ 11.387 челов. при 284 офиц. и 115 орудіяхъ.

Государственная Дума сдѣлала постановленіе о томъ, какія мѣры надлежитъ предпринять для упорядоченія продовольствія.

Печатаемъ настоящее, властное сообщеніе о нѣмецкихъ военноплѣнныхъ: по поступившимъ въ главное управленіе генеральнаго штаба вполне достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, германскія военныя власти запретили плѣннымъ офицерамъ нашей арміи, находящимся въ концентраціонныхъ лагеряхъ, пріобрѣтать черезъ посредство русскихъ комитетовъ помощи военноплѣннымъ въ Бернѣ и Гаагѣ съѣстные припасы, что до послѣдняго времени осуществлялось безпрепятственно; запретъ этотъ германскимъ военноплѣннымъ мотивируется тѣмъ, что плѣннымъ германскимъ офицерамъ въ Россіи также не разрѣшено выписывать для себя съѣстные припасы изъ нейтральныхъ странъ.

Между тѣмъ, вопроса о разрѣшеніи плѣннымъ чинамъ германской арміи получать изъ нейтральныхъ странъ посылки съ пищевыми продуктами вообще германскимъ правительствомъ никогда не возбуждалось. Кромѣ того, положеніе нашихъ плѣнныхъ офицеровъ, находящихся въ Германіи и лишенныхъ всякой возможности покупать какіе-либо съѣстные припасы не только внѣ лагернаго расположенія, но даже и въ самыхъ лагеряхъ, совершенно не можетъ быть сравниваемо

¹⁾ Тамъ же.

съ положеніемъ находящихся въ Имперіи плѣнныхъ офицеровъ германской арміи, которымъ предоставлена возможность покупать въ мѣстахъ водворенія и въ близлежащихъ городахъ, хотя и въ предѣлахъ извѣстныхъ нормъ, всѣ безъ исключенія необходимыя имъ пищевые продукты.

Въ виду того, что лишеніе нынѣ германскимъ правительствомъ нашихъ военноплѣнныхъ офицеровъ права пріобрѣтать въ нейтральныхъ странахъ съѣстные припасы ставить ихъ въ крайне тяжелое положеніе, требующее оказанія имъ немедленной и самой энергичной поддержки,—главнымъ управленіемъ генеральнаго штаба было сдѣлано сношеніе съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, съ просьбою довести до свѣдѣнія германскаго правительства, что если упомянутый запретъ не будетъ отмѣненъ въ теченіе двухнедѣльнаго срока со дня полученія названнымъ правительствомъ нашего протеста, то Русское правительство вынуждено будетъ лишить всѣхъ находящихся у насъ плѣнныхъ офицеровъ германской арміи права пріобрѣтенія пищевыхъ продуктовъ на мѣстныхъ рынкахъ и установить, вмѣстѣ съ тѣмъ, для этихъ офицеровъ обязательный казенный паекъ.

Такъ какъ къ означенному сроку ожидаемаго отвѣта отъ германскаго правительства получено не было, то военное министерство признало необходимымъ привести въ исполненіе репрессію, предложенную въ отношеніи плѣнныхъ германскихъ офицеровъ.

Съ этою цѣлью подлежащему военному начальству были преподаны руководящія указанія о немедленномъ переводѣ всѣхъ плѣнныхъ офицеровъ германской арміи на казенный паекъ по составленной для того особой раскладкѣ на полное пищевое довольствіе, которое должно считаться для нихъ обязательнымъ и подлежить оплатѣ путемъ удержанія его стоимости изъ причитающагося плѣннымъ германскимъ офицерамъ ежемѣсячнаго денежнаго содержанія. Одновременно, всѣмъ германскимъ офицерамъ воспрещено также и пріобрѣтеніе за свой счетъ какихъ-либо пищевыхъ продуктовъ, такъ какъ устанавливаемый для нихъ обязательный казенный паекъ никакому измѣненію, въ смыслѣ улучшенія или увеличенія его за счетъ средствъ самихъ плѣнныхъ германскихъ офицеровъ, не подлежитъ.

При осуществленіи даннаго мѣропріятія приказано разъяснить всѣмъ плѣннымъ офицерамъ германской арміи какъ причину, вызвавшую примѣненіе къ нимъ настоящей репрессіи,

такъ и то, что она будетъ немедленно же отмѣнена, лишь только. Русскимъ правительствомъ будетъ получено официальное увѣдомленіе о томъ, что плѣннымъ русскимъ офицерамъ въ Германіи вновь предоставлено право выписывать за свой счетъ пищевые продукты изъ нейтральныхъ странъ.

Недѣли три тому назадъ высшія военныя румынскія власти отдали распоряженіе объ уничтоженіи въ Галацѣ запасовъ всѣхъ крѣпкихъ водочныхъ напитковъ¹⁾.

И въ продолженіе нѣсколькихъ дней жители Галаца наблюдали рѣдкое чрезвычайно диковинное зрѣлище. По улицамъ города текли водочные ручьи. Различнаго сорта водки и коньяки выносились изъ складовъ и ведрами и бочками выливались прямо на улицы. Возлѣ каждого склада стояли толпы румынъ и оглашали воздухъ неистовыми, веселыми кликами:

- Долой водку, долой дьявольскій напитокъ!
- Да здравствуетъ трезвость!
- Въ трезвости—побѣда!..

Нѣсколько дней текли по Галацу водочные ручьи. Спиртнымъ запахомъ пропитался воздухъ. И, проходя по нѣкоторымъ улицамъ, до сихъ поръ вы его еще слышите.

Нѣсколько дней текли по Галацу водочные ручьи, вливаясь въ Дунай; великая южная рѣка поглотила тысячи ведеръ одурманивающихъ человѣчество напитковъ.

Прибывшій съ передовыхъ позицій въ Галиціи передаетъ о любопытномъ эпизодѣ, свидѣтелемъ котораго онъ былъ²⁾.

Вблизи русинской деревни, попавшей послѣ лѣтняго наступленія въ наши руки, вслѣдствіе порчи мотора, опустился неприятельскій аэропланъ. Аппаратъ спланировалъ надъ полемъ. Изъ него вышли летчикъ и наблюдатель и стали что-то дѣлать у машины.

Въ это время полею проходила группа русинскихъ бабъ. Авиаторы были австріячки и, когда русинки поровнялись съ ними, поздоровались съ бабами. Одинъ говорилъ по-польски и сказалъ имъ:

- Мы ваши, австріячки.

Женщинамъ только этого и надо было. Они окружили ав-

¹⁾ „Бирж. Вѣд.“ 1916 г. № 15966.

²⁾ Тамъ же.

стрийцевъ и первымъ дѣломъ вырвали изъ ихъ рукъ все то, что имъ казалось оружіемъ, между прочимъ, и инструменты, служащіе для починокъ механизма. Бабы заявили австрійцамъ, что взяли ихъ въ плѣнъ и должны отвести къ русскому начальству.

— Мы теперь русскія,—съ гордостью заявили онѣ.

Австрійцы бросались на женщинъ съ оставшимся въ ихъ рукахъ холоднымъ оружіемъ. Одна изъ бабъ была ранена, но женщины не выпускали изъ рукъ ненавистныхъ „австріяковъ“. Имъ удалось совершенно обезоружить послѣднихъ и повести подъ своимъ собственнымъ конвоемъ въ наше расположеніе.

Летчики оказались: одинъ—пилотомъ, австрійскимъ офицеромъ, другой—наблюдателемъ, нижнимъ чиномъ.

Г. Флеро приводитъ данныя о томъ, какъ производилась недавняя атака французовъ у Вердена: атака начинается съ того, что мѣстность засыпается сотнями тысячъ тяжелыхъ снарядовъ, взрывающихся при паденіи на землю. Для защитниковъ даннаго участка не остается никакихъ прикрытій. Затѣмъ, за нѣсколько минутъ до самой атаки, открываютъ огонь болѣе мелкія орудія, 75 и 105 миллиметровыя. Этимъ огнемъ начисто выметается все то, что есть живого въ кратерахъ. Во время первой атаки насчитано было около 20 тысячъ труповъ

Тотчасъ же за завѣсой огня двигается первая волна пѣхоты, вооруженной автоматическими ружьями, при чемъ у каждаго солдата, несущаго ружье, имѣется два помощника для подачи патроновъ и нѣсколько людей съ бомбами. Эти люди въ буквальномъ смыслѣ слѣдуютъ за внутреннимъ краемъ заградительной огневой завѣсы.

Затѣмъ идетъ вторая волна, специально предназначенная для того, чтобы „очищать“ уцѣлѣвшія подземныя убѣжища. Эти люди вооружены бомбами и гранатами. Они, между прочимъ, обязаны брать въ плѣнъ сдающихся и отправлять ихъ назадъ. Наконецъ, третья волна двигается уже значительно позднѣе. Она вооружена, главнымъ образомъ, тяжелыми пулеметами. Если по ходу атаки приходится брать отдѣльные сильно укрѣпленные мѣста и форты, то тогда первые двѣ линіи отступаютъ, и на ихъ мѣсто подходитъ третья линія. Эта же линія обязана бороться съ контръ-атакующими. Обы-

кновенныхъ репетиціонныхъ ружей французы во время атаки почти не употребляютъ.

Движеніе волнъ рассчитывается съ точностью до минуты. Каждый отрядъ двигается со скоростью 25 метровъ въ минуту. Какъ артиллеристы, такъ и пѣхотные офицеры снабжены точными часами на браслетахъ: по этимъ часамъ все исполняется.

Передъ войной очень значительное число представителей торговыхъ и промышленныхъ предпріятій говорили петроградскому обывателю, что въ министерствѣ торговли и промышленности ходатайство о своемъ дѣлѣ русскаго челоуѣка безуспѣшно, а нѣмецкимъ предпріятіямъ дорога скатертью. Недавнее выступленіе служащаго въ министерствѣ за нѣмцевъ, надѣлавшее столько шуму, и недавнее назначеніе въ совѣтъ министерства извѣстнаго поборника московскаго нѣмецкаго электрическаго общества 1886 не идетъ въ разрѣзъ этимъ сѣтованіямъ.

Членъ Государственнаго Совѣта кн. А. М. Эристовъ пишетъ, что въ Кутаисской губ. подлежатъ ликвидаціи германскіе марганцевые рудники, изъ коихъ $\frac{1}{2}$ принадлежитъ заводу Круппа. Марганецъ идетъ на изготовленіе твердой стали. Съѣздъ марганце-промышленниковъ Кутаисской губ., постановившій ходатайствовать передъ министромъ торговли и промышленности о допущеніи ихъ къ соревнованію, въ лицѣ совѣта своего, являющагося аналогичнымъ съ земствами и городскими общественными управленіями установленіемъ, получилъ категорическій отказъ.

Другими соискателями этого колоссальнаго богатства, дѣйствительная цѣна котораго не менѣе 15—20 милліоновъ рублей, фигурируютъ тѣ самые банки съ нѣмецкими капиталами, о которыхъ не далѣе какъ 1 ноября сего года съ трибуны Государственной Думы упоминалъ депутатъ В. М. Пуришкевичъ.

Слышалъ изъ достовѣрныхъ источниковъ очень много ужасающихъ разсказовъ, касающихся современнаго положенія Россіи. Разказы о вліяніи темныхъ силъ таковы, что даже неприемлемы для печати. Передавали, что распоряженія министра земледѣлія для правильнаго передвиженія продовольственныхъ грузовъ отмѣняетъ министръ внутреннихъ дѣлъ.

1) „Нов. Вр.“ 1916—8 дек.

Этотъ же министръ внутреннихъ дѣлъ получаетъ пулеметы для своего министерства изъ тѣхъ транспортовъ оружія, которымъ надлежало слѣдовать на фронтъ.

Свѣдѣнія изъ другого источника таковы, что Германія шлетъ десятки милліоновъ на подкупъ главарей крайнихъ партій въ довольно искусномъ видѣ: въ формѣ товаровъ, которые послѣ продажи идутъ на агитацію для прусскаго короля. Кажется, что ужь безъ того достаточно въ Россіи германскихъ шпионовъ, производящихъ громадныя опустошенія правильной организаціей взрывовъ заводовъ, артиллерійскихъ транспортовъ и запасовъ со взрывчатыми веществами. На позиціяхъ германцы встрѣчаютъ вновь прибывающія части съ выкрикиваніемъ нумеровъ этихъ частей. Мясоѣдовыхъ довольно внутри Россіи.

По даннымъ третьяго источника, противъ Россіи ведетъ самую усиленную агитацію всемірный союзъ еврейскаго масонства, имѣющій въ своихъ рукахъ всѣ капиталы, печать и умѣющій искусно пользоваться всѣми политическими организаціями, вожди которыхъ являются простыми пѣшками въ рукахъ этого союза.

Потрясеніе Христіанской вѣры и любви къ родинѣ есть основы этого всемогущаго союза. Однимъ изъ условій разрѣшенія земельного вопроса организаціи эти считаютъ отнятіе земли у образованныхъ людей. Уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ масса нашего образованнаго общества попалась на эту удочку. Они смѣшали борьбу съ самодержавіемъ, борьбой съ исторіей Россіи, ея вѣрой и вытравили изъ многихъ сердець любовь къ родинѣ, къ родной вѣрѣ. Въ этомъ отношеніи главная роль принадлежала графу Льву Николаевичу Толстому, и вотъ почему отецъ Іоаннъ Кронштадтскій назвалъ Толстого—антихристомъ.

Когда я записывалъ эти строки, то я вспоминалъ слова одного господина о проигрышѣ войны. Кажется, слова эти я занесъ въ свои замѣтки. Онъ сказалъ, что войну проиграетъ та сторона, въ которой раньше произойдетъ революція. Приводимъ эти слова для настоящаго положенія Россіи.

Усилія масоновъ и Германіи къ производству переворота и развалу Россіи несомнѣнны. Правительство своимъ покровительствомъ темнымъ силамъ, своимъ неумѣніемъ создать твердую объединяющую все управление власть, поставленіемъ на высокіе посты завѣдомо бездарныхъ людей, общей разрухой страны, крайней репрессіей печати ведетъ быстро страну къ перевороту.

Если бы къ кормилу правленія своевременно былъ призванъ графъ Витте, то можетъ быть быстрый темпъ событій нѣсколько замедлился.

Что же дѣлала по сіе время 4-я Государственная Дума и ея прогрессивный блокъ? Она всѣми силами расшатывала существующую власть. Разрушала, но ничего не создала. Необходимо для нея, не взирая ни на какія препятствія, образовать теперь же отвѣтственное министерство. Если Дума этого не сдѣлаетъ, то она пропала. Крайнія организациі ея поглотятъ. У ней нѣтъ такихъ сильныхъ рабочихъ и подпольныхъ союзовъ, какъ у вождей крайнихъ партій. Она не можетъ дѣлать такихъ посуловъ и обѣщаній толпѣ, какъ лидеры лѣвыхъ партій. Въ одномъ только прогрессивный блокъ и лидеры лѣвыхъ сходны: у нихъ нѣтъ государственныхъ людей.

Подготовка къ перевороту сдѣлана вполнѣ всѣми этими людьми и партіями. Нужна только искра, чтобы взорвать тотъ пороховой погребъ, которымъ называется Россія и которому предстоитъ вѣроятно пережить ужасныя событія, генеральной репетиціей которыхъ былъ 1905 годъ, со всѣми послѣдствіями, какія послѣдовали въ концѣ японской войны, разваломъ арміи и флота, проигрышемъ войны и пугачевщиной въ деревнѣ.

Г. Григоровичъ передаетъ интересныя подробности о недавнихъ¹⁾ дѣйствіяхъ бронированнаго автомобиля „Пушкарь“.

Наши бронированные автомобили всегда были страшилищемъ для нѣмцевъ, но въ послѣднее время изрыгающія огонь и сталь желѣзныя чудовища стали наводить прямо-таки паническій ужасъ на непріятеля.

О подвигахъ броневиковъ мало знаютъ, они, конечно, теряются въ огромной массѣ общаго крупнаго успѣха, и когда говорятъ о большихъ продвиженіяхъ, рисуя картины колоссальныхъ сраженій на фронтѣ въ сотни верстъ, нѣтъ возможности останавливаться на единичныхъ боевыхъ эпизодахъ.

Но порою эти эпизоды настолько величественны, настолько героически возвышенны, что нельзя обойти ихъ молчаніемъ.

Къ такимъ эпизодамъ, выдающимся по своей исключительности, относятся и нѣсколько случаевъ изъ боевой жизни бронированнаго автомобиля „Пушкарь“, принадлежащаго къ N-скому пулеметному автомобильному взводу.

¹⁾ „Веч. Вр.“ 1916 г. № 1685.

Весь взводъ искренно и радостно привѣтствовалъ извѣстіе о томъ, что ему приказано участвовать въ одномъ изъ послѣднихъ наступленій.

Автомобили должны были подъѣхать къ окопамъ нашей передовой линіи и поддержать своимъ огнемъ движеніе нашихъ цѣпей впередъ, когда онѣ двинутся въ атаку.

Командиръ взвода, подполковникъ Г., объяснивъ всѣ данныя задачи, назначилъ часъ выступленія.

Но еще задолго до указаннаго времени всѣ офицеры были на своихъ мѣстахъ и машины приготовлены къ походу.

Въ одиннадцать часовъ вечера раздалась команда: впередъ! и машина одна за другой двинулись на позиціи.

Впереди шель бронированный автомобиль „Пушкарь“, подъ командою поручика Х.-Б.

Черезъ часъ „Пушкарь“ прибылъ къ окопамъ и остановился, укрывшись въ лоцинѣ, въ ожиданіи момента, когда ему нужно будетъ выступить.

Въ непріятельскихъ окопахъ очевидно нервничали. Поминутно раздавалась разрозненная трескотня ружейныхъ и пулеметныхъ выстрѣловъ...

У насъ сумрачно молчали.

Такъ въ напряженномъ ожиданіи тянулись часы...

Вдругъ гулко прогремѣлъ первый выстрѣлъ съ нашей стороны. Точно по сигналу заговорили наши батареи, застонала, загудѣла земля, воздухъ наполнился свистомъ и воемъ снарядовъ... Звуки выстрѣловъ и разрывовъ перемѣшались, казалось, что стонетъ и дрожитъ земля.

Между тѣмъ разсвѣло...

Бронированный автомобиль „Пушкарь“ вышелъ изъ лоцины при первыхъ же нашихъ орудійныхъ выстрѣлахъ и началъ обстрѣлъ своего участка.

Такъ это продолжалось до 10 часовъ утра, когда наша пѣхота вышла изъ окоповъ и двинулась въ атаку.

Вмѣстѣ съ нею тронулъ впередъ и „Пушкарь“.

Несмотря на убійственный огонь непріятельскихъ пулеметовъ, наши батареи вскорѣ оказались во вражескихъ окопахъ, и заработали штыки!..

Группа непріятельскихъ солдатъ, оставшаяся незамѣченной, стала бить во флангъ смѣшавшихся бойцовъ.

„Пушкарь“, замѣтивъ—въ одно мгновеніе смелъ эту группу. Затѣмъ бронированный автомобиль, оставляя нашу пѣхоту

довершать начатое такъ успѣшно дѣло, перенесъ свой огонь на вторую линію непріятельскихъ окоповъ.

Открывъ огонь, онъ продолжалъ его безостановочно. Отъ шума мотора, грохота орудія и треска пулеметовъ не было слышно даже командъ, приходилось кричать на ухо другъ другу...

Люди задыхались отъ жары и порохового дыма, но продолжали бить по ненавистнымъ окопамъ...

Наконецъ, артиллерія противника замѣтила „Пушкаря“, и автомобиль былъ буквально засыпанъ снарядами.

Но обстрѣливаемый и полузасыпанный землею „Пушкарь“ ни на минуту не оставлялъ своей работы, пока не выпустилъ послѣдняго снаряда, тогда только онъ на короткое время оставилъ поле битвы, чтобы возобновить запасъ снарядовъ и патроновъ и перемѣнить воду у пулеметовъ.

Цѣлый день потомъ „Пушкарь“ снова находился въ бою.

Подъ вечеръ ему было отдано приказаніе удалиться на другой участокъ и отражать здѣсь ожидающіяся контръ-атаки непріятеля.

Задачу эту „Пушкарю“ пришлось выполнить подъ проливнымъ дождемъ, превратившимъ дорогу въ сплошное болото и наполнившимъ водою воронки отъ снарядовъ по шоссе.

Несмотря на трудную дорогу и свой тяжелый вѣсъ, „Пушкарь“ преодолѣлъ всѣ препятствія и, казалось, дошелъ до цѣли.

Но тутъ случилось несчастье.

Отъ чрезмѣрной и напряженной работы мотора лопнула передаточная цѣпь и машина стала. Непріатель, освѣтившій мѣстность ракетами, замѣтилъ присутствіе бронированнаго автомобиля и осыпалъ его градомъ снарядовъ.

Положеніе было поистинѣ критическое.

Тогда поручикъ Х.-Б., не обращая вниманія на сыпавшійся кругомъ градъ пуль, вышелъ изъ машины и лично подъ убійственнымъ огнемъ исправилъ цѣпь.

Автомобиль двинулся впередъ и прибылъ на позицію какъ разъ въ тотъ моментъ, когда началась контръ-атака противника.

Теперь заговорилъ „Пушкарь“... Но отъ дыма и пламени, извергаемаго своимъ орудіемъ и пулеметами, стало невозможнымъ наблюдать свои разрывы.

Тогда, чтобы лучше корректировать стрѣльбу, поручикъ Х.-Б. вышелъ изъ машины, чтобы найти какое-нибудь возвы-

шенное мѣсто, но, не пройдя и двадцати шаговъ, упалъ раненый осколкомъ разорвавшагося снаряда.

Прислуга автомобиля бросилась къ нему. Но онъ всѣхъ отослалъ по своимъ мѣстамъ и, преодолевая ужасную боль отдавалъ приказанія до окончанія боя.

„Пушкарь“, дышавшій огнемъ, сметалъ огнемъ наступавшаго врага... Команда, обозленная раненіемъ своего командира, съ ожесточеніемъ слала противникамъ лавины губительнаго свинца...

Отбитый врагъ хлынулъ обратно... Атака была отражена. По возвращеніи изъ боя ослабѣвшаго поручика Х.-Б. отправили въ госпиталь. Но на другой день онъ на костыляхъ вернулся къ своему отряду.

— Откуда вы?—обступили его товарищи.

— Шш... удралъ изъ лазарета!..

Его стали убѣждать возвратиться обратно, но онъ только отрицательно качалъ головою.

— Нѣтъ, ужъ я останусь съ „Пушкаремъ“!

И на другой день съ костылями забрался въ машину и снова отправился въ бой.

9 декабря. На румынскомъ фронтѣ успѣхъ переменный для обѣихъ сторонъ.

Г. Днѣпровъ въ „Русскомъ Словѣ“ сообщаетъ удивительное извѣстіе:

Италія въ греческомъ кризисѣ держится странно, выступая чуть ли не въ роли покровительницы аѣинскаго правительства. Итальянскій посланникъ демонстративно остается въ столицѣ, вызывая общее осужденіе въ союзныхъ кругахъ.

Г. Бѣльскій сообщаетъ („Н. Вр.“ № 14643) о невозможной фальсификаціи продуктовъ въ Петроградѣ:

Ничѣмъ не прикрытая и все растущая фальсификація различныхъ продуктовъ достигла у насъ такихъ размѣровъ, которые явно угрожаютъ народному здравію.

Дороговизна заставляетъ не считаться съ качествомъ товара, а брать все, что даютъ. Для огромнаго большинства семей необходимость экономить каждый гривенникъ создаетъ такое безвыходное положеніе, при которомъ поневолѣ приходится приобрѣтать различные суррогаты и еще чуть ли не благодарить господъ отравителей, доставляющихъ сравнительно дешовый товаръ.

Чай, напимѣрь, постепенно вытѣсняется подкрашенными березовыми листьями, вмѣсто кофе на рынокъ поступають тысячи пудовъ искусственныхъ зеренъ, въ составъ которыхъ входятъ мука, клей и краски, по рецептамъ, распространявшимся еще до войны заграничными поставщиками такъ называемыхъ кофейныхъ машинъ. Честь изобрѣтенія послѣднихъ принадлежитъ нѣмцамъ, и нѣкоторое понятіе о широтѣ этого производства можетъ дать то обстоятельство, что въ 1914 г. въ Германіи насчитывалось свыше двадцати заводовъ, изготовляющихъ исключительно машины для выдѣлки зеренъ изъ глины, гѣста, древесной массы и проч. Та черная и коричневая бурда, которую мы пьемъ подъ видомъ кофе, представляетъ чаще всего медленно дѣйствующую отраву, такъ какъ заключаетъ изрядную дозу анилиновыхъ красокъ.

Во многихъ случаяхъ ничѣмъ не сдерживаемые и никѣмъ не контролируемые поддѣльватели доходятъ до такой разнузданности, что каждый покупатель безъ всякихъ анализовъ немедленно убѣждается въ томъ, что его обманули самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Въ Петроградѣ по два рубля за фунтъ продавались леденцы, въ которыхъ не было ничего, кромѣ клея и фуксина. Населеніе столицы въ короткое время раскупило огромное количество этихъ конфетъ, надѣясь замѣнить ими недостающій сахаръ. Эта мошенническая операція, въ которой участвовали крупныя фабрики, прошла для поддѣльвателей совершенно безнаказанно и не обратила ничьего вниманія. Самъ обыватель въ такихъ случаяхъ предпочитаетъ молчать, такъ какъ твердо увѣренъ въ бесполезности всякихъ жалобъ и заявленій. Тотъ же недостатокъ сахара заставляетъ его, напимѣрь, безропотно платить ни съ чѣмъ не сообразныя цѣны за скверное сахарное и паточное варенье, хотя всѣмъ извѣстно, что лѣтомъ столичные кондитеры получили двѣсти вагоновъ сахара для варки варенья, съ обязательствомъ продавать послѣднее не выше установленной таксы. Въ дѣйствительности случилось такъ, что эти сотни тысячъ пудовъ сахара оказались огромной преміей, неизвѣстно за что полученной сладкими фабрикантами, которые и безъ того сыты выше горла.

О таксъ всѣ, какъ водится, немедленно забыли, и во всѣхъ лавчонкахъ и магазинахъ фунтъ варенья продается въ десять и двадцать разъ дороже себѣстоимости.

Несравненно болѣе важное значеніе для народнаго питанія имѣетъ растущая фальсификація муки; въ Петроградѣ въ

послѣднее время появились въ продажѣ такіе ея сорта, изъ которыхъ невозможно выпечь хлѣба. Замѣщанное тѣсто не поднимается и превращается въ окаменѣвающую массу, съ минеральнымъ запахомъ и противнымъ горькимъ вкусомъ. Однако и этотъ суррогатъ муки находитъ огромный спросъ, такъ какъ выбирать не изъ чего. Въмѣсто масла на всѣхъ рынкахъ продается подкрашенное сало, какое раньше употреблялось на выдѣлку мыла и свѣчей. О молокѣ и говорить не приходится. Въ чистомъ видѣ оно составляетъ величайшую рѣдкость или роскошь, доступную немногимъ. Любопытно, что начали поддѣлывать даже такіе продукты, какъ рисъ. Подъ этимъ названіемъ все большее распространіе получаетъ искусственный продуктъ изъ крахмала, который быстро разваривается въ клейкую вязкую массу.

Питаніе народа падаетъ не только вслѣдствіе недостатка или отсутствія продуктовъ, но еще и потому, что безчестная торговля заставляетъ злосчастныхъ потребителей замѣнять питательные продукты никуда негодными или ядовитыми смѣсями съ химическими фабрикатами.

Можетъ быть на этотъ видъ убійственной промышленности обратитъ вниманіе новое министерство народнаго здравоохраненія, все еще занятое составленіемъ своихъ штатовъ.

Чье-нибудь энергичное вмѣшательство здѣсь необходимо, такъ какъ господа отравители съ каждымъ днемъ все шире и шире развиваютъ свою дѣятельность и ни передъ чѣмъ не остановятся во имя наживы.

10 декабря. Извѣстія не изъ пріятныхъ: Въ Добруджѣ въ виду атаки превосходныхъ силъ противника наши части, оказавъ сопротивленіе, начали отходъ къ сѣверу.

11 декабря. Въ раіонѣ Рымника наши передовые отряды потѣснены и въ Добруджѣ наши войска отходятъ къ сѣверу.

Изъ Москвы сообщаютъ ¹⁾ о выходкѣ предсѣдателя особаго управленія общества 1886 г. Сегодня городской голова обратился къ градоначальнику съ просьбой опровергнуть утвержденіе предсѣдателя особаго управленія общества 1886 года Свенторжецкаго, будто бы на совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ б. премьера Б. В. Штюмера и въ присутствіи градоначальника М. В. Челнокомъ соглашался съ тѣмъ, что подъ

¹⁾ „Нов. Вр.“ 1916—11 декабря.

управленіемъ этого особаго правленія дѣла общества идутъ прекрасно. Ничего подобнаго на этомъ совѣщаніи городской голова не утверждалъ.

Корреспондентъ „Вечерняго Времени“¹⁾ сообщаетъ интересный разсказъ одного изъ участниковъ настоящей войны.

Мы подъѣзжали къ станціи П., послѣднему пункту, до котораго доходятъ поѣзда.

Въ купэ насъ было четыре человѣка: капитанъ въ кожаной курткѣ, оправившійся отъ ранъ прапорщикъ, сестра милосердія и я.

— Нѣтъ, я вамъ скажу, — продолжалъ прапорщикъ начатый разговоръ, — что страшное на войнѣ не въ опасности, не въ смерти, даже не въ страданіяхъ, а въ чемъ-то другомъ. Трудно сказать, въ чемъ.

Когда я въ первый разъ сѣлъ въ окопъ и около меня убило пулей въ лобъ солдата, я не ощутилъ ни малѣйшаго страха. Я просто сказалъ: оттащите его, что онъ здѣсь валяется.

Когда я прокрался въ непріятельскую цѣпь, насъ замѣтили и стали стрѣлять, я тоже не испугался. Но вотъ случай, который останется въ моей памяти на всю жизнь.

Это было на Стоходѣ; мы стремительной атакѣй выгнали нѣмцевъ изъ занятаго ими имѣнія.

Они устроились тамъ хорошо, разсчитывая, очевидно, пробыть долго. Разбили цвѣтникъ, устроили огороды. Усадьба имѣла живой, цвѣтушій видъ.

Напали мы ночью. Нѣмцы сопротивлялись, потомъ бѣжали. Повсюду надъ нами рвались ракеты, снаряды, широкая площадь освѣщалась краснымъ заревомъ пожара.

Я какъ-то отбился отъ своихъ и очутился около дома.

Домъ большой, каменный; огни въ окнахъ были потушены. Я хотѣлъ сначала разбить окно, но потомъ рѣшилъ искать двери.

У меня промелькнула мысль о томъ, что можетъ быть тамъ у нихъ спрятались женщины и было бы нехорошо заявиться варваромъ и перепугать ихъ. Мое воображеніе настроилось на романической ладъ.

Я съ замираніемъ сердца прислушался къ удалявшимся выстрѣламъ, пламя пожара плясало на темныхъ деревьяхъ парка и освѣщало заднюю часть дома, выходившую въ садъ.

1) „Веч. Вр.“ 1916 № 1687.

Я замѣтилъ дверь, ведущую внизъ, и мигомъ сбѣжалъ по ступенькамъ.

У меня не было никакого страха. Не было даже осторожности. Я не подумалъ о томъ, что въ темнотѣ можетъ кто-то на меня броситься и всадить въ бокъ штыкъ.

У меня было ощущеніе, похожее на то, когда я одинъ разъ на святкахъ въ игрѣ въ прятки бросился искать въ темной проходной дѣвочку, которую я по-дѣтски любилъ. Я тогда боялся темноты. Но въ тотъ моментъ темнота была для меня чѣмъ-то невѣдомо прекраснымъ, сулившимъ неиспытанное еще счастье столкнуться въ темнотѣ, быть можетъ, нечаянно обнять ту, чье прикосновеніе къ рукѣ вызываетъ острое чувство новаго незнакомаго для мальчика наслажденія.

Я вошелъ въ темный досчатый корридоръ и ошупью пошелъ по немъ. Электрическій мой фонарикъ куда-то пропалъ, и я, шаря одной рукой по стѣнѣ, а другой по карманамъ, никакъ не могъ найти его.

Наконецъ, я попалъ куда-то, очевидно въ жилое помещеніе. Окна были завѣшены. На занавѣскахъ трепетали отблески пламени.

Глаза, привыкшіе къ темнотѣ, уже различали очертанія большой низкой со сводами комнаты. И одна за другой подробности обстановки вырисовывались предо мной. Здѣсь были широкіе диваны, мягкія кресла, ковры, очевидно, принесенные съ верхняго этажа, чтобы имѣть подъ сводами болѣе надежную защиту отъ снарядовъ. Я осторожно оглядывался и искалъ присутствія прекрасной незнакомки, но все было тихо. Тихо, какъ въ могилѣ. И вдругъ мнѣ стало жутко.

Проходя мимо стола и дивана, я споткнулся, и мнѣ показалось, что я споткнулся о чью-то ногу.

Я схватился за револьверъ и сталъ испуганно оглядываться. На столѣ блестяла какая-то металлическая вещь, около нея на диванѣ что-то темнѣло.

Я быстро отдернулъ занавѣску и вдругъ увидѣлъ тусклый блескъ чьихъ-то глазъ, направленныхъ на меня.

Блестящій предметъ на столѣ оказался телефономъ, а темный силуэтъ—былъ человѣкъ.

— Кто здѣсь?

Молчаніе. Человѣкъ сидитъ спокойно.

— Если вы двинетесь, то я васъ убью!

Молчаніе. Глаза смотрятъ на меня въ упоръ.

Нечаянно я ошупалъ въ боковомъ карманѣ фонарикъ и освѣтилъ его.

Передо мной былъ трупъ съ открытыми мутными глазами, сидѣвшій на диванѣ.

Глаза смотрѣли на меня.

Я говорилъ съ нимъ, когда онъ былъ мертвъ, и въ этомъ было что-то невыразимо страшное, я едва выбрался изъ подвала.

— Да, имѣть дѣло съ мертвецами, принимая ихъ за живыхъ, это бываетъ чертовски неприятно,—сказалъ капитанъ.— И что за странность: всадить штыкъ или пулю въ живого человѣка гораздо легче и никакихъ неприятныхъ воспоминаній не вызываетъ.

Вы знаете дорогу отъ П., гдѣ озера, на Л., гдѣ въ рѣдкомъ сосновомъ лѣсу нарыты круглыя, глубокия ямы.

Мы всѣ знали эти ямы.

— Это волчьи ямы. Въ каждой такой ямѣ посрединѣ вбитъ заостренный коль.

Во время июльскаго отступленія нѣмцевъ, я отсталъ и заблудился. Наступила ночь, я рѣшилъ ждать и никуда не ходить. Когда забрезжилъ разсвѣтъ, я сталъ оглядываться и вдругъ смутно увидѣлъ человѣческую голову на уровнѣ земли. Кто-то, забравшись въ углубленіе, очевидно, осматривалъ, нѣтъ ли вокругъ него врага.

Что это былъ нѣмецъ, я сразу безотчетно почувствовалъ.

Теперь вопросъ, кто кого сперва убьетъ: онъ меня или я его.

Я приложился, навелъ на средину лба и спустилъ затворъ.

Выстрѣлъ прозвучалъ сухо. Голова торчала почти также. Я осторожно подошелъ. Въ ямѣ, на колу сидѣлъ провалившійся туда человѣкъ, и въ мертвомъ холодномъ лбу его было черное мертвое отверстіе отъ моей пули.

— А я вотъ чего не могу забыть, — сказала сестра милосердія.

Мы оглянулись на нее. Что она еще собирается рассказать?

— На моихъ глазахъ, когда солдатъ несъ къ орудію снарядъ, ему оторвало голову, и мы увидѣли, какъ туловище, уронивъ снарядъ, замахало руками, какъ будто ему не доставало воздуха или оно искало за что бы удержаться.

Нѣсколько минутъ мы молчали.

Да, это забыть нельзя.

12 декабря. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ наши войска овладѣли окопами противника на высотахъ къ сѣверу отъ рѣки Уса, взято 3 пулемета и 105 плѣнныхъ.

На румынскомъ фронтѣ продолжаются ожесточенные бои въ районѣ Гальбденуль—Дрогуль.

Въ Добруджѣ противникъ продолжалъ атаковать наши части, отходящія къ Исакчѣ.

Наиболѣе интересная статья посредничества о мирѣ Вильсона гласить:

„Для достиженія великой цѣли, къ которой онъ стремится, всѣ способы одинаково приемлемы для него, и онъ позволяетъ себѣ обратить вниманіе на тотъ фактъ, что *имли, къ которымъ государственные дѣятели обѣихъ воюющихъ сторонъ стремятся въ этой сойтѣ, по существу одинаковы*, на что въ общихъ чертахъ и указывалось *ими ихъ народамъ и всему міру*. Каждая сторона желаетъ сдѣлать вопросы права и привилегій слабыхъ народовъ и малыхъ государствъ столь же обезпеченными противъ агрессивныхъ дѣйствій или отрицанія ихъ въ будущемъ, какъ права и привилегіи великихъ могущественныхъ державъ, участвующихъ *нынѣ въ войнѣ*“.

Если бы мистеръ Вильсонъ былъ подальновиднѣй, то онъ не написалъ бы, въ угоду нѣмцамъ, такихъ глупыхъ словъ, которыя приведутъ въ ярость всѣ державы согласія. Развѣ есть что-нибудь общее съ тѣми цѣлями, которыя преслѣдуютъ державы согласія, и тѣми разбойничьими выпадами, которые преслѣдуютъ Германія и ея достойные союзники. Имѣетъ ли какое право Германія говорить о правахъ и привилегіяхъ слабыхъ народовъ послѣ всего того, что она сдѣлала въ эту войну.—Поставить на общую доску нѣмцевъ и ихъ присныхъ съ державами согласія значить сравнить черта съ ангеломъ.

13 декабря. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ нашими войсками отражены всѣ контръ-атаки противника на занятые наканунѣ высоты. Взято въ плѣнъ 8 офицеровъ, 218 нижнихъ чиновъ.

На румынскомъ фронтѣ въ районѣ рѣки Касина и горы Вранчя противникъ продолжалъ наступленіе и потѣснилъ мѣстами румынскія части.

Къ сѣверу отъ шоссе Бузео—Рымникъ наши войска сбили противника съ занятой ими высоты, но вскорѣ вновь должны были ее оставить.

Въ Добруджѣ лѣвое крыло нашихъ войскъ оставило Исакчу и Тульчу, которыя заняты противникомъ.

По берлинскимъ официальнымъ сообщеніямъ русскіе перешли въ наступленіе отъ долины Уса и укрѣпились на Мадьярскихъ высотахъ.

14 декабря. На молдавской границѣ въ долину рѣки Касина румынскія войска лихой атакой вернули одну изъ утерянныхъ ими вчера высотъ.

На румынскомъ фронтѣ въ верховьяхъ рѣки Сушица и въ районѣ Драгослаце атаки противника отбиты контръ-атаками румынъ.

Въ долину рѣки Кильнау всѣ атаки противника отбиты нашимъ огнемъ. Отбиты также атаки значительныхъ силъ противника на фронтѣ Филипешти—Лишкотянка.

По полученнымъ свѣдѣніямъ, артиллерійское состязаніе на двинскомъ фронтѣ дѣлается все болѣе и болѣе напряженнымъ. Наша артиллерія, развивая мѣткій огонь, успѣшно отражаетъ всѣ пѣхотныя атаки, которыя непріятель пытается производить подъ прикрытіемъ сильнаго артиллерійскаго обстрѣла.

Работа нашей артиллеріи настолько успѣшна, что за послѣдніе дни ею на нѣкоторыхъ районахъ фронта разрушены непріятельскіе блокгаузы, загражденія и другія фортификаціонныя укрѣпленія врага, при чемъ артиллеріи удалось также подбить нѣсколько вражескихъ батарей. На Двинѣ энергично работаютъ наши развѣдчики, непрерывно тревожащіе врага, заставляя его быть въ постоянномъ напряженіи.

Французскій сенатъ тоже повелъ кампанію въ закрытыхъ засѣданіяхъ противъ Бриана. Кампанія эта потерпѣла неудачу и сенатъ принялъ знаменательную формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ большинствомъ 190 голосовъ противъ 57. Очень пріятно привѣтствовать эту побѣду Аристиды Бриана, ревностнаго друга Россіи. Говорятъ, что Жоффру улаживаютъ отчисленіе маршалскимъ жезломъ.

Подводная война Германіи лишила жизни 1000 американскихъ гражданъ, потопила нѣсколько десятковъ американскихъ судовъ и истребила имущества американскихъ гражданъ на сотни милліоновъ¹⁾. Не имѣли ли эти цифры вліянія на появленіе ноты мистера Вильсона?

¹⁾ „Рус. Сл.“ 1916 г. № 287.

Сотрудники „Рѣчи“ встрѣтили самыми грязными, несправедливыми, наглыми окликами новую книгу „Russian Memoires“ Ольги Алексѣевны Новиковой, стремясь во что бы то ни стало приравнять къ нулю ея высокую и неустанную дѣятельность по сближенію Англии съ Россіей. Вѣдь она была главнымъ Апостоломъ этого сближенія въ Англии, гдѣ Ольгу Алексѣевну такъ высоко чтутъ.

Французское правительство въ ознаменованіе услугъ, оказанныхъ генераломъ Жоффромъ, постановило пожаловать ему званіе маршала Франціи.

16 декабря. На молдавской границѣ противникъ перешелъ въ наступленіе на фронтъ отъ д. Глясхютте до Сесмезо и занялъ рядъ высотъ къ сѣверу и югу отъ р. Дофтяны и р. Ойтузь.

Весь переваль къ югу отъ Атамана (южнѣе Вана) занятъ нами.

Послѣ упорнаго сопротивленія наши части принуждены были отойти за р. Рымникъ.

Атаки противника къ югу до Дуная отбиты, при чемъ въ отраженіи атаки приняли участіе англійскіе броневые автомобили.

Въ Добруджѣ атаки противника отбиты нашимъ огнемъ за исключеніемъ д. Рагель.

Можно утверждать съ полной достовѣрностью, что до тѣхъ поръ, пока дипломатія державъ согласія не предложитъ Греческому Константину и его супругѣ послѣдовать примѣру Оттона Баварскаго—толку для насъ не будетъ никакого.

Среди германскихъ плѣнныхъ, взятыхъ за послѣднее время, находится много плѣнныхъ съ высшимъ и среднимъ образованіемъ. Высокій процентъ образованныхъ людей объясняется тѣмъ, что до настоящаго времени, пока резервы Германіи не истощились окончательно, большинство молодыхъ людей интеллигентныхъ профессій укрывалось въ разныхъ учрежденіяхъ, работающихъ на оборону.

Германское правительство, не желая растрчивать эти цѣнныя силы, смотрѣло сквозь пальцы на уклоненіе ихъ отъ вступленія въ ряды арміи и не спѣшило съ призывомъ ихъ.

Съ выступленіемъ Румыніи и переходомъ командованія къ Гинденбургу положеніе измѣнилось. Фельдмаршалъ потре-

боваль для своихъ комбинацій свѣжіе резервы, въ чемъ германское правительство не могло отказать. Всѣ молодые интеллигентные люди въ возрастѣ отъ 17 до 40 лѣтъ были взяты изъ учреждений, работающихъ на оборону, и послѣ кратковременной подготовки отправлены на фронтъ; всѣхъ ихъ замѣнили женщинами; въ тѣхъ же учрежденіяхъ, гдѣ замѣна оказывалась невозможной, нѣкоторыхъ лицъ временно оставляли на своемъ посту, пока женщина-замѣстительница не освоится съ возлагаемыми на нее обязанностями.

По мнѣнію плѣнныхъ, полнѣйшее отсутствіе резервовъ и боязнь поголовнаго истребленія интеллигенціи заставили германское правительство обратиться къ державамъ согласія съ предложеніемъ о мирѣ.

Государственная Дума большинствомъ 158 противъ 7 чело­вѣкъ постановила исключить изъ состава Гос. Думы депутата Лѣмпицкаго, подвизающагося въ Польшѣ за интересы Германіи и подписавшаго воззваніе къ Вильсону противъ Россіи, какъ члена Гос. Думы. Думское польское коло уже давно исключило его изъ своей среды, но крайніе лѣвые: Керенскій, Янушкевичъ, Чхеидзе и еще 3 депутата яростно защищали Лѣмпицкаго.

Ну, можно ли придумать что-либо наглѣе распоряженія германскаго правительства о репрессіяхъ противъ нашихъ плѣнныхъ за безчеловѣчное обращеніе Россіи съ плѣнными нѣмцами при постройкѣ Мурманской дороги и въ Вятской губ. ¹⁾.

17 декабря. На молдавской границѣ въ долину рѣки Ойтузь наступленіе противника продолжается, идутъ бои за обладаніе высотами къ востоку отъ Сесмезо.

На румынскомъ фронтѣ въ районѣ Кіождени и Костомиру (къ сѣверу отъ Рымника-Серать) всѣ атаки румынами отбиты. Наши и румынскія части отбили всѣ атаки противника на берегу рѣки Рымникъ.

У с. Филипешти нами отбита атака противника.

Въ Гос. Думѣ были произнесены страстныя рѣчи о внутреннемъ положеніи Россіи. Было бы безконечно разумнѣй: не говорить, а требовать рѣшительно отвѣтственнаго министерства. Скоро и это уже запоздаетъ.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 1916 г. 16 дек.

Обсуждая послѣднее мѣропріятіе правительства, касающееся преобразованія верховнаго командованія, „Journal“ говоритъ, что генераль Жоффри, получившій всѣ высшія военныя отличія, не будетъ болѣе принимать дѣятельнаго участія въ военныхъ событіяхъ.

Въ настоящее время декретъ отъ 13 декабря 1916 года, назначающій генерала Жоффра военно-техническимъ совѣтникомъ правительства, отмѣненъ. Генераль Ліотэ, новый военный министръ, становится во главѣ всѣхъ дѣйствующихъ силъ. Генералы Нивелль и Саррайль становятся независимыми другъ отъ друга, но подчинены власти Ліотэ. Взглядъ правительства на ближайшій планъ военныхъ дѣйствій рѣзко измѣнился.

18 декабря. Нѣмцы продолжаютъ нажимать на румынскій фронтъ и въ особенности на его правый флангъ. Сообщаютъ объ перевозкѣ нѣмецкихъ войскъ на Салоникскій фронтъ.

Наша артиллерія на двинскихъ участкахъ за послѣднее время довольно ожесточенно обстрѣливала расположеніе противника и, какъ передаютъ, въ германскихъ загражденіяхъ нашей артиллеріей продѣланы большія бреши. Непритель обнаруживалъ попытки задѣлать эти бреши, но мы огнемъ разгоняли непрительскія рабочія команды.

Профессоръ Берлинскаго университета, другъ Вильгельма и совѣтникъ кайзера по русскимъ дѣламъ, бывшій помѣщикъ Курляндской губ. Шиманъ въ интервью съ сотрудникомъ стокгольмской газеты „Aftonbl.“ такъ излагаетъ свои взгляды на условія мира между воюющими державами: „Трудно сказать, послѣдуетъ ли миръ теперь же или державамъ центрального союза придется перейти Двину, занять Бессарабію и часть сѣверной Италіи, чтобы убѣдить противниковъ въ бесполезности ихъ сопротивленія. Съ моей точки зрѣнія, чисто объективной, нашимъ врагамъ удобнѣе всего начать мирныя переговоры именно теперь ¹⁾“.

Такъ вотъ каковы планы нѣмцевъ на 1917 г.—переходъ черезъ Двину и занятіе Бессарабіи. Господинъ Шиманъ, повѣренный завѣтныхъ мечтаній Вильгельма, передаетъ эти мечтанія.

19 декабря. На румынскомъ фронтѣ бои идутъ съ перемѣннымъ успѣхомъ.

¹⁾ „Бирж. Вѣд.“ 1916 года, № 15988.

Предсѣдатель чрезвычайной слѣдственной комиссіи, первоприсутствующій сенаторъ А. Н. Кривцовъ считаетъ необходимымъ довести до всеобщаго свѣдѣнія нижеслѣдующіе факты¹⁾, рисующіе отношеніе болгаръ къ Россіи и русскимъ военноплѣннымъ, бѣжавшимъ въ Болгарію изъ австро-германскаго плѣна или пригнанныхъ туда изъ Германіи и Австріи для различныхъ работъ:

1) въ германской газетѣ „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ отъ 20 октября 1916 года былъ помѣщенъ слѣдующій приказъ по арміи болгарскаго главнокомандующаго Жекова: „на сторонѣ нашихъ заклѣтыхъ враговъ, равно какъ на Салоникскомъ и Добруджскомъ фронтахъ, противъ насъ сражаются русскія войска, наши, такъ называемые, „освободители“. Болѣе того, въ нашемъ распоряженіи имѣются неопровержимыя доказательства того, что русскія войска соперничаютъ съ валахами въ учиненіи своихъ позорныхъ злодѣяній надъ мирнымъ населеніемъ. Пусть эти позорныя дѣянія возбудятъ ужасъ и откроютъ глаза тѣмъ, которые въ своей слѣпотѣ не могли вѣрить, что русскіе—такіе же непримиримые наши враги, какъ другіе, и что всегда ихъ цѣлью было порабощеніе Болгаріи. Вырвемъ же разъ навсегда изъ нашихъ переполненныхъ отвращеніемъ сердець всякій слѣдъ чувства признательности за прошлое“ и

2) по показанію допрошеннаго, въ качествѣ свидѣтеля, бѣжавшаго изъ Сербіи рядового Григорія Руденко, болгарскіе воинскіе чины плохо относятся къ бѣжавшимъ изъ плѣна русскимъ воинскимъ чинамъ и принимаютъ мѣры къ розыску и задержанію ихъ, говоря, что мы не братья, а враги. Послѣ задержанія болгарскіе солдаты, по распоряженію своего начальства, били задержанныхъ русскихъ бѣглецовъ плетью, при чемъ Руденко самъ видѣлъ у избитыхъ синяки.

Всѣмъ извѣстно, что Финляндія снабжала Петроградъ масломъ и молокомъ, а что Финляндскій сенатъ запретилъ вывозъ этихъ продуктовъ въ столицу.

„Новое время“ въ № 14653 сообщаетъ, что, по даннымъ финской печати, за 9½ мѣсяцевъ прошлаго²⁾ года Финляндіей продано масла 620.000 килограммовъ, а за 9½ мѣсяцевъ текущаго года 2.040.000 килограммовъ и что въ крупныхъ городахъ

1) „Русск. Слово“ 1916 г. № 339.

2) 1916 года.

Финляндіи чувствуется недостатокъ масла. Невольно является вопросъ, куда дѣвалось масло? Отвѣтъ „Нов. Врем.“ таковъ:

Частныя свѣдѣнія, полученныя нами непосредственно изъ Финляндіи, даютъ слѣдующій отвѣтъ на этотъ вопросъ: огромныя партіи масла сбываются контрабанднымъ путемъ черезъ границу въ Швецію, а оттуда въ Германію.

20 декабря. На румынскомъ фронтѣ и Добруджѣ войска наши отходятъ.

Державы согласія передали, черезъ Францію, отвѣтъ на мирныя предложенія нѣмцевъ. Основная мысль отвѣта выражена такъ:

Одно лишь ничѣмъ не обусловленное соглашеніе открыть переговоры еще не является предложеніемъ мира; мнимое предложеніе мира, сдѣланное германскимъ правительствомъ и лишенное осязательнаго содержанія и ясности, представляется не столько предложеніемъ мира, сколько военнымъ маневромъ.

Далѣе разоблачается германская интрига, устанавливаются цѣли и причины войны, осуждаются германскія преступленія и заявляется о категорическомъ нежеланіи, ранѣ полученія гарантій, приступить къ переговорамъ о мирѣ съ непріателемъ, желающимъ начать ихъ на основаніи неправильныхъ предпосылокъ, ибо онъ заявилъ, что подвергся нападенію и является побѣдителемъ.

Сегодня, 20 декабря, въ „Новомъ Времени“ напечатано:

Сегодня, 19 декабря, утромъ, около Петровскаго моста найденъ прибитый къ берегу трупъ Григорія Распутина. Слѣдствіе производится судебными властями.

Въ той же газетѣ въ статьѣ къ таинственному убійству значитя:

Петровскій мостъ соединяетъ Петровскій островъ съ Крестовскимъ, находится въ весьма пустынной мѣстности, особенно въ зимнее время.

Полицейскій постъ саженяхъ въ 150 расположенъ на крутомъ поворотѣ, такъ что съ него моста не видно.

Шагахъ въ 30—40 отъ начала моста, со стороны Петровскаго острова на лѣвой сторонѣ периль и на пѣшеходной дорожкѣ были обнаружены небольшіе слѣды крови въ формѣ капель, какъ бы сочившейся изъ какого-либо предмета.

Эта часть моста какъ разъ находится у деревяннаго быка,

передъ которымъ образовалась громадная полынья, берушая свое начало какъ разъ съ этого мѣста.

Дальнѣйшее обслѣдованіе привело къ обнаруженію новыхъ кровяныхъ пятенъ, но уже въ значительно большемъ размѣрѣ. Такъ, на вертикальномъ бревнѣ быка на нижней его половинѣ виднѣлось пятно, ясно видное съ моста. Пятно это по своей формѣ, какъ бы размазанное, оставляетъ впечатлѣніе, что коснувшійся его окровавленный предметъ скользнулъ по нему.

Въ томъ же направленіи на горизонтальномъ бревнѣ, заканчивающемъ быкъ, имѣлось второе кровяное пятно, приблизительно такого же размѣра, но значительно гуще.

Новая находка подтвердила полную основательность предположенія о сокрытіи здѣсь таинственнаго преступленія. Спустившимся на быкъ представителемъ полиціи была найдена застрявшая между деревянными скрѣпами быка высокая калоша. Тщательное обслѣдованіе сугробовъ снѣга у моста предполагаемаго преступленія показало, что сюда подъѣзжалъ автомобиль, слѣды котораго остались въ сугробахъ.

Вызванный водолазъ приступилъ къ изслѣдованію дна, однако его поиски въ теченіе перваго дня успѣхомъ не увѣнчались. Изъ-за наступившихъ сумерекъ работа въ началѣ третьяго часа дня была прекращена. Мѣсто преступленія было взято подъ охрану наружной и рѣчной полиціи.

Въ понедѣльникъ съ утра поиски были возобновлены.

Трупъ удалось обнаружить одному изъ старшихъ чиновъ рѣчной полиціи, который, руководствуясь соображеніями, что убитый не могъ пойти на дно, сталъ обслѣдовать края полыни и въ концѣ ея, шагахъ въ 30 отъ края, обнаружилъ какую-то темную массу. Мѣсто было обрублено, и трупъ былъ извлеченъ изъ воды и положенъ на льду. Лицо трупа сильно обезображено. Убитый одѣтъ въ шубу съ бобровымъ воротникомъ, половина котораго оборвана. Подъ шубой виднѣется шелковая рубашка голубого цвѣта. Ноги туго связаны.

Лица, вызванные для опознанія, признали въ немъ жильца, исчезнувшаго изъ квартиры, находящейся въ д. № 64 по Гороховой улицѣ.

На мѣстѣ розысковъ присутствовали представители прокурорской власти и чины высшей администраціи. Послѣ извлеченія трупа изъ воды къ берегу немедленно былъ доставленъ простой деревянный гробъ для перевезенія тѣла въ одну изъ городскихъ больницъ для медицинскаго вскрытія и точнаго установленія причинъ смерти.

21 декабря. Сербское министерство иностранныхъ дѣлъ обратилось къ союзнымъ и нейтральнымъ державамъ по поводу жестокостей болгаръ противъ женевской конвенціи.

Протестъ Сербіи сопровождается спискомъ вопіющихъ злодѣяній, удостовѣренныхъ свидѣтельскими показаніями очевидцевъ, между которыми находятся не только сербскіе офицеры и солдаты, но и многіе подданные нейтральныхъ державъ. Отмѣченные факты устанавливають, что болгары обстрѣливали сербскіе лазареты, систематически добывали раненныхъ, пытали плѣнныхъ и выгоняли больныхъ изъ госпиталей. Одна изъ любимыхъ болгарами забавъ—обезобразивать лица, выкалывать глаза и сжигать сербскихъ солдатъ живыми. Нѣсколько разъ происходили массовыя убійства плѣнныхъ. Въ окрестностяхъ Казанчицы, послѣ кровавой расправы, болгары оставили сплошную колонну истерзанныхъ труповъ, поставленныхъ сомкнутыми рядами. По дорогѣ въ Приштину болгарами было изрублено около 500 человекъ плѣнныхъ. Докторъ, подданный нейтральнаго государства, удостовѣряетъ, что съ одного сербскаго солдата содрали кожу. Солдатъ этотъ находился во время балканской войны въ числѣ сербскихъ войскъ, помогшихъ болгарамъ занять Адрианополь, и получилъ болгарскій орденъ изъ рукъ Фердинанда¹⁾.

„Новое Время“ отъ 20 декабря сообщаетъ подробности къ таинственному убійству.

Какъ выяснилось, трупъ съ набережной Петровскаго острова былъ отправленъ въ грузовомъ автомобилѣ въ Чесменскую военную богадѣльню императора Николая I за Московской заставой, гдѣ и былъ положенъ въ прозекторскую.

Вчера около 9 час. вечера въ прозекторскую Чесменской богадѣльни прибыли чины судебной - слѣдственной власти и наружной полиціи, въ присутствіи которыхъ было приступлено къ вскрытію трупа. Трупъ, совершенно оттаявшій, былъ уложенъ на мраморную доску. Вскрытіе производилъ проф. Косороговъ, при чемъ были установлены двѣ револьверныя раны: одна въ правую сторону живота и другая въ заднюю часть головы. Послѣ вскрытія и соблюденія всѣхъ формальностей, тѣло убитаго было уложено въ металлическій гробъ, который былъ перевезенъ на Николаевскій вокзалъ.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 1916 г. 21 декабря.

22—23 декабря. На румынскомъ фронтѣ за эти дни бои протекали благопріятно для насъ, а въ Добруджѣ мы нѣсколько отошли назадъ.

Въ Греціи происходятъ опереточныя дѣйствія: по требованію союзниковъ войска грековъ якобы переходятъ черезъ Коринѣскій перешеекъ, а въ дѣйствительности офицеры и унтеръ-офицеры переодѣваются въ гражданское платье и возвращаются на сѣверъ.

Пора кончить эту оперетку и выгнать Константина.

Корреспондентъ „Новаго Времени“ ¹⁾ приводитъ интересный фактъ: Вотъ одинъ изъ эпизодовъ современной войны, засвидѣтельствованный французской властью, какъ нельзя болѣе ярко рисующій прусское джентльменство. Во время нашествія на Бельгію, баронесса Х. должна была оставить свой замокъ и провести ночь подъ открытымъ небомъ въ полѣ съ четырьмя малолѣтними дѣтьми. Утромъ она обратилась къ проходящему мимо прусскому лейтенанту: „Скажите, пожалуйста, могу ли я вернуться въ свой домъ, онъ не разрушенъ?“ Офицеръ крайне любезно отвѣчаетъ: „Вашъ домъ ничуть не пострадалъ. Позвольте васъ проводить до его порога“. Баронесса, счастливая вернуться подъ родной кровъ, идетъ въ сопровожденіи любезнаго кавалера. Онъ приводитъ ее къ грудѣ развалинъ и говоритъ: „Вотъ, мадамъ, вашъ прелестный замокъ“, и увидя слезы несчастной женщины, обнявшей своихъ крошекъ, джентльменъ такъ же любезно добавилъ: „А зачѣмъ вы не остались дома? Васъ могло бы ждать-только... удовольствіе и очень пріятное. Женщина, бывшая хоть разъ съ нѣмцемъ, отворачивается отъ другихъ мужчинъ“. Затѣмъ онъ отогналъ ее—впрочемъ съ поклономъ.

Неужели эту варварскую націю будетъ кто-либо уважать?

24 декабря. Нѣмцы овладѣли островомъ на р. Зап. Двинѣ, восточнѣе д. Глауданъ. Наступленіе цѣпей противника отбито.

Въ Добруджѣ наши части послѣ упорнаго боя къ вечеру были вынуждены начать отходъ за Дунай.

Наши войска къ западу отъ Кимполунга овладѣли окопами противника на высотахъ Іоганешти. Нами захвачены болѣе 600 плѣнныхъ, орудія и пулеметы.

¹⁾ „Новое Время“ 1916 г. 22 декабря.

Нѣсколько дней назадъ Протопоповъ утвержденъ министромъ, а сегодня „Новое Время“ сообщаетъ, что товарищъ Протопопова кн. Волконскій и Бальцъ подали въ отставку, и вчера Протопоповъ и Танѣевъ выѣзжали въ Царское Село.

Корреспондентъ „Новаго Времени“¹⁾ сообщаетъ интересный разсказъ.

Мы только-что, наступая отъ С., спустились въ Галицію. Шли упорнѣйшіе бои, и нашей батарее приходилось туго. Батарею кидали изъ стороны въ сторону поддержать въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, то въ третьемъ. Стоянку въ двое сутокъ почитали за счастье, а больше выходило, что днемъ работаемъ, а ночью переходимъ на другой участокъ, и съ утра опять начинай. Еще немного—и съ ногъ стали бы валиться не только люди, но и кони.

На выручку во-время пришла свѣжая батарея; намъ назначили недѣльный отдыхъ въ ближайшемъ тылу и указали районъ пяти деревень.

Командиръ немедленно же двинулъ батарею въ путь, а мнѣ приказалъ взять двухъ нижнихъ чиновъ и быстрымъ аллюромъ отправиться впередъ, чтобы занять помѣщенія.

Я приказалъ захватить фонари уже вечеромъ, и мы сейчасъ же отправились. Черезъ часъ совсѣмъ стемнѣло, пошелъ мелкій дождь.

Плохо ли я умѣлъ ориентироваться по картѣ и не отличалъ распознавательныхъ знаковъ, или помѣшала темнота, но мы попали въ другую сторону, въ глухую деревушку въ верстѣ отъ шоссе.

Ничего не оставалось, какъ пойти разыскивать помѣщеніе; гдѣ же дальше блуждать въ такую темь. Одного вѣстового отправилъ на шоссе ожидать батарею, а съ другимъ пошелъ по деревнѣ, лошадей ведемъ въ поводу.

Нигдѣ никакихъ признаковъ жизни, развѣ изрѣдка тявкнетъ или завоетъ собаченка. Шумить въ деревьяхъ вѣтеръ, шуршитъ по крышамъ дождь, и изрѣдка доносятся какъ бы стоны или заглушенные вздохи.

Зажгли фонари. Подошли къ первой халупѣ, освѣтили дверь, на ней большіе бѣлые и черные кресты.

— Ну, думаю, не проведете, знаемъ васъ! Въ то время мѣстами дѣйствительно свирѣпствовали эпидеміи и было приказано ставить на зараженныхъ домахъ кресты, чтобы не

¹⁾ „Новое Время“ 1916 г. 24 декабря.

отводить помѣщений для постоя. Жители быстро смекнули и „окрестили“ большинство деревень: свободнѣе безъ постояроннихъ!

Приподнялъ щеколду, дверь заскрипѣла, изъ сѣней пахнуло спертымъ отвратительнымъ воздухомъ. Направо полуоткрыта дверь въ чистую горницу. Она пуста; грязно, запущено; откуда-то сверху изъ-за печки жалобно мяукнула кошка. На печи тоже никого нѣтъ, кромѣ грязнаго, вонючаго тряпья.

Пошелъ въ противоположную горницу. Дверь подалась съ трудомъ, и въ образовавшуюся щель вырвалась струя воздуха, полного гніеніемъ. Еле удержался на мѣстѣ, но пересилилъ себя и заглянулъ внутрь. На полатахъ ничкомъ лежалъ за-костенѣвшій трупъ, а другой, женскій, головой свѣсилъ съ полатей у печки. Оба трупа посинѣли, скорчились отъ судорогъ.

— Плохо, братъ, наше дѣло,—говорю вѣстовому,—первая халупа заражена, нельзя занять. Вотъ что, привяжи лошадей и иди по халупамъ съ той стороны улицы, а я пойду съ этой, можетъ, найдемъ чистыя.

Такъ и сдѣлали. Въ слѣдующей халупѣ я изъ людей никого не нашель, но отличительные знаки на дверяхъ оправдались и здѣсь: все помѣщеніе было заражено. Дальше пошло не лучше. Третья, четвертая, пятая халупы оказались въ томъ же состояніи. Только въ шестой наткнулся на признаки жизни, но лучше бы не наткаться, морозъ по кожѣ пошелъ. Распростершись на полу, застывъ въ судорогахъ, лежала на разостланномъ тулупѣ женщина среднихъ лѣтъ. Волосы сбились, полуоткрытые остеклянѣвшіе глаза смотрѣли съ нѣмымъ укоромъ. Около копошился грудной ребенокъ и трогалъ мертвую грудь, теребя ее ручками, какъ бы стараясь выжать лишнюю каплю молока матери. Въ углу подъ образами полусидѣла молодая дѣвушка, корчилась отъ приступовъ и глухо стонала. Она приподнялась на свѣтъ фонаря, посмотрѣла, хотѣла, кажется, что-то сказать, но не смогла и опять бросила голову на руки... Начался новый приступъ.

Вамъ трудно представить то состояніе, которое я переживалъ. Страха не было, его смѣнилъ безысходный ужасъ, полное сознаніе своей полной беспомощности и ненужности при видѣ этихъ несчастныхъ обреченныхъ. Чѣмъ я имъ могъ помочь? Да, и вообще, кто имъ могъ оказать помощь? Единственный выходъ, единственная помощь — это неизбѣжная смерть, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!..

Плохо помню, какъ я вышелъ на улицу, какъ просвистѣлъ вѣстовому. Ржанье привязанныхъ лошадей вывело меня изъ оцѣпенѣнія; я пошелъ быстрымъ шагомъ, стараясь не смотрѣть по сторонамъ; спину кололи мурашки холода.

Вскорѣ вернулся вѣстовой, испуганный, дрожащій.

— Да тутъ, ваше благородіе, одни мертвецы. Нашелъ живого старика. Онъ баялъ, чтобы скорѣе уходили; здоровыхъ жителей еще вчерась отсюда выселили.

Мы сѣли и поѣхали на шоссе. Издали громыхала приближающаяся батарея. Командиръ, конечно, остался недоволенъ, а ночевать пришлось прямо въ лѣсу. Представьте себѣ, заснулъ почти сразу, но ночью одолѣвали кошмары.

Утромъ отправились на поиски стоянки уже по вѣрному направленію. По дорогѣ встрѣтили санитарно-эпидемическій отрядъ, спѣшившій въ деревню.

25 декабря. На румыно-молдаванскомъ фронтѣ положеніе такое: нѣмцы прорываютъ тѣ участки, которые отстаиваютъ румыны, и тѣмъ заставляютъ и русскія войска, на другихъ участкахъ молдаванскаго фронта, отступать. Нѣмцы заняли Браиловъ.

На другихъ нашихъ фронтахъ тихо. Пока радуется только рижскій фронтъ.

26, 27 и 28 декабря. На молдованскомъ фронтѣ бои протекаютъ по-прежнему: пробитый нѣмцами румынскій участокъ боевого фронта заставляетъ отходить и наши части.

Съ 23 декабря войска Радко-Дмитріева на рижскомъ фронтѣ; между Олаемъ и Туккумомъ, совершенно неожиданно для нѣмцевъ, перешли въ наступленіе. Наступленіе было настолько неожиданно, что германскіе офицеры, спокойно спавшіе, оказывали сопротивленіе въ одномъ бѣльѣ. Несмотря на контръ-атаки доблестныя войска рижскаго фронта продвигаются впередъ. Взято нами 800 плѣнныхъ, одна легкая и одна тяжелая батареи.

Почему то тяжело сжимается сердце и чуется, что это наша послѣдняя побѣда.

Островъ на Двинѣ, сѣвернѣе Двинска, что восточнѣе Глейданъ, взятъ нами обратно.

Закончилась конференція союзныхъ державъ въ Римѣ; генераль Саррайль принималъ участіе въ этой конференціи.

Представители державъ согласія предъявили греческому правительству ультиматумъ, устанавливающій 48-часовой срокъ для исполненія требованій.

Премьеръ-министромъ вмѣсто А. Θ. Трепова назначенъ князь Н. Д. Голицынъ, вмѣсто вышедшаго въ отставку министра народнаго просвѣщенія гр. Игнатъева назначенъ Н. К. Кульчицкій.

Въ послѣднемъ засѣданіи совѣта министровъ былъ рассмотрѣнъ и одобренъ выработанный особымъ комитетомъ по борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ проектъ ликвидаціи общества 1886 года. Объясненія давалъ предсѣдатель комитета А. С. Стишинскій. Совѣтъ министровъ постановилъ повысить оцѣнку имущества общества, исчисленную комитетомъ въ 55 мил., до 75 мил. руб. и высказалъ пожеланіе о приобрѣтеніи въ будущемъ казной не менѣе 45 проц. акцій предпріятія.

Изъ Берлина сообщаютъ:

„Императоръ Вильгельмъ обратился съ новымъ приказомъ по арміи и флоту, заявляя, что противники отклонили предложеніе его и союзныхъ съ нимъ монарховъ вступить въ переговоры о мирѣ, ибо „жажда власти заставляетъ враговъ Германіи желать ея уничтоженія“.

Война будетъ продолжаться по-прежнему,—сказано далѣе въ приказѣ.—Передъ Богомъ и всѣмъ человѣчествомъ тяжкая отвѣтственность за всѣ дальнѣйшія ужасныя жертвы, отъ которыхъ я намѣренъ былъ избавить васъ, падаетъ на одни только непріятельскія правительства. Въ справедливомъ негодованіи на высокомерную дерзость враговъ и одушевленные рѣшимостью защищать наши священнѣйшія права и обезпечить счастливое будущее нашей родины станьте теперь сталью (zu Stahl werden). Враги наши не захотѣли принять предложенное мною соглашеніе, но съ Божіей помощью наше оружіе принудитъ ихъ къ этому“.

Этотъ приказъ еще разъ откровенно подтверждаетъ, что предшествовавшія мирныя предложенія были простымъ маневромъ для поднятія настроенія въ германской арміи и что Германія желала навязать свой германскій миръ, какъ побѣдительница“.

Въ № 295 за 1916 г. „Русскаго Слова“ сообщаютъ о химической атакѣ, произведенной нашими войсками:

Наутро было предположено атаковать нѣмцевъ и заставить ихъ отойти изъ захваченнаго ими наканунѣ участка нашихъ окоповъ.

Въ землянкѣ полкового командира шло совѣщаніе. Хотѣлось достигнуть поставленной цѣли съ наименьшими жертвами съ нашей стороны, съ наибольшими потерями для непріятели. Обычный пріемъ,—ураганный огонь и послѣдующая за нимъ атака пѣхоты,—быль, конечно, надежнымъ средствомъ, но сейчасъ онъ не удовлетворялъ командира: на пути къ окопамъ лежало небольшое болотце, и было ясно, что переходъ черезъ него безъ потерь не обойдется. Это болотце и заставило офицеровъ ломать себѣ голову надъ вопросомъ, который при другихъ условіяхъ не представлялъ бы затрудненій.

Командиръ дивизіона уныло глядѣль въ запотѣвшее оконце землянки.

— Эхъ, если бы вѣтеръ, да на ихъ сторону!—вслухъ промечталъ онъ, пуская изъ трубки густыя кольца дыма. — Шарахнулъ бы нѣмцевъ химическими снарядами,—вотъ это было бы дѣло!

Но, какъ назло, вѣтеръ упорно дуль съ сѣверо-запада. Тутъ ужъ приходилось думать не о химической атакѣ, а самимъ остерегаться химической обороны непріятели.

Въ результатъ было рѣшено выполнить задачу обыкновеннымъ способомъ.

* * *

Около двухъ часовъ ночи въ землянкѣ полкового командира зажужжалъ телефонъ. Полковникъ не спалъ, сидя за исчерченной цвѣтными карандашами двухверсткой, и самъ взяль трубку.

— Николай Дмитріевичъ, это вы?—узналь онъ голосъ командира дивизіона. — Что скажете?

— Вѣтеръ мѣняется,—отвѣтилъ дивизіонный съ наблюдательнаго пункта: — кажется, будетъ восточный. Прикажете людямъ не торопиться,—можетъ-быть, и безъ нихъ обойдется.

Полковникъ повеселѣль.

— Давай Богъ, Николай Дмитріевичъ; а то мнѣ что-то не по себѣ: проклятое болото мнѣ всю музыку портить.

Ровно въ пять часовъ утра надъ нашимъ расположеніемъ взвилась и огненнымъ шаромъ загорѣлась красная, боевая ракета. И тотчасъ же въ ближнемъ лѣсу послышался гулкій

трескъ перваго выстрѣла, съ воемъ и визгомъ переметнулся снарядъ на нѣмецкую сторону и грузно раскололся на мелкія части, грохотомъ разрыва сразу наполнивъ и дремавшія поляны, и лѣса, и озера.

Черезъ полчаса окрестности уже гудѣли отъ бѣшенаго артиллерійскаго огня. Блѣдный осенній разсвѣтъ засталъ бой въ самомъ разгарѣ, а командира дивизіона—на наблюдательномъ пунктѣ пристально наблюдающимъ за результатами огня и отдающимъ рѣзкія, отрывистыя приказанія.

На нѣмецкой линіи чувствовалось нервное движеніе. Угадывая скорое наступленіе, нѣмцы, несмотря на безошадный огонь, торопливо подсылали пѣхотныя части къ угрожаемому участку. Видно было, какъ двигались узкими ходами сообщеній отдѣльныя фигуры, какъ накапливались онѣ въ блиндажахъ, хотя мѣткость нашего огня была изумительна, и снаряды то-и-дѣло ложились на самую линію укрѣпленій, взметая цѣлыя тучи дыма, земли, обломковъ дерева и камня.

Стихшій-было на зарѣ, вѣтеръ снова задулъ, и на этотъ разъ прямо на нѣмца.

Командиръ дивизіона усмѣхнулся.

— Приготовить химическіе снаряды! — раздалась его команда.—Трубка 8... Стрѣлять по командѣ!.. Огонь!..

Сѣрое облако дыма и пыли, взметнувшись надъ окопомъ, засвидѣтельствовало вѣрность прицѣла. Офицеры, стоявшіе на пунктѣ, схватились за бинокли.

Пыль на мѣстѣ разрыва осѣла, и было ясно видно, какъ надъ окопомъ расползлся еле замѣтный сизый дымокъ. Съ каждой секундой рѣдѣя, онъ разстилался на большое пространство, и, нѣжный, полупрозрачный, онъ совсѣмъ не казался страшнымъ, даже зловѣщимъ.

А, между тѣмъ, тамъ, въ нѣмецкихъ окопахъ, этотъ сизый дымокъ вызывалъ панику и ужасъ. До пункта донеслись отчаянные голоса нѣмцевъ, по ходамъ забѣгали, суетясь и толкаясь солдаты; кое-кто пытался даже выскочить изъ окопа, нѣ опасаясь выдать себя и ни о чемъ не думая, кромѣ спасенія.

— Шрапнель! — раздается новый приказъ командира. — Огонь!..

Надъ бѣгущими фигурами жестко щелкаетъ разрывъ шрапнели, обдавая ихъ тучею пуль и осколковъ. Видно, какъ сразу порѣдѣли ряды бѣгущихъ, но и тѣ, кто упалъ, помня о стелющемся сзади дымкѣ, стараются отползти дальше.

Новый химическій снарядъ ложится какъ-разъ тамъ, гдѣ замѣчено было накапливаніе непріятельской пѣхоты. Снова ползеть надъ поляной голубой дымокъ, и снова бѣгутъ перепуганные, потерявшіе голову нѣмцы, наступаемые, въ свою очередь, шрапнелями и одинъ за другимъ падающіе на землю, чтобы сдѣлаться достояніемъ этого нѣжнаго съ вида, но рокового по послѣдствіямъ дыма.

А батареи все работаютъ. Первая линія давно уже очищена и лежитъ въ непробудномъ молчаніи. Уже снаряды бьютъ по второй линіи, уничтожая всякую попытку непріятеля вернуться на невозвратно потерянную позицію. Грохочутъ непріятельскія орудія, торопливо выколачиваютъ дробь пулеметы, но все молчаливѣе и мертвеннѣе окопы съ тамъ и тутъ разбросанными по нимъ неподвижными фигурами.

Звякаетъ въ нашихъ окопахъ оружіе, слышатся командныя слова,—и на поляну выходятъ стройные ряды фантастическихъ чудовищъ въ гуттаперчевыхъ маскахъ, съ чудными жестяными коробочками на груди. Бодро идутъ они къ непріятельской линіи, старательно обходятъ болото и рядъ за рядомъ скрываются тамъ, гдѣ еще недавно ждали ихъ нѣмецкіе штыки и пулеметы, а сейчасъ одно безмолвіе пронесшейся смерти.

Вотъ пробѣжали саперы укрѣплять занятую позицію, санитары—подобрать тѣхъ, кто уцѣлѣлъ отъ дѣйствія химическихъ снарядовъ и шрапнельнаго огня.

На вышку поднимается командиръ полка. Лицо его свѣтло и весело. Онъ крѣпко жметъ руку командиру дивизіона, и взволнованный голосъ едва въ состояніи передать слова благодарности.

Артиллерія замолкаетъ. Только однѣ тяжелыя, словно имъ трудно остановиться сразу, продолжаютъ наводить ужасъ на разбитыхъ, разогнанныхъ и попрятавшихся нѣмцевъ, за свою случайную удачу такъ жестоко сегодня поплатившихся...

29—30 декабря. На молдаванскомъ фронтѣ бои протекаютъ такъ же, какъ и въ предшествовавшіе дни.

Съ рижскаго фронта сообщаютъ:

Занявъ новые позиціи у Калнцама, наши войска нынѣ заняты какъ ихъ закрѣпленіемъ, такъ и отраженіемъ все увеличивающихся контръ-атакъ противника. Наши войсковыя части, съ такимъ самоотверженіемъ прорвавшіяся сюда, сохраняютъ за собою занятые участки, отбрасывая кидающихся на нихъ германцевъ, при чемъ наша артиллерія работаетъ образ-

цово, успѣшно состязаясь съ германской. Непрiятель подвозитъ не только новыя подкрѣпленiя, но и новыя орудiя, и нашимъ войскамъ, въ теченiе пяти дней находящимся въ непрерывномъ напряженiи, приходится и сейчасъ проявлять неослабѣвающую энергiю, чтобы ликвидировать яростныя попытки врага вернуть обратно потерянные ими позицiи. Особенно сильны эти вражескiя попытки у М., гдѣ артиллерiйскiй бой достигаетъ очень большого напряженiя. Закрѣпленiе за собою захваченныхъ позицiй при нынѣшнихъ климатическихъ условiяхъ представляетъ исключительныя трудности и нашимъ войскамъ приходится проявлять особую настойчивость и выносливость.

Прорывъ германскихъ линiй къ югу отъ озера Бабитъ далъ возможность нашимъ войскамъ подойти къ югу отъ Калнцама, занявъ третьяго дня еще нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ въ этомъ направленiи. Теперь наши войска еще тѣснѣ сомкнулись въ калнцемскомъ районѣ. Боевыя дѣйствiя развивались на берегу Аа Курляндской. Здѣсь однако непрiятель проявляетъ исключительную бдительность. Району по линiи рѣки Аа, къ югу отъ Калнцама, противникъ видимо придаетъ особое значенiе. Вполнѣ понятно, что нашъ нажимъ въ приморскомъ районѣ требуетъ согласованности боевыхъ дѣйствiй, какъ на другихъ участкахъ рижскаго фронта, такъ и въ различныхъ районахъ по линiи р. Двины. Съ другой стороны, непрiятель, желая отвлечь наше вниманiе отъ нашихъ стратегическихъ заданiй, старается развить активность на другихъ участкахъ. Этимъ и объясняется то, что во время нашего нажима въ бабитскомъ районѣ боевыя дѣйствiя разгорались и на другихъ участкахъ, особенно подъ Двинскомъ. Однако и здѣсь мы не выпускаемъ инициативу изъ своихъ рукъ.

Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату отъ 27 декабря статсъ-секретарь, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, егермейстеръ Треповъ уволенъ, согласно прошенiю, отъ должностей Предсѣдателя Совѣта Министровъ и Министра путей сообщенiя, съ оставленiемъ статсъ-секретаремъ, членомъ Государственнаго Совѣта, сенаторомъ и егермейстеромъ.

Члену Государственнаго Совѣта, сенатору, дѣйствительному тайному совѣтнику князю Голицыну повелѣно быть Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, съ оставленiемъ членомъ Государственнаго Совѣта и сенаторомъ.

Въ должности шталмейстера, дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ Игнатьевъ уволенъ, согласно прошенію, отъ должности министра народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ въ должности шталмейстера.

Сенатору, тайному совѣтнику Кульчицкому повелѣно быть управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ сенаторомъ.

Управляющимъ министерствомъ путей сообщенія назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Кригеръ-Войновскій.

Въ г. Тобольскѣ г. А. А. Сыромятниковъ устроилъ рѣдкій питомникъ чернобурыхъ лисицъ ¹⁾.

30—31 декабря. На молдавскомъ фронтѣ бои идутъ съ переменнымъ успѣхомъ.

Войска Радко-Дмитріева прорвали фронтъ противника на протяженіи 12 верстъ по фронту со взятіемъ тяжелыхъ орудій, располагающихся обыкновенно далеко въ тылу укрѣпленныхъ позицій. Въ послѣдніе дни нѣмцы яростно ведутъ контръ-атаки, которыя нами успѣшно отбиваются.

Въ связи съ послѣдними боями главнокомандующій сѣверо-западнымъ фронтомъ, генераль-адъютантъ Русскій прислалъ генералу Радко-Дмитріеву слѣдующую телеграмму:

„Прошу принять лично и передать доблестнымъ войскамъ ввѣренной вамъ арміи, славнымъ участникамъ боя, мое поздравленіе и глубокую признательность за одержанный крупный успѣхъ.

Въ своемъ донесеніи въ Ставку я съ особымъ удовлетвореніемъ отмѣтилъ выдающуюся энергію, рѣдкую настойчивость и искусство въ руководствѣ войсками со стороны вашей и командира сибирскаго корпуса, генерала Васильева“.

Генераль Радко-Дмитріевъ обратился къ ввѣренной ему арміи, отличившейся въ послѣднихъ бояхъ на рижскомъ фронтѣ, со слѣдующимъ приказомъ:

„Я счастливъ, что волею Провидѣнія и Государя Императора стою во главѣ такихъ богатырей, какими вы себя показали въ бояхъ съ 23-го по 26-е сего мѣсяца.

Ни ошеломляющая вьюга, ни метель, ни сильные морозы, ни непроходимость болота—ничто не могло останоить нашъ порывъ. Вы грудью прорвали безчисленное множество про-

¹⁾ „Нов. Вр.“ 29 декабря 1916 г.

волочныхъ загражденій и, несмотря на убійственный огонь множества пулеметовъ, вы въ грозномъ молчаніи ворвались въ укрѣпленія, блокгаузы и редуты, созданныя врагомъ въ теченіе 15 мѣсяцевъ. Вы себѣ пробивали путь штыкомъ, сберегши десятки тысячъ снарядовъ для лучшихъ цѣлей.*

Врагу нанесенъ чувствительный ударъ и захвачено большое количество плѣнныхъ, множество орудій, пулеметовъ и другого снаряженія. Низко кланяюсь передъ памятью павшихъ соратниковъ, отъ глубины души благодарю васъ за сдѣланный Россіи подарокъ къ празднику. Но еще наша побѣда не полна. Нужно увѣнчать ее разгромомъ дерзкаго врага. Соберемте же всѣ свои силы, сдѣлаемъ еще одно геройское усиліе и доведемъ начатое до конца.

Да поможетъ Господь-Богъ и впредь¹⁾.

Не ужели, по прежнему войскамъ Радко Дмитриева не окажутъ надлежащей поддержки?

Берлинская печать въ дополненіе къ краткому сообщенію „Агентства Вольфа“ передаетъ любопытныя подробности о военномъ совѣтѣ, состоявшемся въ ставкѣ, подъ предсѣдательствомъ самого кайзера.

На совѣтѣ присутствовали: Фердинандъ болгарскій, княжичъ Борисъ, Жековъ, Гинденбургъ, Людендорфъ, эрцгерцогъ Фридрихъ и Гетцендорфъ. Совѣтъ продолжался цѣлый день. Былъ сдѣланъ лишь кратковременный перерывъ для завтрака.

Главную роль на этомъ совѣтѣ игралъ Гинденбургъ, изложившій свой детальный планъ предполагаемыхъ операцій на всѣхъ фронтахъ. О сущности этого плана берлинская печать, разумѣется, умалчиваетъ, лишь смутно намекая на то, что онъ вызвалъ горячія возраженія со стороны нѣкоторыхъ участниковъ совѣта, въ особенности Гетцендорфа, отстаивавшаго свой собственный планъ операцій. Въ результатъ преній былъ принятъ съ нѣкоторыми дополненіями планъ Гинденбурга. Между прочими вопросами былъ особенно подробно рассмотрѣнъ вопросъ о подводной войнѣ.

По увѣренію „Lokal-Anzeiger“, на совѣтѣ было рѣшено примѣнять болгарскія и турецкія войска на всѣхъ фронтахъ, а также постановлено отправить принца Адальберта въ Константинополь для непосредственнаго оповѣщенія султана и Энверъ-бея о принятыхъ рѣшеніяхъ²⁾.

¹⁾ „Рус. Инв.“ 31 декабря 1916 г.

²⁾ „Рус. Сл.“ 1916 г. № 299.

11 часовъ вечера 31 декабря. Какія событія сулитъ будущій 1917 годъ на боевыхъ фронтахъ. Если державы согласія откажутся отъ излюбленной ими одновременности дѣйствій, дающей германцамъ возможность быстро перебрасывать войска съ одного мѣста на другое, то конечно успѣхъ несомнѣненъ. Если державы согласія отрѣжутъ Малую Азію отъ Германіи, уничтоживъ германскаго фельдмаршала въ Аѣинахъ, и привлекутъ японскія войска на салоникскій фронтъ, то обстановка можетъ перемѣниться быстро въ сторону державъ согласія. Сбудется ли все это? Или, можетъ быть, будущее сулитъ совершенно обратную картину повторенія тѣхъ событій, генеральной репетиціей которыхъ былъ 1905 годъ.

П. В.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Алексѣй Дмитріевичъ Бутовскій.

(† 25 февраля 1917 г.).

Алексѣй Дмитріевичъ Бутовскій родился въ 1838 г., воспитывался въ Петровско-Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ и Дворянскомъ полку, откуда вышелъ офицеромъ (1855 г.) л.-гв. въ Павловскій полкъ. Съ полкомъ участвовалъ въ кампаніи 1863 г. и, прокомандовавъ 9 лѣтъ ротой, перешелъ на службу въ военно-учебное вѣдомство (1872 г.), гдѣ на должности воспитателя, помощника инспектора классовъ, ротнаго командира, а затѣмъ генерала для порученій прослужилъ до дня своей кончины 45 лѣтъ и восемь мѣсяцевъ.

Изучивъ всесторонне дѣло обученія юношества и въ особенности отдѣла физическаго его воспитанія, А. Д. выступилъ въ 1890 г. какъ создатель и руководитель курсовъ физическаго воспитанія молодежи въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Курсы эти сначала временные обратились въ постоянную организацію, теоретически и практически подготовлявшую учителей гимнастики, фехтованія, плаванія, ручного труда, изъ воспитателей кадетскихъ корпусовъ. Положеніе для этихъ курсовъ разработано А. Д. и утверждено начальствомъ въ общей программѣ для веденія внѣклассныхъ занятій въ кадетскихъ корпусахъ.

Подъ его же непосредственнымъ руководствомъ такъ же выработывались и совершенствовались программы рисованія, чистописанія, пѣнія, музыки и танцованія, при чемъ исключительно ему принадлежала разработка методики обученія письму и современныхъ, научно обоснованныхъ, требованій, предъявленныхъ къ учителямъ чистописанія. Много и другихъ, неприведенныхъ здѣсь, мѣропріятій провелъ А. Д. въ жизнь военно-учебныхъ заведеній.

Для изученія постановки дѣла учебно-воспитательнаго и подготовки физическаго развитія юношества на западѣ А. Д.

былъ неоднократно командированъ во Францію, Швецію, Грецію, Италію, Англию, Данію, Бельгію, Германію и Австрію въ качествѣ выдающагося знатока въ дѣлѣ физическаго воспитанія молодежи, такъ слабо у насъ развитаго. А. Д. постоянно привлекался къ совѣщаніямъ, когда это касалось арміи и народа.

Много его статей по разнымъ вопросамъ было напечатано А. Д. въ „Педагогическомъ сборникѣ“, „Развѣдчикѣ“ и „Русской Старинѣ“¹⁾.

А. Д. Бутовскій былъ замѣчательнымъ русскимъ человѣкомъ: онъ обладалъ необычайными дарованіями, широкимъ умомъ, самымъ разностороннимъ образованіемъ какъ по наукамъ, такъ и по искусствамъ.

Трудоспособность его была изумительна, и во всякое дѣло, ему препорученное, онъ вкладывалъ все свое сердце, весь свой разумъ.

Нравственныя качества его были безукоризненны, и подъ суровой внѣшностью скрывалось любвеобильное къ ближнему сердце.

За послѣдніе годы А. Д. лишился зрѣнія: тяжкій недугъ онъ пережилъ героически, спокойно, не переставая работать.

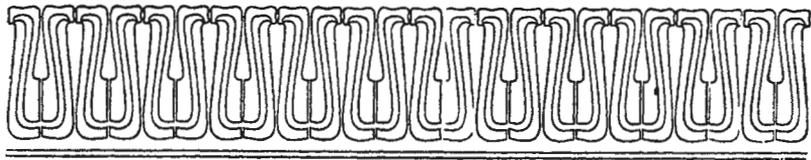
Много помогала А. Д. нести тяжкій крестъ слѣпоты всѣми уважаемая его супруга, Анна Васильевна.

Алексѣй Дмитриевичъ не зарылъ, какъ многіе русскіе люди, своихъ талантовъ въ землю, а по евангельской притчѣ на пять талантовъ, врученныхъ ему, приобрѣлъ другіе пять талантовъ.

И Предвѣчный Судья по окончаніи его земной жизни вѣроятно судилъ его такъ: „добрый и вѣрный рабъ, въ маломъ ты былъ вѣренъ, надъ многимъ тебя поставлю; войди въ радость Господина твоего“ (Матѣ., гл. 25, ст. 21).

П. Вороновъ.

¹⁾ Въ „Русск. Стар.“ напечатано: „Въ вагонѣ вел. кн. Константина Константиновича“, „Въ родномъ гнѣздѣ“, „Прекратившійся родъ“ и „Первые шаги на учебной службѣ“.

Императрица Елисавета Алексѣевна и князь Адамъ Чарторижскій.

(Изъ придворной хроники XVIII в.).

Въ хроникѣ придворныхъ интригъ конца XVIII вѣка отношенія императрицы Елисаветы Алексѣевны, въ то время еще великой княгини, къ извѣстному въ русско-польской исторіи кн. Адаму Чарторижскому занимають не послѣднее мѣсто по своему историческому значенію: они не только уясняютъ нѣкоторыя событія Павловскаго и Александровскаго времени, но и представляютъ, взятая въ цѣломъ, новыя данныя для характеристики самого супруга императрицы Елисаветы, былого „сфинкса“ новѣйшей русской исторіи, императора Александра Павловича. До послѣдняго времени, однако, въ этомъ любопытномъ эпизодѣ въ исторической литературѣ не появлялось никакихъ документальныхъ данныхъ, кромѣ отрывочныхъ извѣстій современниковъ. Конечно, это и было причиной того, что новѣйшій биографъ императрицы Елисаветы, великій князь Николай Михайловичъ, обошелъ въ своемъ трудѣ вопросъ о ея близкихъ отношеніяхъ къ Чарторижскому полнымъ молчаніемъ, а въ позднѣйшихъ своихъ статьяхъ отрицалъ даже самую возможность этихъ отношеній. Мы попробуемъ въ настоящей статьѣ сгруппировать существующія теперь свѣдѣнія о близости Адама Чарторижскаго къ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, въ бытность ея великой княгиней, въ возможно полной картинѣ.

Извѣстно, что императрица Екатерина II спѣшила въ 1793 г. женить любимаго своего внука и предполагаемаго наслѣдника, великаго князя Александра Павловича, на баденской принцессѣ Луизѣ, принявшей имя Елисаветы Алексѣевны, когда жениху было всего 15 лѣтъ, а невѣстѣ только 14 лѣтъ. Лелѣя въ душѣ мысль объ устраненіи Павла Петровича отъ

наслѣдія престола, она хотѣла именно Александра назначить своимъ преемникомъ: „сперва,—писала она Гримму,—мы женимъ его, а потомъ коронуемъ (sic)“. Увлекаясь политическими своими расчетами, царственная бабушка не обратила вниманія на вредъ ранняго брака для молодой четы, еще не достигшей даже физической зрѣлости. Естественно, что въ скоромъ времени между новобрачными возникло охлажденіе, чтобы не сказать больше, а потомства отъ нихъ Екатерина, скончавшаяся въ 1796 г., такъ и не дождалась. Великій князь Александръ Павловичъ началъ увлекаться молодыми фрейлинами, въ особенности княжной Маріей Антоновной Четвертинской, вышедшей вскорѣ замужъ за Д. Л. Нарышкина, а юная великая княгиня сдѣлалась предметомъ настойчиваго ухаживанія всесильнаго фаворита Екатерины, кн. П. А. Зубова, и польскаго выходца, кн. Адама Чарторижскаго, получившаго отъ Екатерины званіе камеръ-юнкера. Великая княгиня Елисавета Алексѣвна очутилась въ самомъ опасномъ положеніи. Ея нѣжный возрастъ и полное нравственное одиночество среди пышнаго и развращеннаго двора Екатерины бросались въ глаза каждому. Жена гофмейстера великокняжеской четы, графиня Варвара Николаевна Головина, искренно полюбившая Елисавету Алексѣвну, одна поддерживала ее своими совѣтами, и ея старанія быть полезной великой княгинѣ въ этомъ отношеніи были замѣчены самой императрицей. „Я знаю, графиня,—сказала она ей однажды,—что вы не созданы для разрушенія семейнаго счастья. Я все видѣла, я знаю больше, чѣмъ это думаютъ; поэтому мое благоволеніе къ вамъ неизмѣнно“.

Особенныя опасенія возбуждалъ въ графинѣ Головиной князь Адамъ Чарторижскій по его близости къ молодому двору и по его личнымъ качествамъ. По ея отзыву, „это былъ человѣкъ ограниченный и молчаливый; но онъ выдѣлялся своимъ серьезнымъ лицомъ и выразительными глазами; это было лицо, способное возбудить страсть“. Будучи камеръ-юнкеромъ и другомъ великаго князя, онъ въ то же время былъ членомъ его семейнаго кружка, такъ какъ сестра его, княжна Чарторижская, была замужемъ за его дядей по матери, принцемъ виртембергскимъ. Пользуясь дружбой великаго князя, котораго онъ былъ старше семью годами, князь Адамъ сталъ ежедневнымъ гостемъ Александровскаго дворца въ Царскомъ Селѣ, гдѣ жила великокняжеская чета, и даже не скрывалъ своихъ чувствъ къ женѣ своего друга. Младшій братъ его, князь Константинъ, влюбленъ былъ въ Анну

Еоодоровну, жену великаго князя Константина Павловича, дружную съ Елисаветой Алексѣвной, и встрѣчалъ сочувствіе въ предметѣ своей страсти. „Эта смѣсь кокетства, романовъ и заблужденій ставила великую княгиню Елисавету въ ужасное и затруднительное положеніе,—разсказываетъ графиня Головина въ своихъ „Запискахъ“: она замѣчала перемѣну въ своемъ мужѣ, ей приходилось каждый вечеръ встрѣчать въ своемъ домѣ челоуѣка, повидимому, любившаго ее, что, казалось, поощрялъ великій князь, доставлявшій ему случай видѣть великую княгиню... Каждый день, казалось, влекъ за собою новыя опасности; я очень страдала изъ-за всего того, чему подвергалась великая княгиня. Помѣщаясь надъ ея апарта-ментами, я видѣла, какъ она входила и выходила, такъ же, какъ и великаго князя, постоянно приводившаго съ собою къ ужину и князя Чарторижскаго. Одинъ Богъ читалъ въ моей душѣ. Однажды, болѣе обыкновеннаго мучимая всѣмъ тѣмъ, что происходило у меня на глазахъ, я вернулась послѣ вечера у императрицы, перемѣнила платье и сѣла у окна, находившагося надъ окномъ великой княгини. Высунувъ свою голову, насколько только могла, я замѣтила кусочекъ бѣлаго платья великой княгини, освѣщеннаго луной, лучи которой проникали въ наши комнаты. Я видѣла уже, какъ вернулся великій князь съ своимъ другомъ, и предположила, что великая княгиня одна въ своемъ кабинетѣ. Я набросила косынку на плечи и спустилась въ садъ. Подойдя къ рѣшеткѣ цвѣтника, я увидѣла ее одну, погруженную въ грустные размышленія. „Вы однѣ, ваше высочество?“—спросила я ее.— „Я предпочитаю быть одной,—отвѣчала она,—чѣмъ ужинать наединѣ съ княземъ Чарторижскимъ. Великій князь заснулъ на диванѣ, а я убѣжала къ себѣ и вотъ предалась своимъ невеселымъ мыслямъ“. Я страдала отъ невозможности быть подлѣ нея, съ правомъ не оставлять ее и входить въ ея комнату. Мы бесѣдовали больше четверти часа, послѣ чего я вернулась къ своему окошку. Я начинала становиться настоящей помѣхой великому князю: онъ зналъ мои чувства и былъ убѣжденъ, что они не похожи на его собственныя. Князь Чарторижскій съ удовольствіемъ видѣлъ, какъ великій князь ставилъ препятствія для моихъ сношеній съ великой княгиней. Онъ зналъ прекрасно, что я неспособна служить ему, и потому очень старался меня поссорить съ великимъ княземъ.

Мой мужъ осмѣлился сдѣлать ему представленіе о его поведеніи и о томъ вредѣ, который онъ дѣлалъ для репута-

ціи своей жены. Это только еще болѣе раздражило его противъ меня, и я приняла рѣшеніе молчать и страдать молча“.

Эта картина домашней жизни великокняжеской четы, нарисованная преданнымъ другомъ Елисаветы Алексѣвны, живо представляетъ намъ и безпомощное ея положеніе, и ту недостойную роль, какую уже въ 1796 году, слишкомъ два года спустя со времени своей свадьбы, играла ея 17-лѣтній супругъ. Такое положеніе дѣлъ не могло долго продолжаться, и добродѣтель юной „Психеи“ должна подвергнуться сильному искушенію въ ближайшемъ будущемъ. Графиня Головина, вѣрившая, что великая княгиня вышла побѣдительницей изъ этой борьбы, тѣмъ не менѣе занесла на страницы своихъ „Записокъ“ слѣдующій случай, происшедшій чрезъ нѣсколько дней послѣ описанной ранѣ сцены.

„Однажды утромъ я сидѣла за клавесиномъ съ графиней Толстой, когда услышала, что дверь тихо отворилась и вошла или, лучше сказать, влетѣла въ комнату великая княгиня. Она взяла меня за руку, повела меня въ мою спальню, заперла дверь на ключъ и бросилась въ мои объятія, заливаясь слезами. Я не могу передать, что случилось со мною. Она собиралась сказать мнѣ что-то, какъ вдругъ постучались ко мнѣ въ дверь, крича, что пріѣхала моя мать изъ деревни меня навѣстить. Великая княгиня была очень огорчена этой помѣхой и сказала мнѣ слово, которое я никогда не забуду; затѣмъ она отерла свои слезы, вышла въ гостиную и была очень привѣтлива съ моей матерью, налила ей чай и сдѣлала видъ, что пришла нарочно, чтобы предложить ей завтракъ“.

Съ этого времени Головина уже не имѣла случая вступать съ великой княгиней въ дружескія, интимныя бесѣды до самаго отъѣзда своего съ наступленіемъ весны изъ Царскаго Села. За нѣсколько дней до отъѣзда,—говорила графиня Головина,—великая княгиня Елисавета попросила у меня прощальную записку. Я никогда не могла понять мотива этой просьбы, но это еще болѣе огорчило мои мысли. Все, казалось, приходило къ грустному концу. Я повиновалась ей, а она дала мнѣ въ обмѣнъ также записку, которую я храню до сихъ поръ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, съ воцареніемъ императора Павла, графиня Головина была вовсе удалена отъ великой княгини. „Я болѣе не видала великой княгини Елисаветы,—говоритъ она.—Мои пожеланія, моя сильная привязанность къ ней,—все осталось неизмѣннымъ, но великій князь Александръ воспользовался нерасположеніемъ ко мнѣ императрицы, своей

матери, чтобы отнять у меня всякую возможность видѣть великую княгиню и быть съ нею въ сношеніяхъ“. Мы едва-ли ошибимся, предположивъ, что и сама Елисавета Алексѣвна уже стѣснялась въ это время обществомъ своей прежней подруги, нравственные принципы которой и нерасположеніе къ Чарторижскому ей хорошо были извѣстны. Между тѣмъ, придворный шопоть о чувствахъ къ Елисаветѣ Алексѣвнѣ князя Адама Чарторійскаго не прошелъ для нея даромъ: возвратясь въ Петербургъ изъ поѣздки своей въ Москву на коронацію осенью 1796 года, императрица Марія Ѳеодоровна объявила своимъ невѣсткамъ, какъ сообщаетъ Головина, что онѣ не будутъ разставаться съ нею ни днемъ, ни ночью, и, дѣйствительно, по пріѣздѣ въ Павловскъ на лѣтнее мѣстопробываніе, она приказала своимъ невѣсткамъ спать въ ея комнатѣ. У великихъ княгинь Елисаветы Алексѣвны и Анны Ѳеодоровны не было даже другого помѣщенія, какъ апартаменты государыни. Этотъ стѣснительный образъ жизни и общія суровыя условія режима новаго императора довели Елисавету Алексѣвну до болѣзни. Она получила наконецъ позволеніе не являться при дворѣ и провести нѣсколько недѣль въ полномъ уединеніи. Доктора предписали ей употребить это время на лѣченіе. При всемъ томъ молодая великая княгиня находилась подъ бдительнымъ надзоромъ царственной своей свекрови, пока сама императрица не лишилась въ іюль 1798 года своего вліянія на своего супруга, увлекшагося княжной Лопухиной и, предаваясь въ уединеніи своему горю, должна была отказаться отъ наблюденія за своими невѣстками и была безсильной зрительницей паденія своей партіи, во главѣ которой стояла фрейлина Нелидова и братья Куракины. Молодые великія княгини пользовались теперь сравнительной свободой...

Всѣ эти показанія графини Головиной пріобрѣтаютъ для насъ тѣмъ большее значеніе и достовѣрность, что они получили молчаливое, но вѣское подтвержденіе самой Елисаветы Алексѣвны. Много лѣтъ спустя, когда она вновь стала оказывать Головиной вниманіе и довѣріе, Головина сообщила ей рукопись своихъ „Записокъ“ съ приведенными нами страницами, желая знать мнѣніе своего идола, которому вѣрила безгранично. Елисавета прочла ихъ и возвратила рукопись автору безъ всякаго замѣчанія. Трогательная наивность графини В. Н. Головиной, безсознательно оставившей потомству столько хвостовъ и намековъ въ своихъ впечатлѣніяхъ, замыкала уста даже для заинтересованной стороны.

Самъ Чарторижскій въ изданной части его „Мемуаровъ“; какъ галантный рыцарь, ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ отношеніяхъ своихъ къ великой княгинѣ, распространяясь исключительно о дружбѣ своей съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ и о немилости императора Павла, которую навлекла эта дружба на князя Адама. Не отрицая справедливости приводимыхъ имъ фактовъ, нельзя не замѣтить и односторонняго ихъ толкованія. Если, какъ говоритъ графиня Головина, „чувства князя Адама къ Елисаветѣ Алексѣевнѣ были всѣмъ извѣстны“, то, безъ сомнѣнія, ихъ не могли поощрять ни императрица Марія Ѳеодоровна, ни императоръ Павелъ. Отсюда стремленіе ихъ удалить его отъ молодого двора и даже совсѣмъ изъ Петербурга, встрѣчавшее упорное противодѣйствіе со стороны замороженного вкрадчивымъ полякомъ великаго князя Александра. Хлопоты великаго князя привели наконецъ къ компромиссу: Чарторижскій переведенъ былъ на гражданскую службу съ назначеніемъ гофмейстеромъ двора великой княжны Елены Павловны¹⁾. „У князя Чарторижскаго,—пишетъ Головина,—не было ни расположенія, ни влеченія къ мелочамъ службы, а, между тѣмъ, въ глазахъ императора, онъ и вмѣнялись въ наибольшую заслугу каждому. Его величество поговаривалъ, не дать ли ему команды надъ баталіономъ или даже полкомъ, но великій князь, содрогаясь при мысли, что государь можетъ открыть неспособность князя къ капральной службѣ, предупредилъ немилость, которой онъ подвергся бы въ подобномъ случаѣ, и предоставилъ ему мѣсто гофмейстера. Эта перемѣна не измѣнила въ сущности ничего. Великій князь сохранилъ ту же привычку къ князю и то же фамиллярное съ нимъ обращеніе. Новая должность требовала присутствія Чарторижскаго при дворѣ, за которымъ онъ слѣдовалъ всюду, и, кромѣ того, императоръ предоставилъ ему должность по Мальтійскому ордену. Несмотря на это, великій князь и князь Чарторижскій были убѣждены, что этотъ послѣдній вскорѣ впадетъ въ немилость у императора. Неспособный по своему характеру ко всѣмъ придворнымъ интригамъ, къ низости и заискиванію, свойственному обыкновеннымъ придворнымъ (таково было мнѣніе, которое онъ сумѣлъ въ то время внушить о себѣ ихъ императорскимъ высочествамъ), онъ дѣйствительно дорожилъ только великимъ княземъ, не имѣлъ и не думалъ искать никакой другой опоры.

¹⁾ До этого времени Чарторижскій, въ чинѣ полковника, состоялъ адъютантомъ великаго князя.

Однако ея одной было недостаточно въ то бурное и перемѣнчивое время. Великій князь предвидѣлъ заранѣе катастрофу, которая должна была удалить его отъ друга, и уже прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ предложилъ князю Чарторижскому оставить у него бумаги, которыя опасно было бы князю держать при себѣ“.

Катастрофа, которую предвидѣлъ великій князь Александръ Павловичъ по отношенію къ князю Адаму, могла имѣть связь со слухами, распространяемыми при дворѣ, о предосудительной близости молодого поляка къ двору наслѣдника престола, при чемъ великому князю давали роль слѣпого мужа. Слухи эти получили нѣкоторое реальное подтвержденіе, когда при дворѣ стало извѣстно, что великая княгиня Елисавета Алексѣвна почувствовала признаки беременности.

19 мая 1799 года у великой княгини Елисаветы родилась дочь, великая княжна Марія Александровна. Вѣрившая супружескимъ добродѣтелямъ Елисаветы Алексѣвны, графиня В. Н. Головина сообщаетъ о послѣдовавшихъ затѣмъ событіяхъ при дворѣ слѣдующій рассказъ, который мы должны были выпустить, по цензурнымъ условіямъ, при изданіи ея „Записокъ“ въ 1901 году.

„Князь Чарторижскій, остававшійся ближайшимъ другомъ великаго князя Александра, послужилъ орудіемъ самой ужасной клеветы, которой суждено было очернить репутацію и честь великой княгини Елисаветы. Ея свекровь, всегда завистливая къ ея достоинствамъ, не упустила случая повредить ей; графъ Толстой (Николай Александровичъ, гофмейстеръ молодого двора), играя роль вѣрнѣйшаго и преданнѣйшаго слуги ихъ высочествъ, былъ первымъ довѣреннымъ лицомъ императрицы, ея шпиономъ и прихвостнемъ. До этого времени (августа 1799 г.) императоръ Павелъ прекрасно относился къ своей невѣсткѣ послѣ ея родовъ. Онъ часто обращался къ ней за подробностями о маленькой своей внучкѣ и даже напоминалъ ей о необходимости имѣть сына. Но во время послѣдняго пребыванія своего въ Павловскѣ императрица приказала однажды великой княгинѣ Елисаветѣ прислать къ ней внучку, хотя ей было всего три мѣсяца, а помѣщеніе великаго князя Александра было довольно удалено отъ дворца. Нужно было повиноваться, а по возвращеніи дочери, великая княгиня узнала отъ сопровождавшихъ ее дамъ, что императрица носила внучку къ императору. Великая княгиня Елисавета, которая была далека отъ мысли о бурѣ, собиравшейся

надъ ея головой, была только благодарна императрицѣ, видя въ ея поступкѣ лишь желаніе приучить императора къ его внучкѣ. Она жестоко обманулась въ этомъ отношеніи и скоро узнала о томъ. Но виновники этихъ непріятностей сумѣли скрыть отъ нея часть правды и навлечь ея негодованіе противъ тѣхъ лицъ, которыя были менѣе всего въ этомъ виноваты. Графъ Раstopчинъ и г. Кушелевъ были въ приѣмной предъ кабинетомъ императора, когда въ ней внезапно появилась императрица съ ребенкомъ въ рукахъ. Она сказала имъ: „не правда ли, какое это прекрасное дитя?“ Они подтвердили это, а затѣмъ она прошла къ императору, отъ котораго чрезъ четверть часа она вышла еще быстрѣе, чѣмъ вошла. Послѣ этого пришелъ Кутузовъ звать Раstopчина къ государю и сказалъ ему по-русски: „Боже мой, зачѣмъ только эта несчастная женщина приходила возмущать покой государя ужасными словами!“ Раstopчинъ вошелъ къ императору и нашелъ его крайне взволнованнымъ. „Подите,—сказалъ Павелъ Раstopчину,—напишите какъ можно скорѣе приказъ объ удаленіи Чарторижскаго въ одинъ изъ Сибирскихъ полковъ. Моя жена только-что возбудила во мнѣ нѣкоторыя сомнѣнія о моей внучкѣ. Толстой знаетъ объ этомъ такъ же, какъ и она“. Раstopчинъ отказался исполнить приказаніе, представляя его величеству, что подобныя рѣчи дадутъ пищу самой ужасной клеветѣ и что удаленіе Чарторижскаго покроетъ вѣчнымъ стыдомъ великую княгиню, столь же добродѣтельную, сколь и невинную. Но онъ не могъ поколебать рѣшенія императора, и, видя, что его невозможно переубѣдить, Раstopчинъ ограничился повтореніемъ, что никогда его рука не напишетъ этого несправедливаго приказа, и вышелъ изъ кабинета. Тогда императоръ написалъ ему письмо съ изъясненіемъ всѣхъ обстоятельствъ, оправдывающихъ его приказъ. Раstopчинъ снова отказался подчиниться ему, а когда гнѣвъ императора смягчился, то онъ далъ повелѣніе, чтобы Чарторижскій удаленъ былъ отъ двора въ мягкой формѣ, въ видѣ назначенія его посланникомъ къ Сардинскому королю, который, будучи вынужденъ революціонными войсками оставить свое государство, скитался по тѣмъ мѣстамъ Италіи, гдѣ сохранялось спокойствіе. Великій князь Александръ былъ удрученъ этимъ назначеніемъ, такъ какъ ни онъ, ни князь Чарторижскій не сомнѣвались въ томъ, что оно похоже было на ссылку. Великій князь тотчасъ пришелъ къ своей супругѣ, чтобы раздѣлится съ ней свою скорбь, и они оба терялись въ догадкахъ о при-

чинъ такого внезапнаго распоряженія. Ихъ императорскія высочества приняли князя Чарторижскаго послѣ объѣда. Онъ привелъ имъ доводы, доказывавшіе, что его удаленіе пытались связать со слухами, накладывавшими тѣнь на великую княгиню. Она была глубоко оскорблена этимъ, и это чувство отражалось на ея лицѣ, когда вечеромъ явилась къ императору. Войдя въ комнату, гдѣ обыкновенно ожидали его великія княгини, императоръ, не говоря ни слова, взялъ великую княгиню Елисавету за руку, повернулъ се лицомъ къ свѣту и устремилъ на нее пристальный взглядъ. Съ этого времени онъ не говорилъ съ нею въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.

Вечеромъ того же дня графъ Толстой, проявлявшій, по видимому, самое сердечное участіе къ постигнутому ихъ высочества горю, сообщилъ имъ о подозрѣніяхъ императора, въ умѣ котораго успѣли возбудить сомнѣнія въ чистотѣ поведенія великой княгини. Графъ Толстой предложилъ свои услуги, чтобы открыть источникъ этой интриги, и вотъ что, по его увѣренію, онъ узналъ отъ Кутузова. Въ тотъ день, когда императрица принесла великую княжну-младенца къ императору, Кутузовъ и графъ Растопчинъ были въ комнатахъ его величества. Императрица отмѣтила императору ту особенность младенца, что онъ былъ смугль, тогда какъ великая княгиня Елисавета и великій князь Александръ были блондины. Послѣ ухода императрицы, императоръ остался одинъ съ Растопчинымъ, и затѣмъ Растопчинъ, выйдя отъ государя, написалъ и приготовилъ къ подписи указъ объ удаленіи князя Чарторижскаго. Послѣ этого казалось яснымъ, что Растопчинъ внушилъ императору неосновательныя подозрѣнія противъ великой княгини. Но что могло побудить его къ этому? Между нимъ и кн. Чарторижскимъ никогда не существовало вражды, и Чарторижскій до этого времени не имѣлъ повода на него жаловаться. Значить, это случилось вслѣдствіе подстрекательства моего мужа, который, казалось, не желалъ добра кн. Чарторижскому. и который, кромѣ того, хотѣлъ отомстить за себя великому князю. Тутъ вспомнили все, что мы дѣлали, чтобы помѣшать сближенію Чарторижскаго съ великимъ княземъ, такъ какъ я никогда не скрывала своихъ чувствъ къ Чарторижскому. При всѣхъ случаяхъ я доказывала своимъ поведеніемъ, что принципы для меня были дороже благосклонности, но предположимъ, что мною руководили другіе мотивы, и было рѣшено, что мой мужъ и я пожертвовали репутаціей великой княгини, чтобы удовлетворить чувству личной вражды и мщенія.

„Я приняла близко къ сердцу горести великой княгини и была далека отъ мысли, что въ нихъ обвинять именно меня.

Для великой княгини, казалось, не было сомнѣній, что причина постигшаго ее несчастья именно я. Въ періодъ нѣжной юности кажется правдоподобнымъ самое невѣроятное: допускаютъ существованіе самыхъ высокиихъ добродѣтелей, но когда обстоятельства показываютъ дурныя свойства чело-вѣческаго сердца, скорѣе признаютъ самое черное преступленіе, чѣмъ артистически разыгранную интригу. Первые несчастья въ жизни великой княгини связаны были послѣдовательно съ предметами, столь дорогими ея сердцу, что должны были причинить ей жестокою скорбь. Она считала себя жертвой измѣны со стороны лица, котораго она нѣжно любила и на нерушимую преданность котораго имѣла полное право рассчитывать. Поступокъ императора былъ для нея публичнымъ обвиненіемъ, она осталась безъ всякой защиты, и все это она приписывала мнѣ. Такимъ образомъ ея сердцу нанесена была глубокая рана. Но вскорѣ чувство негодованія дало ей силу не показывать тѣмъ, кто ее оскорбилъ (кто бы они ни были), что они достигли своей цѣли. Въ обществѣ она выказывала полную сдержанность, а въ домашнемъ кругу она старалась изгладить всякую мысль о моемъ мужѣ и обо мнѣ. Она смотрѣла на насъ съ этого времени какъ на заклятыхъ враговъ“.

Разумѣется, что сомнѣнія, возбужденныя въ умѣ императора Павла Петровича рожденіемъ великой княжны Маріи Александровны, не остались безъ слѣда въ воспоминаніяхъ и другихъ современниковъ Павловскаго времени. Проф. Аскенази ссылается при этомъ на рассказы, съ польской стороны, графини Потоцкой, жены Адама Потоцкаго, рожденной графини Браницкой—живого источника русско-польскихъ традицій; то же подтвердили ему кн. Адамъ Сапѣга, кн. Константинъ Чарторижскій и графъ Карлъ Ланцкоронскій, потомокъ Головиной и владѣлецъ оригинала ея „Записокъ“. Французскій посоль при дворѣ Николая I, баронъ Барантъ, въ своихъ „Мемуарахъ“ оставилъ слѣдующій рассказъ, переданный ему современниками Александра I. „Послѣ своей женитьбы, когда Александръ былъ еще только великимъ княземъ, онъ охладѣлъ къ своей супругѣ, хотя она была прелестна. Не считая справедливымъ требовать отъ нея соблюденія супружеской вѣрности, которую онъ самъ не хотѣлъ сохранять, онъ предложилъ ей взаимную свободу въ этомъ отношеніи. Великая

княгиня скоро воспользовалась предоставленнымъ ей правомъ и избрала своимъ фаворитомъ князя Чарторижскаго. Великій князь остался доволенъ этимъ выборомъ и всячески благопріятствовалъ этой связи. Послѣ этого великая княгиня забеременѣла и родила. Когда графиня Ливенъ, бывшая статсъ-дамой, поднесла дитя къ императору Павлу, онъ замѣтилъ черные глаза и пушокъ новорожденного ребенка. „Сударыня,—сказалъ онъ графинѣ,—думаете ли вы, что бѣлокурые родители могутъ имѣть черноволосаго ребенка?“ Статсъ-дама не нашла ничего лучшаго, какъ сказать: „Государь, Богъ всемогущъ“. Этотъ ребенокъ - дочь не прожила долго. Въ разсказѣ фрейлины Мухановой, болѣе правдоподобномъ, вопросъ императора Павла о ребенкѣ обращенъ былъ не къ статсъ-дамѣ Ливенъ, а къ придворному доктору Беку, который отвѣтилъ императору, что „для Бога нѣтъ ничего невозможнаго“.

Что касается до самого великаго князя Александра Павловича, то, играя двойную роль въ глазахъ публики: то счастливаго отца, то слѣпотаго мужа,—матери своей, императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, онъ, будучи императоромъ, высказывался о поведеніи своей жены въ неодобрительномъ тонѣ, устраняя всякую мысль о своемъ пособничествѣ Чарторижскому и подчеркивая свое деликатное отношеніе къ женѣ. Въ неизданной части „Дневника“ секретаря Маріи Ѳеодоровны Вилламова записанъ разговоръ его объ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ съ императрицей Маріей. Указавъ своему собесѣднику на холодность отношеній невѣстки къ императору Александру, императрица Марія, на основаніи собственныхъ наблюденій и бесѣдъ съ сыномъ, высказала свое убѣжденіе, что отъ самой Елисаветы зависѣло всегда привлечь къ себѣ мужа, который съ необычайной деликатностью относился къ ней въ періоды связи ея сначала съ Чарторижскимъ (1796—1798 гг.), а затѣмъ съ Охотниковымъ (1805—1806 гг.).

Такимъ образомъ связь Елисаветы съ Чарторижскимъ подтверждается собственнымъ признаніемъ Александра въ интимныхъ бесѣдахъ его съ матерью, при чемъ онъ, естественно, не пожелалъ уяснить ей истиннаго характера своей роли въ этой исторіи, сваливъ всю отвѣтственность на жену. Тщательно изучивъ личность императрицы Маріи Ѳеодоровны и характеръ ея отношеній къ своему первенцу, мы не думаемъ, чтобы онъ могъ вполнѣ обмануть ее въ этомъ отношеніи. Отбросивъ личныя, сентиментальныя свои воззрѣнія, она взглянула на вопросъ, съ практичностью истой нѣмки,

съ династической точки зрѣнія и для усугубленія виновности своей невѣстки привела Вилламову подлинныя слова мужа-византійца: „Я былъ внѣ себя, ожидая разрѣшенія жены отъ бремени: что я сталъ бы дѣлать, если бы у нея отъ посторонней связи родился сынъ, наслѣдникъ русскаго престола?“ Безъ сомнѣнія, положеніе Александра въ этомъ случаѣ было трагическое, но не забудемъ, что этотъ человѣкъ, „къ противочувствіямъ привычный“, ставилъ себя въ положенія еще болѣе трагическія, напр., при ужасной кончинѣ отца.

Замѣтимъ кстати, что обѣ дочери императрицы Елисаветы Алексѣвны, Марія Александровна (отъ Чарторижскаго)¹⁾ и Елисавета Александровна (отъ Охотникова), умирали на второмъ году своего возраста и обѣ погребены не въ Петропавловскомъ Соборѣ, а въ Благовѣщенской церкви Александроневской лавры.

Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ со стороны самой императрицы Елисаветы Алексѣвны, чтобы судить о ея переживаніяхъ въ періодъ связи ея съ Чарторижскимъ: въ письмахъ ея къ матери о ней нѣтъ и намека, а бумаги, оставшіяся послѣ кончины Елисаветы Алексѣвны въ 1826 г., въ томъ числѣ и ея драгоцѣнный для исторіи „Дневникъ“, были сожжены рукою императора Николая Павловича, не щадившаго историческихъ документовъ, если, по той или другой причинѣ, они не согласовались съ его симпатіями и воззрѣніями. Тѣмъ важнѣе вновь появляющіеся матеріалы съ другой, доселѣ молчавшей, стороны, т.-е. князя Адама Чарторижскаго. Проф. Львовскаго университета Аскенази, получившій доступъ къ архиву князей Чарторижскихъ, готовитъ въ настоящее время изданіе дневника и корреспонденціи кн. Адама Чарторижскаго, изъ которыхъ явствуетъ существованіе необычныхъ отношеній его къ императрицѣ Елисаветѣ, романтическаго характера, и подтверждается извѣстіе о происходившей между ними перепискѣ. Чарторижскій, возвратившійся въ Петербургъ послѣ смерти Павла I, былъ потомъ до 1807 г. въ числѣ ближайшихъ совѣтниковъ Александра и какъ членъ извѣстнаго комитета спасенія, и какъ министръ иностранныхъ дѣлъ. Но и послѣ того онъ оставался въ Петербургѣ до 1810 года. Хотя связь его съ Елисаветой уже не возобновлялась, но она оставила послѣ себя прочныя слѣды взаимнаго пониманія и дружескихъ отношеній, вполне чистыхъ со стороны Елисаветы

¹⁾ Великая княжна Марія Александровна умерла 27 іюля 1800 г.

Алексѣевны и не всегда безкорыстныхъ со стороны кн. Адама, всегда имѣвшаго въ виду интересы своей польской отчизны. Проф. Аскенази приводитъ въ „Голосѣ минувшаго“ слѣдующіе отрывки изъ „Дневника“ кн. Чарторижскаго за 1814—1815 г.г., касающіеся императрицы Елисаветы, справедливо полагая, что изъ отрывковъ этихъ самъ читатель сдѣлаетъ вѣрное заключеніе о характерѣ существовавшихъ между ними отношеній. Напомнимъ читателю, что въ 1814—1815 г.г. въ Вѣнѣ засѣдалъ конгрессъ, гдѣ находились многіе монархи и гдѣ рѣшались судьбы Европы и Польши.

„(Вѣна, сентябрь—октябрь 1814 г.). Пріѣздъ въ Вѣну. Здѣсь я вижу ее, сильно измѣнившуюся, но для меня всегда ту же со стороны ея и моихъ чувствъ. (Они утратили свой пылъ, но въ нихъ сохранилось достаточно силы, чтобы вовсе не видѣть ея было великой мукой). Разъ только до сихъ поръ я видѣлъ ее; плохо принятый, я переживаю непріятные дни...

„Она выбираетъ меня къ танцу у Штакельберга¹⁾. Онъ²⁾ постоянно болтаетъ мнѣ на ухо, чтобы стереть это.

„Не вижу ея; мнѣ кажется, что она мѣняется. Всѣмъ она нравится. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ похорошѣла... Я печаленъ и несчастливъ, какимъ давно не былъ. Я предостерегъ относительно его³⁾ мысли о примиреніи...

„3 декабря... Попадаю къ Нарышкину. Вторая встрѣча. Признаны новыя обязанности... Она всегда истинный ангель. Ея письмо...

„Моя тетка⁴⁾ сплетничаетъ; мой отецъ⁵⁾ сказалъ ей о ней. Наука, что мало кому можно довѣрить настоящую и важную тайну. Третья встрѣча при посредствѣ Нарышкина... Визитъ императора у (къ?) моей теткѣ... Ея визитъ и писмо... Жаръ... и сны, и угрызенія, укоряющія въ виновности. Станъ и лицо измѣнились, однако все та же очаровательность, а душа ангельская...

„18 января (1815 г.)... Къ ней пишу.

„До 28 января. Письмо... отдано и сейчасъ на слѣдующій день вижу. Разнообразность моихъ чувствъ. Она всегда пер-

¹⁾ Россійскій посолъ въ Вѣнѣ.

²⁾ Вѣроятно, Александръ.

³⁾ Алексъ Андра?

⁴⁾ Княг. Елизавета Любомирская, рожд. Чарторижская, вдова маршалка Станислава Любомирскаго.

⁵⁾ Стрыйскій князь Адальфъ-Казимиръ Чарторижскій тогда отсутствовалъ въ Вѣнѣ; очевидно, уже раньше онъ проболтался передъ сестрой своей, княг. Любомирской.

вый и единственный предметъ. Обмѣнъ кольцами. Ея доброта, ея чувства иного рода. Она не хочетъ остаться въ Германіи; герцогъ Брауншвейгскій совѣтуетъ это; она приноситъ себя въ жертву... Мои сплины; я испорченъ доброжелательностью и любовью;... душа не можетъ подняться до ея превосходства...

„Я желаю ей счастья и завидую ему; страстно люблю, а все-таки...; я все посвятилъ бы, а святость чувства недостаточно сохраняю. Долгая неуверенность, противность и неустанныя обиды, и двадцатилѣтнее ожиданіе, и ея уже въ теченіе столькихъ лѣтъ прикрытое чувство разрушили правильный порядокъ сердца. Несчастія одной невѣрности¹⁾ потрясли нѣкоторые самые деликатные принципы. Но это не оправдываетъ меня, такъ какъ я отъ сердца простилъ; и она не прощенья, но любви, уваженія и обожанія достойна...

„16 февраля... Великая печаль угнетаетъ меня и отвращеніе ко свѣту. Она, быть можетъ, недовольна...

„До 3 марта. Боязнь за перемѣну въ ней потрясаетъ меня сильнѣе всего своею жалостію... печаль, такъ что чувствую себя больнымъ. Пишу къ ней... Мой разговоръ съ императоромъ... Поднимаю матерію о ней.

„8 марта. Ея отъѣздъ. Въ канунъ отъѣзда утромъ прощаюсь. Сила этого союза достойна вниманія... между тѣмъ какъ время, отдаленіе и неизбежность должны были стереть чувство и потушить его одними препятствіями: оно собственной силой все преодолеваетъ. Ничто уже не говоритъ въ его пользу: ни желаніе счастья и наслажденія, ни разсудительность, ни какая бы то ни было надежда, ничто мірское и человѣческое; однако, оно сильнѣе столькихъ различныхъ побужденій. Я говорю и пишу о необходимости брака²⁾. Она радуется извѣстію о появленіи Наполеона въ надеждѣ, что на болѣе долгое время останется въ Германіи. Перемѣна во мнѣ... чувства искреннія, глубокая, которыя захватываютъ всю душу и насквозь проникаютъ... только принадлежали и принадлежатъ ей“.

Во всякомъ случаѣ, для русской исторіи изслѣдованія отношеній императрицы Елисаветы Алексѣевны къ Чарторижскому представляются небезполезными. Въ XVIII и XIX в. частная жизнь монарховъ иногда тѣсно переплеталась съ политической жизнью народовъ и управляла ими. Вліяніе Чарто-

¹⁾ Вѣроятно, по дѣлу Охотникова.

²⁾ Кн. Адамъ еще не былъ женатъ въ это время.

рижскаго на Александра I, въ связи съ вопросомъ о возрожденіи Польши, признано всѣми, и, кто знаетъ, не зависѣли ли тѣ или другія перипетіи этого вопроса въ умѣ Александра, привыкшаго къ чувствамъ и противочувствіямъ, отъ близости къ его женѣ человѣка, умѣвшаго вторгнуться въ его семейную жизнь и не стѣснявшагося говорить съ нимъ объ этомъ даже 20 лѣтъ спустя? Быть можетъ, именно этотъ разговоръ (до 3 марта 1815 г.) и былъ причиною крушенія надеждъ Чарторижскаго сдѣлаться намѣстникомъ Александра въ возрожденной Польшѣ и затѣмъ окончательнаго возвращенія его въ политическое небытіе. Ко многимъ явленіямъ жизни и къ собственнымъ поступкамъ люди въ зрѣломъ возрастѣ относятся часто совершенно иначе, чѣмъ 18—20 лѣтъ. И слѣдуетъ ли прибавлять, что помѣщенный среди такихъ двухъ авгуровъ и знатоковъ своего дѣла, какъ Александръ I и кн. Адамъ Чарторижскій, безмолвный и симпатичный образъ несчастной императрицы Елисаветы Алексѣвны только выигрываетъ въ своей чистотѣ и поэзій?

Сообщилъ **Е. Шумигорскій.**

Обзоръ Записокъ графа Матвѣева и вновь открытыхъ вариантовъ ихъ о стрѣлцкомъ полковникѣ Сухаревѣ.

Главнѣйшимъ источникомъ, изъ котораго почерпаются свѣдѣнія о стрѣлцкихъ мятежахъ 1682—1698 г., признаются Записки графа Андрея Артамоновича Матвѣева. Два списка Записокъ, безъ предисловія ихъ автора, изданы Туманскимъ въ I и VI т. Собр. соч. о жизни и дѣяніяхъ Петра Великаго, одинъ же списокъ, съ предисловіемъ автора, изданъ Сахаровымъ въ Запискахъ русскихъ людей временъ Петра Великаго, по сличеніи съ нѣсколькими списками. Матвѣева считаютъ составителемъ Записокъ о стрѣлцкихъ мятежахъ, основываясь на свидѣтельствѣ Татищева:

„Сильвестръ Медвѣдевъ... и графъ Матвѣевъ описали стрѣлцкій бунтъ... графа Матвѣева отецъ въ ономъ стрѣльцами убитъ“... При Петрѣ Великомъ произошло три стрѣлцкихъ бунта, да и самъ царь, въ 1700 г., писалъ Іерусалимскому патріарху Досіею: „Стрѣльцы уже въ третій разъ (въ теченіе 19 лѣтъ) бунтовали... истинно толко пакосники, а не воины были, которыхъ мы... иныхъ казнию, иныхъ наказаніемъ смирили, протчихъ же съ 20000 принуждены были отставить, опасаясь впредь смятенія“... ¹⁾.

Въ нѣкоторыхъ спискахъ труда Матвѣева стрѣлцкіе мятежи объединяются въ „троекратный бунтъ“. По выраженію заключительной части книги барона Шафирова († 1739 г.), редактированной самимъ Петромъ, — Разсужденіе о причинахъ войны съ Швеціей, изд. 1717 г. „за бунтъ троекратный стрѣльцы переведены, и начали регулярное войско заводить“ (стр. 266).

¹⁾ Письма и бумаги Петра Вел., т. I № 323. По официальнымъ документамъ насчитывалось въ Москвѣ 19 стрѣлцкихъ полковъ (А. Арх. Эксп. т. IV, 409). Къ расколу примкнуло 9 полковъ изъ 19 (Савва Романовъ). Въ 1684 г. оставлено въ Москвѣ 7 стрѣлцкихъ полковъ, счетомъ 6056 человекъ. Въ Сухаревомъ полку признаны будто-бы негодными 96 человекъ. (Туманскій, т. VI, 229).

Судя по языку Записокъ и оговоркамъ при разсказѣ о первомъ бунтѣ, а также перечню въ нихъ сношеній Петра съ иностранными державами, описаніе всѣхъ трехъ бунтовъ сдѣлано однимъ и тѣмъ же лицомъ. Такъ, несомнѣнна тѣсная связь выражений въ началѣ Записокъ — „между сихъ печальныхъ дѣйствій“ и въ концѣ — „послѣ сихъ печальныхъ дѣйствій“, подъ которыми разумѣются три бунта. Сооруженіе, съ согласія царевны Софьи Алексѣевны, на Красной площади Москвы каменнаго столпа съ изображеніемъ на прикрѣпленныхъ къ нему жестяныхъ листахъ именъ убитыхъ стрѣльцами знатныхъ особъ и описаніемъ ихъ винъ ¹⁾ было поручено стрѣлецкимъ подполковникамъ Озерову и Цыклеру, „и по нѣкоторыхъ лѣтѣхъ на томъ же... столпѣ тому Цыклеру воздаяніе не укосило, о чемъ ниже показуется“... Обѣщаніе свое авторъ Записокъ соблюдъ, проведя слѣдующую параллель: „Гдѣ прежде неповинныхъ бояръ тѣла на Красной площади лежали, тамо головы Соковнина и того прежняго столпотворителя, и стараго Цыклера, и Пушкина, и сообщниковъ ихъ воровъ же стрѣльцовъ, на желѣзныхъ рожнахъ разставлены были“... (Туманскій, т. VI). Немногіе, даже очень давніе списки труда Матвѣва, въ рядѣ списковъ—одного Акад. Наукъ, 1737 г., одного въ Собр. Туманскаго и одного въ Импер. Публичн. Библіотекѣ (безъ означенія года), содержатъ въ себѣ описаніе только перваго бунта, какъ и книжка Сумарокова, изд. 1768 г.—Едва-ли кому-нибудь, кромѣ маститаго дипломата Матвѣва, пришло бы на умъ прозвать Ивана Михайловича Милославскаго московскимъ Кромвелемъ. Уподобленіе Матвѣевымъ, въ завершеніе сопоставленій отечественныхъ типичныхъ личностей съ чужеземными, русскаго мужа, падкаго „на всякія пакости, прехитраго и злоковарнаго, невѣжественнаго въ христіанскомъ законѣ“, Ивана Милославскаго знаменитому Оливеру Кромвелю свидѣтельствуемъ о близкомъ знакомствѣ автора Записокъ не только съ древней исторіей, откуда выхвачены имъ подходящіе эпизоды, но и съ новѣйшей исторіей, особенно же съ исторіей Англии, гдѣ онъ состоялъ посланникомъ ²⁾. Личность Оливера Кромвеля привлекла къ себѣ вниманіе Матвѣва какъ признаками аналогіи съ личностью Ми-

¹⁾ Содержаніе надписи приведено въ Зап. Медвѣдева и у Туманскаго, въ VI т., стр. 119—133.

²⁾ Обида, нанесенная ему англичанами (задержаніе за долги), послужила поводомъ присылки королевой Англии посольства къ Петру съ извиненіями (см. Дневникъ Юста-Юлія, изд. Щербачевымъ).

лославскаго, такъ и въ виду краткаго промежутка времени (около 25 лѣтъ), отдѣлявшаго экзекуцію надъ трупомъ послѣдняго отъ акта возмездія, учиненнаго, по постановленію англійской Палаты общинъ, надъ трупомъ „лицемѣрнаго узурпатора, приносившаго все въ жертву своему честолюбію, прикрывавшаго религіозной маской свои коварные и себялюбивые замыслы, подготовившаго почву для смертной казни Карла“ (1). „Въ годовщину смерти короля, 30 января 1661 г.,“ говоритъ біографъ Кромвеля Джонъ Марлей, совершилась возмутительная церемонія. Послѣ поста и молитвы, исторгнутыя изъ церкви тѣла Кромвеля и его сообщниковъ Аиртона и Бредшо... были привезены на саняхъ, вынуты изъ гробовъ и повѣшены, затѣмъ полуразложившіяся тѣла сняли и, отрубивъ головы, зарыли подъ висѣлицами. Три головы были воткнуты на высокіе шести въ Вестминстеръ-Холлѣ, гдѣ несчастному королю довелось выслушать смертный приговоръ за оскорбленіе имъ парламента и возбужденіе междоусобной войны.

Возникаетъ вопросъ: когда Записки составлены Матвѣвымъ? Крекшинъ въ предисловіи къ своимъ Запискамъ сѣтуетъ, что „въ лѣта Петра не бысть прилежнаго писателя дѣяній его... Да и въ Россіи блаженныхъ дѣлъ его сотою части въ рукахъ Записокъ нѣтъ“ (стр. 5). Сахаровъ не отважился опредѣлить времени составленія Матвѣвымъ Записокъ. Устряловъ 2) и Аристовъ 3) думали, что трудъ его появился едва-ли не по смерти Петра Великаго. Соловьевъ 4) внѣшнимъ поводомъ къ составленію Матвѣвымъ Записокъ призналъ доношеніе барона Шафирова вдовѣ Петра Екатеринѣ I-й о потребныхъ матеріалахъ для исполненія даннаго Шафирову сенатомъ 5 мая 1725 г., по волѣ императрицы, порученія написать исторію Петра до 1700 г. съ котораго уже имѣлась „Гисторія“, собранная въ Кабинетѣ.

Погодинъ, обозрѣвая первыя 17 лѣтъ жизни Петра, весьма кстати остановился на томъ, что въ Запискахъ Матвѣва: 1, о нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицахъ повѣствуется какъ объ умершихъ, напр. о царевнѣ Настасѣ Алексѣевнѣ († 1716 г.), Василии Голицынѣ († 1713 г.), царевнѣ Софѣ Алексѣевнѣ († 1704 г.), и 2, что при указаніи урочища перемѣна названій вызвала поясненія: „дворъ Лыковъ“, нынѣ цейхаузъ, „Пога-

1) Клэрндонъ: Ист. англ. революціи.

2) Ист. царств. Петра Вел. Введеніе.

3) Московск. смуты въ правл. царевны Софьи.

4) Ист. Россіи, т. XVIII, гл. 4.

ный прудъ“, нынѣ Чистый и т. д. Догадка Соловьева мнѣ представляется мало основательной. О смерти Петра въ Запискахъ Матвѣва нѣтъ ни слова. Выраженіе въ моемъ экземплярѣ Исторіи стрѣлецкихъ бунтовъ (по Матвѣву), заключающемъ въ себѣ отсутствующую въ извѣстныхъ спискахъ замѣтку переписчика о Сухаревой башнѣ, „гдѣ нынѣ школы“ (математическихъ и навигаціонныхъ наукъ), не позволяетъ мнѣ отодвинуть составленіе Матвѣевымъ Записокъ далѣе второго десятилѣтія XVIII вѣка (см. ниже), когда еще не были разрушены каменные столпы, поставленные надъ ямами, гдѣ складывались трупы казненныхъ стрѣльцовъ¹⁾. Въ упомянутомъ доношеніи Шафировъ интересовался, между прочимъ, причинами казни Ивана и сына его Андрея Хованскихъ²⁾ Матвѣвъ съ большимъ знаніемъ тонкости крамолы повѣдалъ „съ какого случая казнены Хованскіе“ 17 сентября 1682 г. Если бы повѣствованіе Матвѣва возбудило сомнѣніе относительно роли, какую игралъ среди стрѣльцовъ старикъ Иванъ Хованскій, котораго, по словамъ Матвѣва, Милославскій сдѣлалъ участникомъ, вмѣстѣ съ вѣдавшимъ суднымъ приказомъ сыномъ Андреемъ, въ гнусномъ своемъ дѣлѣ, то оно должно разсѣяться хотя бы Записками Медвѣдева, отчетами Невилля Людовику XIV и датскаго резидента Розенбуша своему правительству. Сахаровъ въ 10-мъ примѣч. къ Запискамъ Медвѣдева, казненнаго за участіе въ бунтѣ 1682 г. Погодинъ³⁾ и Брикнеръ⁴⁾ удачно подмѣтили неотразимую улику противъ старика Хованскаго и царевны Софьи. Въ присутствіи Розенбуша Иванъ Хованскій спросилъ нагрывшихъ къ Кремлю бунтовщиковъ: „угодно ли имъ удалить отъ двора царицу Наталю Кирилловну“? Предложеніе вызвало утвердительные крики стрѣльцовъ. Старикъ Хованскій, завѣдывавшій стрѣлецкимъ приказомъ, былъ вліятельнымъ органомъ сосредоточенныхъ въ покояхъ царевны Софьи секретныхъ сношеній съ стрѣльцами. Отъ этого безтактнаго, простоватаго, но популярнаго у стрѣльцовъ приверженца старой вѣры, „тараруемъ“ ихъ „батькой“ (онъ во всемъ имъ потворствовалъ), а заодно съ невоздержнымъ на языкъ его сыномъ Андреемъ, кичившимся своимъ происхожденіемъ отъ владѣтельныхъ литовскихъ князей

¹⁾ „Надъ тѣми ямами по дорогамъ каменные столпы поставлены, которые и понынѣ видимы“ (Матвѣвъ).

²⁾ Другой сынъ Иванъ подвергся ссылкѣ.

³⁾ Источники Ист. стрѣлецк. бунт. отд. V.

⁴⁾ Ист. Петра Вел. гл. I.

(Матвѣвъ), понадобилось Милославскому, „изъ придворной ¹⁾ его политики“, скорѣе отдѣлаться, вслѣдствіе страха обнаруженія своихъ преступныхъ плановъ и центрального очага заговора ²⁾. Съ цѣлью склонить Софью на быструю, безъ разслѣдованія, казнь Хованскихъ, 2 сентября 1683 г. пустили въ обращеніе подметное письмо, доказавшее двору о подготовленіи имъ государственнаго переворота посредствомъ убійства государей и ея, Софьи. Письмо, помѣченное, какъ удостовѣряетъ Желябужскій (Зап. стр. 6), думнымъ дьякомъ „Щекловитымъ“, занявшимъ позднѣе постъ Ивана Хованскаго, навело якобы такой ужасъ на Софью, что она немедленно уѣхала изъ села Коломенскаго, гдѣ тогда находилась, въ Савинъ Сторожевскій монастырь (Матвѣвъ). Иванъ Хованскій приговоренъ къ смерти по обвиненію въ разныхъ самовольныхъ поступкахъ, въ умысленіи извести государей и сѣсть на царскомъ престолѣ. Устряловъ, ограничившись ссылкой на Матвѣва и Медвѣдева, не привелъ указа 1682 г. съ мотивами приговора, помѣщеннаго Сахаровымъ во 2-мъ прилож. къ „Запискамъ русскихъ людей“. Въ указѣ обращаютъ на себя вниманіе слова: „да ты же облыгалъ надворную пѣхоту (стрѣльцовъ)... будто отъ нихъ быти великимъ бѣдамъ, а отъ нихъ въ то время того не было“... Въ указѣ Софья прикрывалась именемъ государей, хотя сама заправляла всѣми дѣлами.

Предисловіе графа Матвѣва къ его Запискамъ показываетъ, что изготовленіемъ ихъ и описанными въ нихъ „еще не застарѣлыми“, не вывѣтрившимися изъ памяти событіями протекло много лѣтъ, такъ что иноземная литература успѣла обогатиться печатными сочиненіями о стрѣлецкихъ смутахъ: „Уже то на чужестранныхъ языкахъ при цесарскомъ и при королевскихъ европейскихъ дворахъ подробно печатными книгами изображенная гласится“. Скороспѣлыми печатными книгами о стрѣлецкихъ бунтахъ были сочиненія саксонца Шлейзинга (1688 г.), англичанина Бове (1699 г.), австрійца Корбе (1700 г.) и нѣкоторыя другія.

¹⁾ У Сахарова ошибочно „изъ придворной“.

²⁾ Милославскій черезъ свои послышки въ комнаты царевны указомъ принудилъ бояръ, чтобы, не взирая отнюдь ни на какія князей Хованскихъ отговорки, точнѣе казнить ихъ велѣли“. По заключенію Крекшина, „тою казнію царевна Софья Алексѣевна дѣйство и начинателя бунта Милославскаго и товарищей скрыли остались неизвѣстны“ (стр. 48) Означенный указъ, какъ и указъ князю Михаилу Ивановичу Лыкову о здержаніи Хованскихъ въ с. Пушкинѣ внесенъ въ царскую Записную книгу. Содержаніе его приведено Желябужскимъ. Тамъ же указъ о наказаніи полковниковъ по жалобѣ стрѣльцовъ (1682 г.).

Почти всѣ иностранные писатели въ отзывѣхъ о царевнѣ Софѣ превозносятъ ея недюжинныя интеллектуальныя способности, утонченный умъ и энергію, но черными красками рисуютъ ея нравственныя качества, но и не стѣсняются бросать на нее подозрѣніе въ намѣреніи прекратить жизнь юнаго Петра, дабы проложить себѣ дорогу къ удовлетворенію ненасытнаго честолюбія.

Изъ нашихъ историковъ Погодинъ полагалъ, что рѣшеніе убить Петра не шло въ разрѣзъ съ желаніемъ Софьи ¹⁾. Расходясь съ ярымъ защитникомъ Софьи Аристовымъ въ оцѣнкѣ ея поведенія, Соловьевъ, Щербальскій, Костомаровъ, Валишевскій и многіе другіе изслѣдователи воздержались отъ прямого обвиненія ея въ умыслѣ на убійство Петра, по мнѣнію же Брикнера, „о покушеніи на жизнь Петра почти не можетъ быть рѣчи“. Историкъ 1725—1727 г. позволилъ себѣ болѣе смѣлый выводъ. Историкъ этотъ, по моему убѣжденію,—никто иной, какъ баронъ Петръ Павловичъ Шафировъ. Его подлинникъ Исторіи Петра перваго до 1700 г. утраченъ. Тѣмъ не менѣе, можно принять, что написанное по указу Сената отъ 1725 г. Шафировымъ вошло въ обширную рукопись, посвященную преимущественно дѣяніямъ этого государя и обрывающуюся на 1727 г. Въ моей библіотекѣ есть ея копія, занесенная, въ 1751 г., въ официальный реестръ подъ № 3, что оформлено скрѣпой секретаря Егора Рыбина и подписью копіиста Кораблева (на оборотн. стор. кожан. перепл.). Второй экземпляръ рукописи, безъ отмѣтки о ея происхожденіи и безъ конца (нѣсколькихъ послѣднихъ листовъ недостаетъ), хранится въ Импер. Публичн. Библіотекѣ и мною просмотрѣнъ. Составъ его описалъ проф. Шмурло ²⁾, прекрасно изучившій литературу Петровской эпохи. На обор. 145 стр. упомянутой случайно пріобрѣтенной мною рукописи авторъ, заведя рѣчь о притѣсненіяхъ, учиненныхъ нашему посольству и самому Петру въ 1697 г. рижскимъ губернаторомъ и послужившихъ однимъ изъ поводовъ войны, говоритъ: „многія грубости... тотъ губернаторъ показывалъ, которые все описывать трудно и не хотимъ оными стужение (о҃торченіе) нанести читателямъ“... Послѣднія слова перенесены Шафировымъ въ упомянутую Исторію изъ его же „Разсужденія о причинахъ

¹⁾ Перв. 17 лѣтъ жизни Петра В. стр. 219.

²⁾ Пространную характеристику дѣяній Петра (въ рѣчи проповѣдника, произнесенной при погребеніи царя) онъ, по недоразумѣнію, вложилъ въ уста автора Исторіи.

войны съ Швеціей“ (стр. 87). „Гисторія“ самой войны, изданная чрезъ нѣскольکو десятковъ лѣтъ княземъ Щербатовымъ ¹⁾, не миновала редакціи Шафирова. Секретарь Коллегіи иностр. дѣлъ увѣдомлялъ, въ 1722 г., кабинетъ-секретаря Макарова, что присланная имъ часть Гисторіи съ 1711—1716 г. „отдана для пересмотрѣнія барону Петру Павловичу“, и обѣщаль „перебѣлить и прислать тетради, какъ скоро онъ высмотритъ“ ²⁾. Вотъ что написалъ Шафировъ о посягательствѣ Софіи на цареубійство: „Того же 7197 (1689) году, августа противъ 8 числа, въ ночи, его величеству въ походе въ селе Преображенскомъ ведомо учинилось, что той ночей прежнія воры и бунтовщики, по повелѣнію сестры его, царевны Софіи Алексеевны, околничей Фетка Шагловитой, собравъ многолюдное собрание съ ружьемъ, тайно намерень приттить въ то село Преображенское ради злохитростнаго умышления на дражайшее его величества здоровье. Тогожъ момента его величество съ матерью своею, благоверною государынею царицею Наталиєю Кириловною, и съ супругою своею, и съ сестрою, государынею царевною Наталиєю Алексеевною, ись того села Преображенскаго въ самой скорости принуждены иттить въ Свято-Троицкой Сергіевъ монастырь, и пришли тогожъ числа. За его величествомъ были тогда бояре и окольнічье думныя, и ближнія люди, и стольники походныя, да его собственныя тогда потешныя. И после того походу въ тотъ монастырь прибыло полатныхъ людей и цередворцовъ и начальныхъ людей и иныхъ всякихъ служилыхъ чиновъ многое множество, и были въ томъ походе сентября по 30 число 7198 году“ ³⁾. Упомянувъ о понесенныхъ виновниками смуты, по изслѣдованіи дѣла, казняхъ, Шафировъ добавляетъ: „И съ того времени сестре его величества царевне Софіи Алексеевнѣ владѣть государствомъ запрещено и вступать ни въ какія дѣла не повелѣно и сослана (въ) Новодевичий монастырь, где пострижена“.—Самъ Петръ въ письмѣ къ брату Іоанну (сентябрь 1689 г.), коснувшись умысла Фетки Шакловитаго съ иными ворами на убійство ихъ съ матерью, „въ чемъ Шакловитый и повинился“, сѣтуетъ на то, что „ззорное лицо, сестра ихъ учала въ дѣла вступать и въ титла вступаться безъ ихъ

¹⁾ Журналъ или поденная «Записка Петра Вел. съ 1698 г. даже до заключенія Нейштатскаго мира».

²⁾ Устряловъ: Ист. царств. Петра Вел. т. I, прилож. II, № 2.

³⁾ Мой списокъ.—Годъ начинался авторомъ съ сентября.

позволенія къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ, для конечной ихъ обиды, хотѣла вѣнчатца“¹⁾). Согласно съ предположеніями, высказанными многими иностранными писателями, голландецъ Номенъ, со словъ жившаго долго въ Москвѣ нѣкоего Брура, повторяетъ, что „Софья старалась коварнымъ образомъ лишить Петра жизни, дабы овладѣть престоломъ“²⁾).

Болѣе или менѣе позднее составленіе графомъ Матвѣевымъ Записокъ не повлекло спутанности въ нихъ событій. Серьезный упрекъ, сдѣланный ему Устряловымъ и Погодинымъ,—неправильное будто-бы отнесеніе имъ казни Цыклера, Соковнина и Пушкина къ 1699 г. устраняется моимъ спискомъ Исторіи стрѣлецкихъ бунтовъ и сличеннымъ мною спискомъ Импер. Публичной Библіотеки, въ которомъ выставленъ 7025 годъ казни, ошибочно принятый переписчикомъ за 1699 г. Въ моемъ спискѣ Исторіи стрѣлецкихъ бунтовъ (изъ коего приведу выдержки), годъ, по старинному счисленію, въ послѣдней цифрѣ показанъ вѣрно—пятый, но, по оплошности переписчика, въ двухъ предшедшихъ цифрахъ вкралась ошибка отъ сокращенія даты. Означено „лѣта семьсотъ двадцать пятаго“ вмѣсто семи тысячъ двѣсти пятаго, что соотвѣтствуетъ году 1697 отъ Р. Х., когда Цыклеръ съ сообщниками и былъ казненъ. Ученые, находящіе у Матвѣва хронологическую несообразность, не удѣлили достаточнаго вниманія неисправности изданныхъ текстовъ его Записокъ. Важное извѣстіе объ обстановкѣ выдачи стрѣльцамъ Ивана Нарышкина, брата Натальи Кирилловны, испорчено даже у Сахарова. По очищенному имъ тексту: „впервые публично царевна Софья на себя тогда оказала подозрѣніе, остро... государынѣ царицѣ сказавъ, что никакимъ образомъ того избыть невозможно“... (чтобы не выдать Ивана Нарышкина стрѣльцамъ)³⁾). Въ моемъ спискѣ 1753 г. изложено: „публично царевна Софья себя оказала, и съ принужденіемъ, зѣло остро... говорила“... Разница существенная. Софья не ограничилась совѣтомъ выдать Нарышкина, но и употребила къ тому свою власть, при поддержкѣ князя Одоевскаго, убѣждавшаго Нарышкина покориться горькой участи для укрощенія стрѣльцовъ. Объясненіе Медвѣдева, что, уступивъ народному упорству, „выдаша (т.-е. выдали) имъ Ивана Кирилловича Нарышкина, кажется, нарочно выго-

¹⁾ Письма и бум. Петра Вел., т. I, № 10.

²⁾ Зап. Номена, перев. Кордта.

³⁾ Сахаровъ: Зап. Матвѣва, стр. 29.

раживаеъ лукавую иниціативу Софьи. Медвѣдевъ, одинъ изъ ея вдохновителей, разсчитывая на наивность читателя, раздачу стрѣльцамъ и присоединившимся къ нимъ Бутырскимъ солдатамъ царевной Софьей,—„ей же Богъ даде чудный смыслъ и сужденіе“,—по десяти рублей каждому, прикрываетъ стараніемъ усмирить ихъ, и тутъ же плачется, что „зѣло они, стрѣльцы, тѣми неправедными взятками все государство къ разоренію привели“. Всесторонне обдуманное повѣствованіе о мятежахъ Матвѣвъ ведетъ послѣдовательно и обстоятельно, безъ какой-либо задней мысли. Нельзя негодовать на графа и за такіе вводные эпизоды, какъ напр. воспоминаніе о сожженіи расколника—протопопа Аввакума въ Пустозерскѣ (1 апр. 1681 г.). Недоумѣніе могъ бы развѣ возбудить сопряженный съ казньо Цыклера, Соковнина и Пушкина фактъ опозоренія трупа Милославскаго, сообщаемый, съ незначительными вариантами, всѣми пространными текстами Записокъ Матвѣва. По Сахаровскому чтенію, и тѣло Милославскаго въ церкви святителя Христова Николая, именуемаго Столпа, что на Покровкѣ, изъ трапезы вынута и, по указу, отвезено въ Преображенскій Приказъ. Мой списокъ 1753 г. церковь св. Николая, откуда тѣло Милославскаго „вырыто“, помѣщаетъ близъ Покровской Большой улицы. Чудовищный обрядъ поруганія трупа Милославскаго подтверждается иностранцами Шлезингомъ и Бове и русскими авторами—думнымъ дворяниномъ, позднѣе окольнымъ Желябужскимъ и біографомъ Артамона Матвѣва. Приведя приговоръ о казни Цыклера съ товарищами, Желябужскій писалъ: „И въ то время, къ казни, изъ могилы выкопанъ мртвый бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій и привезенъ въ Преображенское на свиньяхъ, и гробъ его поставленъ былъ у плахъ измѣнничьихъ; и какъ головы имъ сѣкли, и руда (кровь) точила въ гробъ на него, Ивана Милославскаго“¹⁾.

Сообщилъ **А. В. Лонгиновъ.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Сахаровъ: Зап. Желябужскаго, стр. 51.

Д. И. Дмитріевичъ. Союзъ Болгаріи съ Германіей передъ судомъ свободной Россіи. Факты и документы. Съ предисловіемъ М. В. Родзянко. Петр. 1917. Стр. 14 + 105. Цѣна 1 р.

Авторъ книжки—секретарь сербской миссіи въ Петроградѣ—могъ пользоваться для своего очерка документами первостепенной важности. На основаніи этихъ документовъ онъ выясняетъ роль болгарскихъ государственныхъ дѣятелей въ балканской распрѣ и объясняетъ причины ихъ тяготѣнія къ нѣмецкимъ имперіямъ, исконнымъ угнетательницамъ и поработительницамъ славянства. Той же темы, но болѣе сжато, касается въ предисловіи къ книжкѣ г. Дмитріевича сербскій посланникъ въ Румыніи г. Маринковичъ, который говоритъ также о надеждахъ Сербіи и другихъ славянъ на Россію, какъ на естественную покровительницу славянъ и избавительницу ихъ отъ нѣмецкаго и турецкаго ига.

М. С.

Д. И. Девятисильная. Фабрики и заводы въ царствованіе императора Петра Великаго. Историко-экономическое изслѣдованіе. Стр. 75. Кіевъ. 1917 г.

Очеркъ этотъ представляетъ собой отискъ изъ сборника Мінерва, издаваемого историко-филологическимъ семинаріемъ высшихъ женскихъ курсовъ въ Кіевѣ. Авторъ выясняетъ, сколько Петромъ Великимъ построено было фабрикъ, какіе виды промышленности вводилъ онъ и сколько рабочихъ было на этихъ фабрикахъ занято. Изслѣдовавъ всю обширную литературу предмета, изучивъ соотвѣтственные отдѣлы полнаго свода законовъ, авторъ даетъ обстоятельную картину насажденія Петромъ промышленности въ Россіи и, выяснивъ степень ея соотвѣтствія тогдашнему уровню русской культуры, приходитъ къ выводу, что Россія при великомъ преобразователѣ получила ложное экономическое направленіе. Страна не двинулась впередъ по пути фабричнаго развитія, а національная кустарная промышленность была приостановлена въ своемъ развитіи.

С. М.

Мое время. Записки Г. С. Винскаго. Библіотека мемуаровъ „Огни“. Стр. 159. Ц. 1 р. 25 к.

Записки эти, какъ отмѣчаетъ редакторъ ихъ П. Е. Щеголевъ,—одинъ изъ любопытныхъ и замѣчательныхъ памятниковъ русской мемуарной литературы. Онѣ даютъ живое ощущеніе русской жизни Екатерининскаго времени, показывая не только, какъ жилось сознательному русскому человѣку въ вѣкъ Семирамиды сѣвера, но и какъ чувствовалось ему въ ту эпоху. А. Н. Пыпинъ цѣнилъ записки Винскаго за отсутствіе въ нихъ свойственнаго всѣмъ мемуарамъ Екатерининскаго вѣка панегирическаго тона. Извѣстный историкъ и редакторъ сочиненій Екатерины II подчеркиваетъ, что записки Винскаго доказываютъ, что и въ тѣ времена были люди, которые умѣли трезво понимать происходящее, не ослѣпляясь шумными эффектами. Винскій судитъ просто и здраво и угадываетъ сужденія позднѣйшей исторіи. Редакторъ записокъ приложилъ къ нимъ именную указатель, въ которомъ даетъ рядъ интересныхъ историко-біографическихъ поясненій.

С. Я.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ
РУССКАЯ СТАРИНА
 1918 года.
 СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ТРИДЦАТЬ ДВА** руб. — въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается, какъ для городскихъ, такъ и иногороднихъ подписчиковъ, въ конторѣ журнала „Русская Старина“—Петроградъ, Фонтанка, 18, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россійской Имперіи.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Г.г. иногородніе подписчики, желающіе получить счетъ въ уплатѣ денегъ за выписанный ими журналъ, должны предварительно оплачивать всѣ расходы за свой счетъ, т.-е. пересылку по почтѣ и надлежащій гербовый сборъ.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

1. Записки и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и разказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в. — III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзыви о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе разказы и преданія. — Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. — VII. Народная словесность. — VIII. Родословія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для напечатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются. — Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „РУССКУЮ СТАРИНУ“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1878 и 1880 г.г. по 8 рублей; 1884, 1885, 1888, 1889, 1890, 1892—1908, 1910 и 1911, и 1913, 1914 г.г. по 9 рублей, 1915 и 1916 г.г. — 10 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА
Михаиль Ивановичъ Семевскій.
ЕГО ЖИЗНЬ и ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Съ предисловіемъ и подъ редакціей Н. К. Шильдера. Цѣна 2 руб. съ пересылкой. Съ требованіемъ обращаться: Петроградъ, Б. Подъяческая ул., 7.

